

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

БАЗЫЛЕВА Юлия Сергеевна

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА В. С. БАЕВСКОГО

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Романова Ирина Викторовна

Смоленск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО В ПРОЗЕ В. С. БАЕВСКОГО: «РОМАН ОДНОЙ ЖИЗНИ»	
1.1. «Роман одной жизни» как мемуарно-автобиографический роман	21
1.2. Художественность «Романа одной жизни»: внешняя и внутренняя композиция	28
1.3. Документальное начало в «Романе одной жизни»: лингвистические реалии	44
1.4. Документальность и автобиографизм «Стихотворений двух тысячелетий»	69
1.5. Мемуарные очерки из частей «Поэты» и «Филологи»	82
Выводы по первой главе	98
ГЛАВА II. TABLE-TALK, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ЭПИСТОЛЯРИЙ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННО- ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
2.1. Table-talk: классификация и особенности структуры	101
2.2. История науки в биографиях ученых. Биографические очерки В. С. Баевского	127
2.3. Реконструкция образа ученого и человека в письмах, адресованных В. С. Баевскому (на материале эпистолярного архива)	136
Выводы по второй главе	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	161
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Географические реалии	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Реалии системы образования, религии и культуры	189
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Реалии государственного строя и общественной жизни ..	197
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Ономастические реалии	198

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено анализу художественно-документальной прозы в творчестве писателя и ученого-филолога, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Смоленского государственного университета В. С. Баевского (1929–2013).

Как искусство слова, литература основывается на соотнесенности двух тенденций: воспроизведения событий реального мира – документальности – и образного воссоздания реальности, тяготения к вымыслу – художественности. На этом основании выделяют литературу документальную и художественную. Подобное деление восходит к фундаментальному труду Аристотеля «Поэтика», в котором он утверждал: «Основное отличие литературных сочинений от исторических произведений заключается в том, что историки пишут о тех событиях, которые происходили в реальности, а писатели – о тех, которые могли бы произойти» [Литература и язык, 2008].

Говоря об античной литературе, нельзя не отметить, что в ней было возможно сочетание художественности и документальности. Так, Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» помимо документальных источников (например, рукописных документов) использовал художественные: «сочинения историков, философов и ораторов классической и эллинистической эпопеи, а также поэмы <...> стихотворения <...> трагедии...» [Самуткина, 1987. С. 25].

В литературе документ¹ постоянно «соперничал» с художественностью. До XVIII века господствовала литература художественная, документальная занимала второй план. В русской литературе обращение к документу и его активное употребление начинается со второй половины XVIII века. Особенно заметно, как отмечает О. В. Мамуркина, это проявилось в «автобиографиях, мемуарах, эпистолярной, дневниках, а также бытовых и путевых записках»

¹ Документ – «материальный носитель записи (бумага, кино- и фотопленка, магнитофонная лента, перфокарта и т. п.) с зафиксированной на нем информацией, предназначенной для ее передачи во времени и пространстве <...> документально любое материальное свидетельство (фотографии, картины, архитектурные сооружения, скульптуры и т. д.)» [СЭС, 1979. С. 408].

[Мамуркина, 2013. С. 3]. В отечественной литературе предвестниками жанра, с точки зрения Е. Г. Местергази, являются путевые записки «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова, «Былое и думы» А. И. Герцена.

В начале XIX века документ вновь уступил главенство вымыслу, который стал «индивидуальным достоянием автора» [Хализев, 2004. С. 104]. Задача документа в художественной прозе этого времени сводилась к служебной функции – подчеркнуть или симитировать достоверность изображаемого, придать повествованию реалистичный характер. По мнению Е. Г. Местергази, первыми, кто почувствовал, что документ «способен заговорить “сам по себе”» [Местергази, 2007. С. 12], были А. С. Пушкин (в «Дубровском» есть подлинный документ – «определение суда» в деле о неправильном владении имением), Ф. М. Достоевский (автобиографические «Записки из Мертвого дома») и Л. Н. Толстой (повесть «Хаджи-Мурат», в которую включены письма Воронцова).

В шестидесятые годы XIX века, в эпоху реализма, в среде некоторых русских писателей происходит сознательное обращение к документу (в качестве литературного приема). Во многом это связано с идеями натуральной школы, а также с творчеством французских натуралистов, в частности Э. Золя, заговорившего о «человеческом документе». Благодаря влиянию идей И. Тэна, Э. Золя, братьев Гонкур проявляется стремление к фактографии. По этому поводу В. А. Хорев писал, что в литературе человеческого документа «обнаруживается эстетическая энергия жизненного факта, характера и поведения конкретного лица, его суждений о других людях и себе самом» [Хорев, 2001. С. 64]. Исследователь истории советской литературы П. В. Палиевский отмечал особую роль М. Горького, у которого документ приобрел художественное значение на одном уровне с вымыслом: «внутри его [Горького. – Ю. Б.] художественного мира факт вышел в равноправие, отвоевал себе позицию, где он мог отстаивать свое, а писатель – свое» [Палиевский, 1971. С. 394–395].

В целом интерес к документу возрастал в эпохи исторических перемен, потому что он воспринимался как средство осмысления социальных и

культурных изменений в общественной жизни. Дж. Холловэлл отмечал, что реальность «ежедневно становилась более фантастичной, чем вымышленное видение [*пер. наш. – Ю. Б.*]» [Hollowell, 1977. Р. 3]. Ведущие позиции документ занял в литературе после Первой мировой войны и революции, вызвав небывалый рост документированных произведений. После Второй мировой войны он стал ценным и интересным сам по себе, вызвал потребность переосмыслить произошедшие события. Д. В. Затонский описывал обращение к документу как «закономерную тенденцию развития литературы» [Затонский, 1978. С. 141]. В прозаических произведениях, лишенных художественного вымысла, судьбоносные исторические события творчески анализируются, осмысливаются, пропускаются через индивидуальное восприятие автора, являющегося участником или свидетелем описываемых событий.

Очевидно, в литературе происходит синтез документального материала и художественных приемов его изображения. Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1977] отмечала, что конкретные факты реальной жизни все же позволяют писателю оставаться свободным в их выборе и оценке, в результате чего рождается особая художественность. На основании этого у документальной и художественной литературы образовались точки соприкосновения, что позволило возникнуть художественно-документальной прозе.

Основа художественно-документальной прозы – документ и установка на отсутствие художественного вымысла. Д. С. Лихачев акцентировал внимание на том, что «литература рассказывает не о придуманном, а о реальном: реальное – мировая история, реальное географическое пространство» [Лихачев, 2001. С. 10]. Писатель проводит работу, подобно исследовательской, по отбору материала, а затем в процессе творчества создает живые образы людей и картины эпохи на основе синтеза документа и художественности. Это положение подтверждает позиция Г. И. Ломидзе: «Основа факта выверяется его жизненным вероятием, той большой, существенной правдой, без показания которой невозможно понять и смысл отдельных фактов, их взаимную связь и соподчиненность. Без обобщающей и собирательной концентрирующей работы мысли факт не есть

еще правда, даже законченная часть правды» [Ломидзе, 1978. С. 221]. Говоря о роли писателя в этой прозе, И. С. Янская и Э. В. Кардин указывали, что ему «надлежит добиваться как бы двойной точности, сливающейся в единую и дающей в результате документально-художественную достоверность» [Янская, Кардин, 1986. С. 96].

По мнению Т. Г. Симоновой, синтез документальности и художественности проявляется в следующем: «Реальность находит свое подтверждение в подлинности привлекаемых источников, при этом вступают в свои права характерная для “вымышленной” литературы типизация, возводящая отдельное, частное до общего, симптоматичного, и художественная обработка исходного материала, посредством которой жизненная основа приобретает эстетическое отражение» [Симонова, 2002. С. 8]. Поэтому среди достоинств художественно-документальной прозы выделяется «совмещение реальности факта с богатством литературных возможностей его отражения» [Там же. С. 3].

Споры о взаимодействии художественного и документального, о синтезе факта и вымысла разворачиваются на страницах зарубежных исследований, где заметна тенденция к выделению двух направлений литературы: *fiction* и *non-fiction*. Последнее понятие представлено в зарубежном литературоведении наиболее широко – в него включаются произведения, которые в отечественной науке относятся к художественно-документальным. Ж. Женетт указывал, что нет четкого представления в формальном разграничении повествования документального и художественного: «Приемы “фикционализации” перекочевали за последние десятилетия в некоторые формы фактуального повествования» [Женетт, 1998. С. 406]. Вопрос о присутствии факта в художественном тексте интересовал многих исследователей. Так, Б. Лунсберри отмечала сочетание правды факта и «универсальных истин» искусства [Lounsberry, 1990. P. 15]. Н. Симс писал об изображении достоверной реальности в синтезе с авторскими интерпретациями, которые «неизбежно субъективны и индивидуальны» [Sims,

2009. Р. 8]. Наиболее популярны такие формы, как «creative non-fiction»² («креативный нон-фикшн») и «literary journalism» («литературный журнализм»). Ч. Скэнлан отмечал, что в область creative non-fiction входят «мемуары, художественная статья, литературное эссе, биография [*пер. наш. – Ю. Б.*]» [Blair, 2007. Р. 16]. Обратим внимание, что при обозначении текстов, «казалось бы, художественных, но содержащих очевидные автобиографические элементы [*пер. наш. – Ю. Б.*]» [Jarrety, 2001. Р. 48], в зарубежном литературоведении используется термин «autofiction».

В современном отечественном литературоведении художественно-документальная литература охватывает широкую область явлений, поэтому зачастую по-разному обосновывается ее состав, что приводит к понятийной путанице. В исследовании о специфике художественно-документальной литературы отечественный литературовед Е. Г. Местергази упоминает следующие термины: «документальная литература», «литература факта», «человеческий документ», «художественно-документальная проза», «историко-документальная проза», «автодокументальный текст», «non-fiction», «эго-документ».

В настоящем исследовании под термином «художественно-документальная проза» мы понимаем «произведения, авторы которых в художественной форме описывают реальные события, называя настоящие имена всех действующих лиц, вводя в ткань повествования подлинные документы» [Местергази, 2007. С. 42].

Художественно-документальная проза может быть представлена в форме мемуарного очерка, литературного портрета, автобиографической повести, а также дневников и писем. Это разнообразие заметно проявляется на книжных полках. Мемуарная литература и биографии выходят в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) издательства «Молодая гвардия». Издательство «Наука» выпускает «Историю науки и техники», «Страницы истории нашей Родины», «Библиотечку “Квант”». В настоящее время «Эксмо» издает серии

² Под creative non-fiction, ориентируясь на Л. Гуткинду, который основал первый и крупнейший одноименный литературный журнал, публикующий исключительно creative non-fiction, понимают «true stories, well told» («правдивые истории, хорошо рассказанные [*пер. наш. – Ю. Б.*]») [What Is Creative Nonfiction? URL].

«Биографии великих. Неожиданный ракурс», «Мемуары – XXI век». «АСТ-Пресс» публикует серию «Наука и мир», а издательство «Кучково поле» – мемуары. Санкт-Петербургское издательство «Росток» специализируется на издании документальной литературы и не опубликованных ранее произведений (как писателей XX века, так и крупных ученых). За время существования национальной «Большой книги» произведения художественно-документальной прозы оказывались в тройке финалистов.

Ярким примером художественно-документальной литературы является творчество В. С. Баевского. Вадим Соломонович Баевский как ученый является признанным классиком отечественного стиховедения. Он одним из первых в мире применил точные математические и компьютерные методы к исследованию теории стиха в своей докторской диссертации «Типология стиха русской лирической поэзии»³. В. С. Баевский – один из крупнейших исследователей истории русской литературы, творчества А. С. Пушкина, Б. Л. Пастернака, Д. С. Самойлова, Л. Д. Семенова.

Неудивительно, что внимание литературоведов уделено в первую очередь исследованиям его научного наследия, продолжению оставленных им научных традиций. Так, Ю. Б. Орлицкий [Орлицкий, 2019] в своей работе рассматривает возможность применения терминологических новаций В.С. Баевского (в частности, исследователя интересует вопрос о разнообразии способов рифмования) к новейшей русской поэзии. Орлицкий опирается на книгу «Стих русской советской поэзии» [Баевский, 1972], в которой В. С. Баевский выдвинул ряд важнейших положений о русском стихе⁴, а также на статью о рифме, вошедшую в монографию «Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма» [Баевский, 2001].

³ Защита диссертации состоялась в Тартуском университете благодаря поддержке Ю. М. Лотмана и выдающегося математика академика А. Н. Колмогорова, который в своем отзыве на диссертацию отметил, что «существенную роль играет статистический метод. Никогда еще в стиховедении не проводилось статистического обследования большого материала по столь большому числу признаков. Удачей автора является широкое применение ранговой корреляции между признаками» [Баевский, 2007. С. 143–144].

⁴ Многие из выдвинутых в этой книге положений были последовательно разработаны в его научных сочинениях и в работах его учеников.

Баевский является основателем Смоленской филологической школы, которая занимается исследованиями историко-культурных связей русской поэзии и теории стиха. В связи с этим ряд статей посвящен самому основателю и его филологическому семинару, существующему как место для реализации научных исследований филологической школы. Как отмечают Л. В. Павлова, И. В. Романова, «семинар всегда был информационным полем, в рамках которого происходило знакомство с научной жизнью России и зарубежья» [Романова, Павлова, 2012. С. 585], «знакомил слушателей с наиболее значимыми именами в филологической науке, основными идеями ученых» [Там же. С. 586].

В центре научных интересов В. С. Баевского находился А. С. Пушкин. На примере книги «“Сквозь магический кристалл”: Поэтика “Евгения Онегина”, романа в стихах А. С. Пушкина» [1990] Л. В. Павлова и И. В. Романова отмечают, что ученый, во-первых, объяснил эволюцию Пушкина (как противостояние юности и зрелости), во-вторых, доказал, что пушкинский «“Евгений Онегин” – это не только “энциклопедия русской жизни”, но прежде всего это роман о любви, о высокой культуре чувств» [Павлова, Романова, 2013б. С. 135].

Баевский внес значительный вклад не только в пушкинистику, но и в пастернаковедение. Так, О. А. Мальцевой, Л. В. Павловой и И. В. Романовой в статье, посвященной последней изданной при жизни книге Баевского «Остранение: К поэтике Бориса Пастернака», отмечается ее важная особенность – «автор стремится подчеркнуть в ней функциональный аспект» [Мальцева, Павлова, Романова, 2014. С. 220] такого приема, как остранение. Помимо этого Л. В. Павлова и И. В. Романова считают, что «исследования Баевского, посвященные творчеству Пастернака, с одной стороны, раскрывают фундаментальные вопросы поэтической системы: мифологического пласта, стихотворной речи, влияния музыки. С другой – они решительно порывают с рядом догм, бытующих в массовом сознании и закрепившихся в научном обиходе» [Павлова, Романова, 2013б. С. 135–136].

На протяжении многих лет Баевский был дружен с поэтом Д. С. Самойловым. Литературоведу принадлежит, как отмечает В. А. Сапогов,

«первая книга о Д. С. Самойлове после почти пятидесятилетнего его творческого пути» [Сапогов, 1987]. Достоинства монографии «Давид Самойлов: Поэт и его поколение» [Баевский, 1986] Сапогов рассматривает в двух направлениях. Первое заключается в сообщении биографических сведений, определении этапов творческого пути поэта, восприятии Самойлова критиками. Второе – обнаружение присутствия не только поэзии, но и в целом личности Самойлова в судьбе Баевского: «При точности и объективности повествования в книге ощущается особый лирический, даже исповедальный “тон”, в котором читатель почувствует всю искренность любви к творчеству и личности прекрасного поэта» [Сапогов, 1987]. Как отмечают Павлова и Романова, воспоминания Баевского о Самойлове уникальны тем, что «они основаны на живых впечатлениях от встреч, разговоров, стихов, переписки. Они воссоздают яркие стороны литературной жизни прошлого» [Павлова, Романова, 2013б. С. 139].

Стоит отметить, что некоторых литературоведов интересуют отдельные исследования Баевского, которые посвящены творчеству Д. С. Самойлова. Например, Г. Н. Ермоленко анализирует статью Баевского, направленную на изучение поэтического цикла «Беатриче» Д. С. Самойлова, и приходит к выводу, что в процессе реконструкции фабулы (на основе терминологии формальной школы) Баевский решал нарратологические задачи (это реконструкция фабулы, анализ точек зрения), «прокладывая дорогу применению новых методов литературоведения» [Ермоленко, 2019. С. 215], которые заключаются в «анализе фрагментарного нарратива лирического текста» [Там же. С. 221] по разработанной им для этого особой методике. Такой же уникальной, как монографии об отдельных поэтах, является книга «Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800–1855» [Баевский, 2009]. По замечанию Т. В. Зверевой, она представляет собой «разговор» [Зверева, 2010. С. 177], в который входят «простые вещи: человеческое достоинство, честь, добро и благо» [Там же. С. 178]. Необыкновенным свойством книги становится «ее человеческая теплота» [Там же].

Баевского интересовали не только самородки русской литературы. Он внимательно следил и за литературной жизнью Смоленщины. Тщательное изучение творчества поэтов-смолян позволило Баевскому не только подтвердить гипотезу критика А. В. Македонова о существовании Смоленской поэтической школы⁵ (он сформулировал ее в книге «Очерки советской поэзии»)⁶ – особого творческого объединения, но и теоретически изложить ее в книге «Смоленская поэтическая школа в портретах» [Баевский, 2006]. По замечанию И. В. Романовой, Баевский исследовал стихотворения 20 поэтов «с помощью методов рангового корреляционного анализа. Количественные характеристики индексов, характеризовавших тексты Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина, оказались близки» [Романова. URL]. Баевский на этом не остановился, он рассмотрел их творчество в широком контексте всей русской поэзии, а также показал «конкретные, порой очень плодотворные черты их поэтики» [Там же].

В рецензии С. И. Кормилова на книгу Баевского о Смоленской поэтической школе выделяются такие особенности, как правдоподобие (Баевский не идеализировал поэтов и был не склонен к умолчанию), документальность (ученый представляет литературный и общественно-исторический процесс, а также «“сюжеты” для неофициальной истории литературы» [Кормилов, 2008. С. 128]). Стоит отметить, что позднее об исследователях Смоленской поэтической школы и их достижениях говорила И. А. Королева [Королева, 2019]. Вклад Баевского заключается именно в том, что он подтвердил гипотезу А. В. Македонова своими исследованиями (и она стала теорией).

⁵ Обратим внимание на написание названия. Македонов в своей работе пишет «“смоленская” поэтическая школа» или «школа». Баевский пишет смоленская поэтическая школа – без кавычек, с маленькой буквы. Наше написание ориентировано на последние исследования. Мы согласны с И. А. Королевой в написании Смоленская поэтическая школа (с большой буквы и без кавычек). Именно такое написание «подчеркивает самостоятельность объединения, его особый характер в контексте русской поэзии и значимость, так как школа имеет корни, истоки, величайших основоположников, соратников и учеников и хорошее смоленское продолжение в поэтической сфере» [Королева, 2019. С. 55].

⁶ Суть гипотезы Македонова сводилась к тому, что вокруг М. В. Исаковского сложилась поэтическая школа. Среди поэтов критик называет А. Т. Твардовского как самого большого поэта, затем – Н. И. Рыленкова, Д. Д. Осина, С. А. Фиксина и др.

Наряду с активной научной деятельностью, работой в университете Баевский находил время для художественного творчества – создавал стихи, мемуарную и автобиографическую прозу на протяжении всей жизни: «Я пишу ее, ни на что не претендуя, меньше всего на какие-то срезы, на то, чтобы кого-то поучать, сознавая мою авторскую субъективность, подчиняясь какому-то инстинкту. Пишу ее наряду с воспоминаниями о замечательных людях, с которыми сводила меня жизнь. Чувствую себя обязанным сохранить эти искры жизни, “положить человека в сердце своем”, как сказано в одной старинной книге» [Баевский, 2007. С. 150]. Он был членом Союза российских писателей и обладателем литературных премий имени М. В. Исаковского (2005), А. Т. Твардовского (2011), Н. И. Рыленкова (2013).

Вполне репрезентативным собранием прозы и стихотворений Баевского является «Роман одной жизни».

«Стихотворения двух тысячелетий» (выделены как седьмая глава «Романа...») – тексты, написанные на протяжении 70 лет, представляющие поэтическое творчество Баевского. Они отдельной книжечкой издавались до «Романа...» и после [Баевский, 2004; 2012]. В стихотворениях обнаруживаются знаковые как личные, так и исторические события. В интервью каналу ГТРК «СМОЛЕНСК» Баевский отметил: «В них отразилось время, начиная от Великой Отечественной и вот до сегодняшнего времени. Так что это судьба человека на протяжении почти столетия» [ГТРК «Смоленск». URL]. В книге представлены стихотворения – посвящения близким, друзьям, а также художественные переводы (с английского, немецкого и французского).

После публикации «Романа...» вышла автобиографическая повесть «Центральный поселок» [Баевский, 2008], которая основана на воспоминаниях и личных впечатлениях Баевского от работы школьным учителем русского языка и литературы в Центральном поселке Чистяковского района Донецкой области.

«Жизнь спустя (маленькие рассказы)» [Баевский, 2013] содержит небольшие по объему рассказы, в которых отражены воспоминания разных периодов. Так, ученый воскрешает в памяти образы родителей; с любовью и

теплом вспоминает платочки с вышивкой, которые ему под подушку прятала мама; делится своими детскими впечатлениями о Великой Отечественной войне, представлениями о бойцах Красной армии и тяжелой жизни в эвакуации; рассказывает семейное предание о предке-еврее, который был произведен в офицеры (впрочем, на следующий день вышел в отставку). Забавные происшествия из жизни, названные Баевским *table-talk* и включенные в «Жизнь спустя», ранее были опубликованы отдельно [Баевский, 2006; 2008; 2010; 2011].

Особенность творчества Баевского заключается в том, что он глубоко осмысливал исторические процессы своего времени. Для него было важно выразить правду, подкрепленную исторической и документальной точностью. В «Романе одной жизни» он формулирует свое кредо филолога-историка-археографа в отношении достоверности в литературе: «*Quod non est in actis, non est in mundo*⁷» [Баевский, 2007. С. 9]. Баевский признавался, что в нем «рано проснулось инстинктивное стремление остановить, запечатлеть мгновение в слове, документе» [Там же]. Реализовал он это стремление благодаря дневникам, которые начал вести в 12 лет, потом в 15; уже осознанно, не прерывая, Баевский продолжал вести дневник с 1956 года. Л. В. Павлова и И. В. Романова отмечают «подчеркнуто автобиографический, дневниковый, вписанный в полную драматизма историю России, историю ее духовной жизни» [Романова, Павлова, 2020. С. 257] характер творчества Баевского.

Степень разработанности темы. Баевский – автор большого числа монографий и статей⁸ в научных журналах и сборниках, в энциклопедических словарях, поэтому внимание литературоведов акцентировано на изучении его научного наследия, продолжении заложенных им традиций. Литературное творчество Баевского почти не рассматривалось. Художественно-документальная проза В. С. Баевского не становилась объектом системного исследования.

Тем не менее ряд ученых ставит вопрос о жанровой принадлежности «Романа одной жизни» и некоторых очерков из него. Так, в работах

⁷ В переводе с латинского: чего нет в документах, того нет и на свете.

⁸ Более 800 работ.

О. Ф. Ладохиной («Счастье») [Ладохина, 2005] и Е. Орловой (непосредственно «Роман...») [Орлова, 2008] «Роман...» был отнесен к жанру филологического романа, в котором в «химическую реакцию» [Орлова, 2008] вступили «автобиографическая проза, стихи, воспоминания» [Там же]. Орлова также писала, что книгу в целом «можно назвать и мемуарной, и документальной прозой» [Там же]. По мнению О. Гертман, указанные в аннотации «авангардный роман» и «экспериментальный текст» ничего общего с изданным текстом не имеют: «никакой авангардности, никаких экспериментов в “Романе одной жизни” нет и в помине. И даже никакой парадоксальности. Есть добротное, реалистичное повествование о собственном прошлом» [Гертман, 2008]. Помимо жанровой природы романа Г. А. Закроева [Закроева, 2020] исследовала «онейрические тексты» (литературные сновидения) в «Романе одной жизни». Она пришла к выводу, что сновидение у Баевского – это особая форма воспоминаний о далеком детстве, которое было настолько давно, что представляется сном, а точнее – воспринимается сквозь призму сна.

Объектом рассмотрения в исследованиях становилась и лирика Баевского. Так, поэтику времени в «Стихотворениях двух тысячелетий» рассматривали Л. В. Павлова, И. В. Романова. В лирике, как и в его прозе, обнаруживаются приметы исторических эпох (на уровне лексики и датировки, которой свойственна предельная хронологическая точность), время, по замечанию исследователей, «измеряется в людях» [Павлова, Романова, 2013а. С. 358].

А. В. Журавковой [Журавкова, 2015] была предпринята попытка исследования особенностей жанрового образования «Table-talk» на основе историй о писателях, живущих в Смоленской области или посетивших ее. В частности, она называет (но не исследует) одноименную работу Баевского, а также говорит о шести историях, в которых упоминается ученый.

Эпистолярное наследие Баевского становилось предметом изучения в работах Е. И. Гусева [Гусев, 2019; 2020], Э. Л. Котовой [Котова, 2019], И. А. Королевой [Королева, 2019], И. В. Романовой [Романова, 2020], Л. В. Павловой и И. В. Романовой [Павлова, Романова, 2021]. Исследуемый

эпистолярный представляет свидетельства общения и дружбы Баевского с литературоведами М. Л. Гаспаровым, М. А. Красноперовой, А. В. Македоновым, американским славистом Джеймсом Бейли.

Таким образом, основное внимание литературоведов уделялось научному наследию ученого, получившему продолжение в трудах его последователей. Среди художественных произведений Баевского интерес привлекали отдельные очерки, вошедшие в «Роман одной жизни», и сам роман как итоговое произведение писателя. Ставился вопрос жанрового своеобразия «Романа...», уделялось внимание отдельным аспектам (например, сновидениям).

Актуальность нашего исследования обусловлена высокой в настоящее время востребованностью (читателями, издателями, критикой и филологами) литературы, сочетающей художественное и документальное начала, и вместе с тем отсутствием специальных работ, посвященных изучению художественно-документальной прозы В. С. Баевского. Для нее характерны документальное начало, высокохудожественное освоение материала, а также научная составляющая.

В качестве **материала** исследования выступают малая («Жизнь спустя (маленькие рассказы)»); «Table-talk») и крупная проза («Роман одной жизни») В. С. Баевского, а также уникальные архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот: эпистолярный (625 писем), видеозаписи курса «История науки в биографиях ученых» (лекции о следующих персонах: историк литературы – А. Н. Веселовский; литературоведы – Б. Я. Бухштаб, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон; историки – В. О. Ключевский, С. М. Соловьев; математик – А. Н. Колмогоров; психологи – Л. С. Выготский, Э. Кречмер). В качестве источников дополнительной информации привлекаются повесть «Центральный поселок»; книги («В нем каждый вершок был поэт: Записки о Д. С. Самойлове», «Пастернак: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам»); интервью («Книги и мысли Вадима Баевского»).

Объект исследования – художественно-документальная проза в творчестве В.С. Баевского, своеобразие документально-художественного синтеза.

Предмет исследования – формы воплощения документального и художественного начал прозы и поэзии В. С. Баевского.

Цель работы – исследование особенностей взаимодействия документального и художественного начал в прозе В. С. Баевского, относящейся к художественно-документальной литературе.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- проанализировать «Роман одной жизни» В. С. Баевского, относящийся к художественно-документальной литературе, сосредоточив внимание на сочетании документального, художественного, мемуарного и автобиографического начал;
- определить особенности структуры литературных портретов, созданных Баевским, на примере частей «Поэты» и «Филологи» «Романа одной жизни»;
- установить на материале «Романа одной жизни» связь между лирикой и прозой;
- охарактеризовать table-talk Баевского и предложить их сюжетно-тематическую классификацию;
- определить особенности структуры биографических очерков Баевского на примере авторского курса «История науки в биографиях ученых»;
- реконструировать образ Баевского на основе его прозы и переписки с учеными, сравнить эти два образа между собой.

Методологическая база. Работа основана на комплексном подходе.

Методы исследования. В работе применены следующие методы: биографический (позволяет обозначить автобиографические черты в изучаемых произведениях); культурно-исторический (позволяет выявить особенности культуры и истории XX–XXI веков, в рамках которой были созданы исследуемые произведения); структурно-типологический (позволяет выявить общие, универсальные и индивидуально-авторские механизмы формирования и функционирования нарративов, традиций, жанров); квантитативный (позволяет

провести элементарный статистический анализ, а затем интерпретировать полученные данные).

Теоретической базой исследования послужили работы, раскрывающие историю развития и особенности художественно-документальной литературы (Л. Я. Гинзбург, П. В. Палиевский, Т. Г. Симонова, Я. И. Явчуновский; N. Sims), документальной литературы (И. С. Янская и В. Кардин); затрагивающие вопрос о роли и задачах документа в художественной литературе (П. В. Палиевский, Л. Я. Гинзбург), а также вопрос о вымысле в документалистике (А. Аграновский; J. Hollowell, В. Lounsberry). Особое внимание было уделено работам, в которых рассматриваются особенности мемуаров (Л. М. Ньюбина, Т. Г. Симонова), автобиографии (Т. М. Колядич, М. Медарич), очерка (Л. Е. Кройчик), литературного портрета (В. С. Барахов, С. Н. Колосова, В. Е. Хализев), table-talk (Я. Л. Левкович), реализующихся в большинстве случаев в форме исторического анекдота (Е. Курганов, Н. А. Синдаловский).

Значительное влияние на формирование концепции работы оказали исследования теоретиков и историков литературы (М. М. Бахтин, Д. В. Затонский, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа). Опираясь на труды упомянутых ученых, мы делаем попытку теоретического обоснования и анализа художественно-документальной прозы В. С. Баевского.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представления о художественно-документальной прозе, ее особенностях на примере творчества В. С. Баевского; в выделении жанровых форм, используемых писателем; в выявлении способов представления документального материала, его художественного оформления. Предложенные в исследовании выводы могут стать основой для дальнейшего изучения особенностей текстов, относящихся к художественно-документальной литературе.

Практическая значимость исследования состоит в применении основных положений данной работы для дальнейшего изучения творчества В. С. Баевского. Предложенные классификация table-talk и типология структурных компонентов очерков могут быть частично перенесены и на анализ текстов других авторов.

Исследование художественно-документальной прозы в целом и произведений В. С. Баевского в частности способствует более углубленному изучению прозы филологов в вузовских курсах.

Научная новизна исследования обусловлена, во-первых, выбором материала и предмета исследования. Широта охваченного материала (проза, неопубликованные архивные материалы) делает нашу работу первым комплексным исследованием художественно-документальной прозы В. С. Баевского. Во-вторых, в диссертации проведен анализ мемуарного и автобиографического материала как важнейших компонентов художественно-документальной прозы смоленского писателя. В-третьих, исследованы структурные, жанровые и языковые особенности художественно-документальной прозы. В-четвертых, впервые предложена классификация жанра table-talk в творчестве В. С. Баевского.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Литературное наследие В. С. Баевского представлено разными художественно-документальными формами: мемуарно-биографический роман, лирика, биографический очерк, литературный портрет, table-talk.
2. В основе художественно-документальной прозы В. С. Баевского лежит синтез документальной основы и художественной формы. Подлинные события и действующие персонажи, реалии прошлого и современной жизни (географические, культурные) вводятся в художественную ткань повествования.
3. Мемуарные очерки В. С. Баевского способствуют развитию автобиографизма. Автобиографизм присутствует на уровне субъективного отбора и интерпретации материала, активизации образа повествователя.
4. «Роман одной жизни» представляет собой мемуарно-автобиографический роман, в структуру которого входят ранее написанные автобиографические повести и мемуарные очерки, а также лирика.
5. Лирика В. С. Баевского, включенная в «Роман одной жизни», является дополнительным способом изложения прозаического сюжета.

6. В творчестве В. С. Баевского представлены мемуарные очерки в форме литературного портрета и биографического очерка. В биографическом очерке объектом художественного исследования являются факты жизни героя, его научное наследие, в литературном портрете – личность и внутренний мир современника.
7. Table-talk – промежуточный жанр между художественной литературой и фольклором. Table-talk В. С. Баевского принимают форму цитаты-выписки, заметки, филологического анализа, афоризма, анекдота трех типов – исторического (политического и анекдота-персоналии), профессионального (педагогического и медицинского), бытового. Наиболее частая форма – исторический анекдот.
8. Эпистолярный архив В. С. Баевского может быть использован для реконструкции образа писателя и ученого как высоко оцененного мировым сообществом исследователя и человека, а также выступать в качестве затекста его художественно-документальной прозы.

Степень достоверности определяется релевантным отбором материала, соответствующего теме исследования. В работе используются методы, отвечающие поставленной цели и задачам. Положения и выводы, сделанные в ходе исследования, аргументированы и подкреплены фактическими данными, которые могут быть проверены.

Апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию в виде 8 докладов на научных конференциях разных уровней (международных, всероссийских и межвузовских): Международной научно-практической конференции «Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий» (Брест, 16–17 февраля 2017 года); XI Международной научно-практической конференции «Проблемы экологии языка и культуры в образовательной среде XXI века» (Смоленск, 12–14 апреля 2017 года); Всероссийской научно-практической конференции «Современная наука: идеи, которые изменят мир» (Брянск, 22–23 ноября 2018 года); Международной научной конференции «Современные пути изучения

литературы», посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. С. Баевского (Смоленск, 16–18 мая 2019 года); Научно-практической конференции «Русский язык в современном мире» (Смоленск, 16–17 мая 2019 года); Аспирантской научной конференции (Смоленск, 2–3 ноября 2017 года, 25 ноября 2020 года); Форуме Школы молодых ученых «Квантитативная филология» (Смоленск, 24–28 октября 2021 года).

НИР «Из литературного наследия В. С. Баевского: биографические очерки и литературные портреты» была удостоена второго места в направлении «Исследования в области гуманитарных наук» на Ежегодном областном конкурсе молодых ученых 2020 года (Смоленск).

Результаты исследования отражены в 11 публикациях, 4 из которых – в периодических научных изданиях, входящих в Перечень ВАК РФ.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность, определяется научная новизна и значимость (практическая и теоретическая) исследования, ставятся цель и задачи, описываются методы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе анализируется «Роман одной жизни» В. С. Баевского с точки зрения документальности, автобиографичности и художественности. Отдельное внимание уделяется лирике Баевского как одному из способов изложения эпического сюжета, а также мемуарным очеркам, написанным в форме литературного портрета.

Во второй главе исследования представлен обзор архивного наследия Баевского – эпистолярная и биографическая часть из авторского цикла лекций для аспирантов «История науки в биографиях ученых», а также анализ table-talk из нескольких публикаций.

В заключении формулируются выводы, подводятся итоги исследования. Список литературы включает 194 наименования, 56 архивных материалов. Диссертацию дополняют приложения.

ГЛАВА I. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО В ПРОЗЕ В. С. БАЕВСКОГО: «РОМАН ОДНОЙ ЖИЗНИ»

1.1. «Роман одной жизни» как мемуарно-автобиографический роман

А. Белый писал: «Моя жизнь постепенно стала мне писательским материалом; и я мог бы годы, иссушая себя, как лимон, черпать мифы из родника моей жизни...» [Белый, 1922. С. 64]. Баевский не пишет биографию, но «текст этой биографии, как некоторый код, определяющий все, что он считает в своей жизни “значимым”, “достойным памяти потомства”, будет постоянно присутствовать в его сознании» [Биография как искусство. URL]. Все «значимое» для Баевского находит отражение в «Романе одной жизни», где в качестве основы произведения выступают жизненные ситуации и факты, а также духовные поиски автора.

«Роман одной жизни», опубликованный в 2007 году Санкт-Петербургским издательством «Нестор – История», является наиболее полным собранием прозы (включаям ранее написанные мемуарные очерки и автобиографические повести) и стихотворений В. С. Баевского. В «Роман...» в качестве важной составляющей также вошли дневники и письма от адресатов.

«Роман одной жизни» состоит из трех частей: «События», «Поэты», «Филологи». «Роман...», как отмечал в своей рецензии А. С. Немзер [Немзер, 2008], представляет собой собрание ранее изданных Баевским мемуарных очерков. «Роман...» вобрал в себя ряд отдельных автобиографических очерков Баевского, опубликованных ранее: «“Я не был лишним”: Из воспоминаний о Б. Я. Бухштабе» [Баевский, 1988], «Встречи с Пастернаком» [Баевский, 1990], «Стойк» [Баевский, 1993], «Ржавый» [Баевский, 1993], «Elan vital» [Баевский, 1994], «Смоленский Сократ» [Баевский, 1996], «Последний перипатетик» [Баевский, 1997], «Из крымских воспоминаний: Нина Николаевна Грин; Мария

Степановна Волошина» [Баевский, 1998], «Рихтер поэзии» [Баевский, 1999а, б], «Рейсер» [Баевский, 2003], «Жизнь и смерть Евгения Ланна» [Баевский, 2003], «Сны моего детства» [Баевский, 2003], «Памяти Ивана Трифоновича Твардовского: Несостоявшаяся дружба» [Баевский, 2004], «Счастье. Роман одной жизни» [Баевский, 2004], «Николай Иванович и Евгения Антоновна» [Баевский, 2005], «Еврей-офицер – к этому надо привыкнуть» [Баевский, 2006], «ШАД» [Баевский, 2006], «Антропософия: Из далеких воспоминаний» [Баевский, 2006], «Сорок лет» [Баевский, 2007].

При включении в «Роман...» ученый вносил некоторые корректуры. Например, Баевский трансформировал названия некоторых снов из очерка «Сны моего детства». Так, сон второй был назван «Абсолютное» (в «Снах...» – «Абсолют»), сон четвертый – «В Арыке» (в «Снах...» – «Арык»), а сон пятый – «Полстула» (в «Снах...» – «Стул»). Очерк «Стоик» в «Романе...» добавил в заголовок имя персоналии – Л. Я. Гинзбург, а «*Elan vital*» – имя Ю. М. Лотман. Очерк «Из крымских воспоминаний: Нина Николаевна Грин; Мария Степановна Волошина» вошел во вторую часть «Романа...» (15 глава) под заголовком «Из крымских впечатлений. Н. Н. Грин, М. С. Волошина». Очерк «Еврей-офицер – к этому надо привыкнуть» не был выделен в «Романе...» как отдельная глава, но вошел в шестую главу «Романа...» в раздел «Семья». Очерк «Имени Тургенева: Из летних впечатлений 1997 года» [Баевский, 1997] был дополнен и включен в роман в качестве 16 главы. На основе книги «В нем каждый вершок был поэт: Записки о Д. Самойлове» [Баевский, 1992] была сформирована 10 глава «Романа...», в которую вошло многое из содержания раннего издания.

В название «Роман одной жизни» Баевский заключает несколько смыслов: его содержание составляет судьба одного человека от детства до почтенной старости, но при этом «роман» указывает, что текст будет философичным, обнажит такие вечные проблемы, как бытие человека, покажет судьбоносные события и принятые решения с ошибками и извлеченными из них уроками. На наш взгляд, стратегию, которой придерживался в «Романе...» Баевский, обозначили Л. В. Павлова и И. В. Романова: это «движение от дневника к

мемуарам, а от них именно к романной форме» [Павлова, Романова, 2020. С. 267]. Дневниковые записи Баевского обладают достоверностью и документальностью, потому что «сделаны по свежим следам разговоров и событий» [Романова, Павлова, 2013б. С. 139].

Баевский затруднился в определении жанра «Романа...»: он называет его воспоминанием, характеризует как «былое и думы». Сходство он видит не в соотношении с книгой А. И. Герцена, а «в соотношении правды жизни и авторского вмешательства» [Баевский, 2007. С. 12]. Подобную позицию можно обнаружить в работах Л. Я. Гинзбург. Определяя особенности прозы А. И. Герцена, она говорила о сочетании в ней теоретического и художественного начала: «“Былому и думам” присуще особое, специфическое соотношение между теоретическим началом и началом художественным, между авторской личностью и изображаемой действительностью, между подлинностью жизненного материала и его творческим преломлением» [Гинзбург, 1957. С. 45–46]. Несомненно, жанровое сходство с «Былым и думами» проявляется и в том, что Баевский, подобно Герцену, размышляет о месте и роли мыслящего человека (будь то ученый или писатель) в суровой социальной действительности (достаточно вспомнить условия цензуры, царившей не только в литературе).

Вслед за А. Л. Гришуниним Баевский рассматривает «Роман...» как лирико-мемуарное литературоведение, то есть симбиоз трех начал – лирического, мемуарного и литературоведческого. Точка зрения Гришунина близка Г. А. Закроевой, определяющей «Роман...» как «лирический мемуарный роман» [Закроева, 2021. С. 284]. Лирический мемуарный роман – объединение стихов и прозы в автобиографическом романе, в котором автобиографические сюжеты соединяются с лирическими размышлениями и воспоминаниями. В. Г. Белинский отмечал, что лиризм в качестве формы выражения отношения писателя к действительности свойственен разным литературным направлениям, он оживляет литературные роды: «Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно равнодушны к своему содержанию» [Белинский, 2017. С. 75]. Сопоставляла мемуары и лирику Л. Я. Гинзбург: «Литература воспоминаний,

автобиографий, исповедей и “мыслей” ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивыми присутствием автора. <...> Острая их диалектика – в сочетании этой свободы выражения с несвободой вымысла, ограниченного действительно бывшим» [Гинзбург, 1996. С. 132].

Специфика мемуаров как документально-художественного жанра заключается в соотносении повествования с биографией автора, выступающего в роли участника, свидетеля описанных событий, с осознанной авторской позицией. Т. Г. Симонова указывала, что обязательным компонентом мемуаров являются «автобиографические мотивы» [Симонова, 2002. С. 22], Т. М. Колядич в качестве «необходимого компонента мемуарного повествования» [Колядич, 1998. С. 16] также отмечала автобиографическую составляющую. А. И. Вачева акцентировала внимание на том, что «автобиография возникла как разновидность мемуаров, в которых автор ведет себя как свидетель» [Вачева, 2015. С. 61]. Ф. Лежен указывал на то, что автобиография – «ретроспективный рассказ в прозе, в котором реальный человек представляет свое собственное существование, делая акцент на свою индивидуальную жизнь и, в частности, на историю своей личности» [Лежен, 2006. С. 261–262]. Лежен говорит об автобиографии как о серии выбранных эпизодов, причем этот подбор однажды уже сделан памятью; кроме того, мемуарист сам сознательно отбирает материал. Вслед за М. Медарич [Медарич, 1998] выделим такие признаки автобиографизма, как сведения биографического характера, личные реакции.

«Роман...» наполнен автобиографическими сведениями из жизни Баевского. Судьбу писателя можно проследить на основе сюжета, изложенного в трех частях романа: «Я позволяю себе писать только на основе документов, в первую очередь – своего дневника и писем. Иногда память в общих чертах сохранила какой-то интересный разговор, захватывающий образ, необычное впечатление. Велик соблазн вырвать из забвения, записать... Нет, нельзя: легко ошибиться. Что не осталось в документах, того не было в жизни. Для меня как мемуариста закон таков» [Там же. С. 11]. При этом в описании событий и героев проявилась субъективность Баевского. Субъективность автобиографического повествования,

по замечанию Л. М. Ньюбиной, состоит из двух процессов: «отбора воспоминаний и их облачения в слово, именно язык придает воспоминаниям собственный смысл» [Ньюбина, 2010. С. 40]

Часть «События» включает семь глав и представляет впечатления детства, отрочества, юности, зрелости Баевского, поэтому носит автобиографический характер. Все, что было в раннем детстве, Баевским воспринимается как сны – так трудно поверить, «не приснилось ли это?» [Там же. С. 16], причем сны как хорошие, так и плохие. Счастливое детство в «доме на углу Дерibasовской и Ришельевской» [Там же. С. 16], в котором он катался на машине Мейерхольда, переживая «абсолютное счастье» [Там же], был голкипером дворовой футбольной команды, оказалось разрушено в 1937 году с арестом отца. Все написанное – события для маленького мальчика, пускай и форма выражения этих событий – сны.

Глава вторая «Ржавый», названная по дворовому прозвищу Баевского, тоже наполнена разными событиями из его жизни. Одно из них – знакомство с жестом «рот фронт», противопоставленным жесту фашистов: «Самый ненавистный для него жест – рука, вынесенная вперед и вверх, приветствие фашистов. А самый любимый – согнутая в локте рука, прижатая к туловищу и вскинувшая к плечу упрямый кулак <...> интернациональный жест всех антифашистов предвоенных времен – вот его любимый жест на всю жизнь» [Там же. С. 31]. На пути к «аттестату зрелости» Баевский, как и миллионы тех, кто «целенаправленно ехали и потерянно скитались по железным путям потрясенной страны» [Там же. С. 43], пробирался из Киева эшелоном третьего класса в Ашхабад под гул «юнкерсов» и «фастов». Он видел, как «на соседних путях горели вагоны с живыми беззащитными людьми» [Там же. С. 164].

Испытывая нечеловеческий страх, он осознал, «что в мире есть Высшая Сила» [Там же. С. 164], когда поезд выдерживал атаки фашистов и продолжал свой путь. Он придумал молитву, в которой на протяжении долгих лет находил спасение: «Господи, благодарю Тебя за то, что ты есть, и за все то, что Ты для меня сделал» [Там же. С. 41]. Работая над романом, Баевский признавался:

«Сегодня меня поражает тот двенадцатилетний мальчик, который ничего не просил у Бога и только благодарил его» [Там же. С. 121]. Многие прибывшие в Ашхабад столкнулись с неприспособленностью к местному климату. Город в «Романе...» представлен «духовым шкафом раскаленной печки, да еще залитый потоками афганца» [Там же. С. 53].

Третья глава «ШАД» представляет собой «одно из самых важных событий» [Там же. С. 74] для трех человек – Баевского и двух мальчишек, которые на всю жизнь стали друзьями писателя.

Глава четвертая «Последний перипатетик. Г. Т. Чирков», на первый взгляд, выбивается из этого списка. Она повествует о педагогах, запомнившихся Баевскому в студенчестве. Особое место среди упомянутых в главе имен занимает преподаватель логики, «Учитель» [Там же. С. 106], которым Баевский восхищался не только как ученым, но и как человеком – нравственным, волевым, мужественным [Там же. С. 115].

Глава пятая «Счастье» вновь возвращается к событиям, оставившим след в памяти Баевского. Выбивается лишь подглава под нумерацией «0», где писатель размышляет над формой повествования в романе. В целом же в «Счастье» Баевский показывает окончание войны и трудности, с которыми он столкнулся, возвращаясь в Киев⁹. Но с Киева начинается новая страница жизни Баевского – поступление в Киевский педагогический институт, где он увлекся наукой, которую не оставлял до конца своей жизни. Он рассказывает о том, как добивался взаимности у своей будущей жены, в которую был влюблен со школьной скамьи, об их дальнейшей жизни и работе школьными учителями в шахтерском поселке Чистяково. И, конечно, о большой науке, которая была открыта Баевскому, когда он защитил докторскую диссертацию.

Шестая глава «Письмо, или Между правдой и молчанием» позволяет Баевскому дополнить сказанное в предыдущей главе (некоторые сюжеты в этих главах переплетаются, например, об учебе в университете, работе в Донбассе),

⁹ В 1944 году вместе с матерью Баевскому «пришлось пережить беды на краю ареста и голодной смерти» [Там же. С. 162], пока они добрались до Киева.

представить себя и события из своей жизни на основании документальных свидетельств, по преимуществу – писем и записей из своих дневников, вплетенных в ткань повествования. Писатель ведет подробный рассказ о корнях своей семьи, тем самым вписывая в роман концепт родства, «без которого нет человека и его предков» [Нюбина, 2010. С. 42]. Повествует о пути в науку, изучении иностранного языка и ряда других наук (истории, философии, музыки, математики, психиатрии и, наконец, филологии), приезде в Смоленск в качестве сотрудника кафедры русской литературы.

Последняя, седьмая, глава «Стихотворения двух тысячелетий» представляет собой собрание стихотворений – посвящений близким, друзьям, а также художественных переводов (с английского, немецкого и французского). Эта глава демонстрирует единство восприятия прозы и лирики писателя: стихотворения – форма изложения тех же событий, о которых Баевский сказал в прозе, но уже средствами лирики.

Две следующие части «Поэты» и «Филологи» представляют Баевского как ученого, демонстрируют мир, в котором он реализуется. Главы, входящие в состав частей, включают воспоминания о поэтах (Б. Л. Пастернак, Е. Л. Ланн, Д. С. Самойлов, Н. И. Рыленков), их «спутниках» (брат А. Т. Твардовского – И. Т. Твардовский, артист Д. Журавлев – близкий товарищ Б. Л. Пастернака, жена Е. Л. Ланна, вдовы А. Белого, А. С. Грина, М. А. Волошина, Н. И. Рыленкова), об ученых (Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотман, А. В. Македонов, С. А. Рейсер).

Особенность данных частей в том, что они содержат мемуарные материалы, уникальные факты из биографий поэтов и ученых, свидетелем которых был сам Баевский. Именно благодаря такому совмещению (судьбы Баевского и других людей) складывается не только история жизни отдельных персон – вырисовывается история литературы и история науки, в которую вплетается история одной жизни.

Таким образом, «Роман одной жизни» представляет собой мемуарно-автобиографический роман, который совместил в своей структуре лирику и ранее

написанные автобиографические повести, мемуарные очерки. В романе обнаруживается сочетание подлинных исторических свидетельств (война, эвакуация, перестройка), личных документов (дневников, писем) с художественным повествованием. Выбор данных источников позволяет понять личность Баевского, отметить среди его черт характера искренность и стремление к выражению правды, точность в изображении увиденного и пережитого.

1.2. Художественность «Романа одной жизни»: внешняя и внутренняя композиция

«Роман одной жизни» имеет прямое отношение к художественно-документальной литературе. В нем нет фиктивных лиц и событий, но при этом «Роман...» – произведение художественное, потому что в нем присутствуют признаки эстетической организации текста: «В нижеследующем тексте все до последней мелочи – правда. И вместе с тем моя авторская воля – я это чувствую – решительно вторгается в повествование. Она проявляется в отборе людей и фактов для изображения. В стиле. Именно в такой, а не иной смене точек зрения и передаче реплик персонажей. В распределении материала, то есть в композиции» [Баевский, 2007. С. 12].

Мы разделяем точку зрения Л. С. Выготского относительно природы материала – это «житейские отношения, истории, случаи, бытовая обстановка, характеры, все то, что существовало до рассказа и может существовать вне и независимо от него...» [Выготский, 1998. С. 187]. Е. Г. Местергази также отмечала: «Повествуя о пережитом, т. е. по сути свидетельствуя, автор в первую очередь отбирает материал, чтобы затем расположить отобранные факты в единственно верной композиции» [Местергази, 2007. С. 119]. Баевский следует этой логике: для него материал произведения – все то, что заключено в слове (отношения, истории, характеры), а форма произведения – расположение

материала, то есть композиционное объединение слов. Можно говорить о том, что в рамках «Романа...» художественность интерпретируется как субъективность оценок описываемых событий, людей и авторского повествования в целом.

На неразрывную связь композиции и материала, из которого она строится, указывал и В. В. Виноградов: для ученого материал – «строительная база для оформления динамической структуры образа автора, повествовательного, лирического и драматического стилей, речей персонажей, их образов. <...> Явления стилистики языка и стилистики речи, попадая в литературу, подчиняются художественно-эстетическому заданию и оказываются обусловленными структурой литературной композиции» [Виноградов, 1963. С. 75]. К проблеме формы и содержания в своих работах обращался и М. М. Бахтин. Он отмечал, что «форма не может быть понята независимо от содержания, но не может быть независима и от природы материала и обусловленных ею приемов» [Бахтин, 1986. С. 119]. Исследователь обуславливал форму с двух сторон – содержанием, особенностями материала и способами его обработки.

Вопрос композиции литературного произведения обращал на себя внимание многих ученых-литературоведов. Так, Ю. М. Лотман отмечал ее двойственность: «С одной стороны, это последовательность различных сегментов текста. Поскольку в первую очередь подразумеваются наиболее крупные сегменты, то с этой точки зрения композицию можно было бы определить как сверхфразовую и сверхстиховую синтагматику поэтического текста. Однако эти же сегменты оказываются определенным образом уравненными, складываются в некоторый набор однозначных в определенных отношениях единиц. Не только присоединяясь, но и сопоставляясь, они образуют некоторую структурную парадигму...» [Лотман, 1992. С 115].

Особый вклад в изучение композиции внесли ученые-формалисты. Так, Б. В. Томашевский выделял в композиции текста построение – соединение частей в целое [Томашевский, 1959]. В противовес формалистам

В. М. Жирмунский рассматривал текст не просто как структуру, а в совокупности с содержанием [Жирмунский, 1977]. Цель изучения композиции В. М. Жирмунский видел в выяснении художественных принципов, «которыми определяется в произведении искусства его внешнее построение, распределение или расположение в нем художественного материала» [Жирмунский, 2001. С. 43]. По представлению В. И. Тюпы, композиция – основа субъектной организации литературного произведения. Она является «дискурсивной организацией целого как натурально-языкового высказывания» [Тюпа, 2006. С. 48].

Обратим внимание, что композиция текста выстраивается на двух уровнях – внешнем (архитектоника) и внутреннем (языковой): «Каждый текст может быть подвергнут лингвистическому изучению в двух планах: в плане содержания, то есть коммуникативного членения, и в плане формального, то есть лексико-грамматического, построения. <...> В художественном тексте существующая соотнесенность между содержанием и формой имеет особый вес, поскольку в нем важно и то, что изображается, и то, как изображается» [Лавыш, 2004. С. 45]. Таким образом, языковая композиция обуславливает внутреннее строение текста, то есть содержание, а архитектоника – внешнее, то есть форму.

Под внешней композицией (архитектоникой), ориентируясь на работу Н. А. Николиной, мы подразумеваем «членение текста на определенные части (главы, подглавки, абзацы, строфы и пр.), их последовательность и взаимосвязь» [Николина, 2003. С. 45]. Также мы учитывали работу А. И. Горшкова, который указывал на разделение текста и «расположение частей: пролог, эпилог, глава, часть, книга, том» [Горшков, 2008. С. 141]. Особую важность имеет членимость текста: она может зависеть от «размера частей и содержательно-фактуальной информации, а также прагматической установки создателя текста» [Гальперин, 1981. С. 50].

Под внутренней композицией (языковой), опираясь на работу Г. Д. Ахметовой, мы понимаем «систему, состоящую из связанных между собой по смыслу и грамматико-интонационно компонентов (единиц), очерченных

рамками образа, которые динамически развиваются в тексте; изучающуюся со стороны формы (условная категория лица) и со стороны содержания (композиционные связки, обрывы, вставки и т. д.); являющуюся исторически изменчивой и лежащей в основе типов текстов» [Ахметова, 2002. С. 67].

Рассмотрим особенности **внешней композиции** романа.

Как элемент художественного текста, организующий внешнюю композицию, Баевский использует эпитаф. Эпитаф воспринимается нами как «изречение, предваряющее новый раздел или главу в произведении» [Guddon, 1999. P. 276]. «Выражающее основную идею, замысел автора» [Булыко, 2008. С. 691] изречение «под прикрытием некоей маски, как бы от другого лица <...> создает сложный образ, рассчитанный на восприятие также и того контекста, из которого эпитаф извлечен» [ЛЭС, 1987. С. 481]. Роман предваряют три эпитафа, принадлежащих перу классиков русской литературы – А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ю. В. Трифонова. Эпитаф из Пушкина делает акцент на уходящей жизни, в которой все минувшие события возникают в памяти героя. Цитата из Толстого останавливает внимание на том, что перед читателем не выдуманное произведение, а рассказ о значительном и интересном, что наблюдал в жизни писатель. Цитата из Трифонова характеризует идею, которую носил в себе и Баевский, – собрать под единой обложкой отдельные произведения, чтобы получился роман.

Отметим, что Баевский в большинстве случаев использует эпитафы для первой части романа. Отдельные главы в первой части романа сопровождают девять эпитафов и одно посвящение. Цитата из Ф. И. Тютчева о снах открывает главу «Сны моего детства» (воспоминания о детстве, которые были так давно, что воспринимаются как не произошедшее, а как приснившееся).

В главе «Ржавый» некоторым подглавам Баевский предпосылает эпитафы, «Рот Фронт» предваряют даже две стихотворные цитаты (А. С. Пушкин, А. А. Ахматова) с нотками трагизма – это одновременно воспоминание детства и осознание завершившейся для многих жизни, ведь, подобно Ахматовой, Баевский с болью думал о тех, кому пришлось уйти на фронт и не вернуться.

Баевский обращается не только к русской литературе. Есть в этой главе цитата, взятая из «Баллады о Востоке и Западе» английского писателя Р. Киплинга («But there is neither East nor West, / Border, nor Breed, nor Birth...» [Баевский, 2007. С. 51]), обнажающей проблемы расизма и колониализма. В подглаве «Настроение у ребят?» описывается третий год войны, голод среди эвакуированного населения и насилие, которому оно подвергалось. Объединяющим для баллады и романа становится способ борьбы с такими людьми, проявляющийся в крайнем мужестве и решимости. В качестве эпиграфа подглавы «Маус, маус, ком хераус!» Баевский использует цитату из Библии – «Не судите, да не судимы будете» (Из Матфея, 7, 1) [Там же. С. 62]. У Баевского-подростка со школьными друзьями родился преступный замысел по убийству такого же подростка, как они, воспринимаемого ими как изменник родины¹⁰, которых вешали. И только сила жизненных обстоятельств привела к тому, что их план не реализовался.

Обратим внимание, что некоторые главы этой части Баевский не сопровождал эпиграфами (например, четвертая глава или пятая (у которой, кстати, есть отдельное предисловие и послесловие)), а одну писатель предварил посвящением. Так, глава «ШАД» посвящается «памяти Александра Львовича Дорфмана и Александра Марковича Шендеровича» – друзей Баевского. Пятая глава «Счастье», хоть и состоит из подглав, содержит один общий для всей главы эпиграф – стихотворную строчку из И. Бунина. Шестую главу писатель не предваряет эпиграфом, но выделенный как отдельная подглава очерк «Мои три свидания», об осознании Баевским существования Высшей Силы, снабжен цитатой из «Самопознания» Н. А. Бердяева

Во второй части романа, посвященной поэтам, Баевский не использовал эпиграфы. Это компенсируется наличием в главах многочисленных цитат из разных произведений. В третьей части обнаруживаем лишь один эпиграф –

¹⁰ «Шумова презирали. Недавно он нашел в спортзале комсомольский билет одного девятиклассника. <...> Шумов никому ничего не сказал, а отнес билет прямо в райком комсомола. Пусть не будет разиней. <...> Билет ему [девятикласснику. – Ю. Б.] вернули. Вместе с выговором» [Баевский, 2007. С. 66].

цитату из Ф. И. Тютчева, предваряющую главу о Б. Я. Бухштабе – исследователе творчества этого поэта. Таким образом, обращение к эпиграфам демонстрирует интертекстуальность «Романа...»: с ними связано развитие сюжетной линии, они выполняют роль прецедентного текста во внутритекстовом пространстве и тем самым вносят элемент полифонии, ведь эпиграф представляет остранированную точку зрения, порождающую новые смыслы уже в тексте.

В романе нет пролога, но повествование Баевский предваряет заметкой «К читателю», в которой поясняет, о чем идет речь в книге, на основе чего она написана. Как мы уже говорили, «Роман одной жизни» поделен на три части, для них характерна внешняя соразмерность. Каждая часть внутренне разделена на главы, при этом в первой части главы еще членятся на подглавы. Так, первая глава «Сны моего детства» включает пять отдельных снов, а вторая глава «Ржавый» – шесть историй («Рот Фронт», «Настроение у ребят?» и т. д.).

При соразмерности частей стоит отметить несоразмерность некоторых глав в частях (как правило, в частях «Поэты», «Филологи»): есть главы, которые неодинаковы по объему изложенной информации, по времени, охваченному автором. Например, менее информативными в указанном плане являются главы, посвященные К. Н. Бугаевой, Л. Я. Гинзбург, И. Т. Твардовскому. Это связано, в первую очередь, с тем, что знакомство Баевского с данными личностями произошло поздно, поэтому сохранилось не так много свидетельств их дружбы или сотрудничества.

Текст романа также членится благодаря диалогической речи, прерывающей повествование. Данный прием позволяет Баевскому не только показать свою точку зрения, но и обозначить позицию других от первого лица. Диалогическая форма представлена спором, дискуссией, деловыми переговорами с учеными, писателями. На первый план выходят коммуникативный и информационный аспекты, демонстрирующие творческий, интеллектуальный потенциал собеседников, благодаря которым можно обозначить проблемы, волнующие не только Баевского, но и людей его эпохи. Для прозаической части «Романа...» характерно наличие стихотворных цитат (особенно в двух последних частях),

выдержек из дневников ученого и его эпистолярного архива, выделенных графически, которые также членят повествование.

В целом цитирование любого рода источников является отражением зафиксированных ими обстоятельств. На этом основании документальны фрагменты художественных произведений, а также материалы современников (письма, дневниковые записи, воспоминания).

Рассмотрим особенности **внутренней композиции**.

Ключевой фигурой повествования является нарратор. Стоит отметить, что при определении понятия «нарратор» мы опираемся на теорию В. Шмида, который характеризовал нарратора как «носителя функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [Шмид, 2003. С. 65]. В «Романе одной жизни» можно говорить об автобиографическом нарраторе, который объединяет автора, повествователя и автобиографического героя. В частности, это же определение по отношению к «Роману...» использует Г. А. Закроева [Закроева, 2021].

Самая активная роль среди упомянутого триединства принадлежит повествователю, присутствие которого проявляется в замечаниях касательно событий и персонажей. Перед Баевским стоял вопрос поиска «правильной» формы повествования. Он описан им в первой части романа в главе «Счастье». Писатель, употребляя немецкую терминологию, пробует три формы повествования: Ich-Erzählung (в дословном переводе с немецкого – «Я-повествование»), Er-Erzählung («Он-повествование»), Du-Erzählung («Ты-повествование»).

Первая форма реализации повествовательной ситуации («Я-повествование») на уровне текста проявляется в наличии глагольных форм первого лица: «Поскольку в основе лежат события и переживания моей жизни, естественна Ich-Erzählung. Так примерно: Война шла к концу. Я умирал с голоду...» [Баевский, 2007. С. 116]. В данной манере письма Баевский видит как достоинства (доверительная интонация), так и недостатки (нет обобщения): «Появляется доверительная интонация. Но нет даже намека на обобщение.

Индивидуальный случай. Рассказчик – ничем не примечательный субъект. Эгоцентрик. А рассказывать имеет смысл только нечто значительное в глазах читателя» [Там же]. Стоит отметить, что форма «Я-повествование» прослеживается на протяжении большей части романа: «Я слегка опьянен всем, что со мной происходит» [Там же. С. 15] (1 глава); «На пороге седьмого класса я сказал Алику, что кончил учить наизусть “Евгения Онегина”» [Там же. С. 75] (3 глава); «Я пришел на отделение русского языка, литературы и логики с мечтой о классической филологии» [Там же. С. 91] (4 глава); «Я жил в Киеве, на территории киностудии» [Там же. С. 118] (5 глава); «Я дружил с Давидом Самойловым...» [Там же. С. 149] (6 глава); «Сколько я себя помню, я пишу стихи» [Там же. С. 180] (8 глава); так написаны вся вторая и третья части «Романа...».

Вторая форма реализации повествовательной ситуации («Он-повествование») проявляется в изображении персонажа, выраженного в третьем лице. Она, по Баевскому, также имеет достоинства (обобщенность) и недостатки (нет искренности, возможен вымысел): «Отстраненность повествователя от героя рассказа придает рассказу некоторую солидность, обобщенность. Можно смелее осуществлять свое право на вымысел. Но неизбежно пропадает искренность, исповедность. И еще неизвестно, с кем скорее отождествит себя читатель – с НИМ или со МНОЙ» [Там же. С. 116]. Данная форма повествования обнаруживается во второй главе романа при употреблении формы «он» и использовании прозвища героя (Ржавый): «Он с родителями только что переехал в новый дом и едва ли не впервые вышел во двор» [Там же. С. 21]; «Ржавый не заметил, как поезд отчалил от света, суеты вокзала» [Там же. С. 46]. Баевский последовательно создает героя, наделяя его автобиографическими чертами: дает ему свое прозвище (Ржавый), по аналогии с цветом волос, увлекает его футболом и шахматами. П. Остер так характеризовал подобную повествовательную ситуацию: «чтобы рассказать свою историю, он [автор. – Ю. Б.] говорит о себе как о другом [пер. наш. – Ю. Б.]» [Auster, 1988. P. 154].

На наш взгляд, употребление этой повествовательной формулы не случайно. Баевский дает ретроспективный взгляд на свое детство, он дистанцируется от своего героя, описанного как бы до инициации, в функции которой выступает профессиональное определение. Как только герой ее проходит, он сливается с повествователем, демонстрируя итоги судеб упомянутых персонажей: «Вилен кончил школу с медалью и тотчас уехал отдыхать к дяде в Умань <...> А сам Ржавый... А Ржавый рассказал вам эту правдивую историю» [Баевский, 2007. С. 73]. В следующей главе – «ШАД» – повествование ведется от первого лица. Таким образом, обращение к третьему лицу смещает повествование в сторону художественной прозы.

Третий вариант повествования («Ты-повествование») отвергается Баевским, так как вызывает «...впечатление искусственности. Рассказываешь сам себе о том, что и без того слишком хорошо знаешь. Конечно, это всего лишь прием, но слишком уж он выпирает. К тому же читателя ставишь в положение подслушивающего и подсматривающего. Зачем же обижать читателя?» [Там же. С. 116]. Данная форма повествования в тексте романа не встречается.

В итоге писатель для своего «Романа...» выбирает форму первого лица (форма «Я-повествование»), которая представляет его как обязательного участника событий, через призму индивидуализированного сознания которого осмысляются описанные события: «Итак, возвращаюсь к первому лицу. Я ведь ощущаю-то себя поэтом-лириком. Все остальное так... Все-все. Постараюсь, конечно, чтобы это был рассказ не только об одной душе, но, пусть в незначительной степени, как смогу, и о современниках, и о нашем времени, в котором мы все вместе барахтаемся. Кувыркаемся» [Там же. С. 117]. Помимо этого, «Я-повествование» подчеркивает правдивость, реалистичность, документальность истории. Писатель повествует о различных событиях, благодаря которым складывается сюжет, демонстрируя при этом свою точку зрения. Баевский стремится быть объективным в повествовании. В частности, третье лицо позволяет ему это сделать. Конечно, нельзя сказать, что употребление формы «Я-повествование» лишено объективности. Нет, первое

лицо демонстрирует другую грань этой объективности; сквозь призму научной деятельности, дискуссий с друзьями и коллегами Баевский показывает отношение к себе.

Используя классификацию А. Б. Есина [Есин, 2000], отметим, что в романе Баевского обнаруживается динамичный сюжет, проявляющийся в хронологической последовательности изложения событий. Так, история одной жизни отражается в ходе развития героя: он представлен маленьким мальчиком, который еще только начинает свой жизненный путь, затем жаждущим знаний студентом, талантливым ученым, взрослым мужчиной, подводившим итог собственной жизни. Например: «Он получил кличку Ржавый <...> и стал вратарем <...> дворовой команды. Веснушки постепенно сошли, волосы поседели, футбольная карьера не сложилась из-за испортившегося зрения, а людей, которые помнили детскую кличку, не осталось. После обеда он вышел во двор снова» [Баевский, 2007. С. 22]. Писатель выделяет знаковые события¹¹ истории, своей судьбы и жизни людей своего поколения, акцентируя внимание на напряженных для страны и народа моментах. В романе нет внезапных переходов от одной мысли к другой, все воспоминания, вплетенные в ткань повествования, связаны. Поэтому можно говорить о том, что для романа характерна внутренняя логика событий, которые зависят от внутреннего мироощущения автора.

Хронотоп «Романа...» приближен к действительности: в одном контексте автор упоминает прошлое и настоящее, прошлое и будущее, а порой воспоминания сливаются с действительностью, современной повествователю. Так обнаруживается особенность романа Баевского – взаимодействие нескольких пространственно-временных планов: «Я-тогда» и «Я-сейчас». В них повествователь выступает в роли проводника: находясь в современности, он является связующим звеном между прошлым и настоящим.

¹¹ Современные нарратологи под событием понимают «то, что могло произойти по-другому» [Тюпа. URL].

Время «Я-тогда» (выражено глаголами в прошедшем времени: жил, вошел, испытывал, устал, решил, придумал и т. д.) позволяет рассказчику и адресату речи выполнять функцию зрителя описываемой ситуации. Например: «Я жил в Киеве, на территории киностудии. Один. У меня была комната в полуподвале в том крыле, где размещались лаборатории. В уборную и за водой надо было ходить в другое крыло, административное, по длиннущему коридору мимо главного павильона. Однажды вечером, при сильно приглушенном свете, я наткнулся там на гору трупов» [Там же. С. 118].

Время «Я-сейчас» (выражено глаголами настоящего времени: начинаю думать, беру, вскрываю, прихожу, сижу и т. д.) конкретизирует представления о событиях, рассказчик не только видит происходящие события в момент речи, но и принимает в них участие. Происходит непосредственное восприятие изображаемого события читателем. Например: «Беру конверт в руки. От Колмогорова. Вскрываю. Строчки прыгают перед глазами. Он получил на отзыв мою диссертацию. Копию своего отзыва сообщает мне. Просит прислать ему мои опубликованные работы и – на время диссертацию» [Там же. С. 143]. Повествование Баевский не размещает в границах одного временного измерения, у него присутствуют время настоящее и время прошедшее. Это связано с тем, что «события вызывают у мемуариста определенные ассоциации» [Галич, 1991. С. 15].

В «Романе...» зачастую происходит переплетение пространственно-временных планов. Переход от одного временного отрезка к другому осуществляется благодаря наличию глаголов прошедшего и настоящего времени, а также обстоятельственных наречий, выражающих значение определенного времени относительно момента возникновения текста («сейчас»; «теперь» в значении «в настоящее время»). Например: «Я подвергаю мою жизнь литофациальному анализу, и что же я вижу? То, что тогда казалось счастьем, теперь заставляет меня удивляться моей былой наивности. Ужасаться, из какой массы тяжелой дурно пахнувшей руды приходилось выковыривать едва

заметные вкрапления счастья, так что себестоимость счастья оказывается несоразмерно высока» [Баевский, 2007. С. 117].

В основе «Романа...» лежит два времени – биографическое и историческое. Биографическое время позволяет увидеть этапы жизни рассказчика (детство, юность, зрелость и старость) и его семьи, наполненные разными ситуациями. В обращении к событиям обнаруживается историческое время: прослеживается не только смена поколений (от прадедушки до героя рассказа и его внука), но и смена эпох как в мире (Античная, Средневековая, Ренессанс (Возрождение)), так и в стране (Советский Союз, Российская Федерация). И эта смена влечет за собой изменения в обществе (например, Великая Отечественная война), науке и культуре (например, цензура).

И биографическое, и историческое время в романе реализуются, в частности, посредством упоминания хрононимов¹². К отрезкам времени мы относим те, что важны для человеческого общества в целом, потому что в них локализовано определенное событие, и для автора. Писатель фиксирует события, особо важные в социальном и культурном плане, подчеркивая степень их уникальности. Вслед за А. А. Новожиловой [2007] мы выделяем три типа хронологизации события – абсолютную, относительную и смешанную. Ориентируясь на существование времени исторического и биографического, мы расширили классификацию абсолютных хрононимов, поэтому в данном типе могут быть выделены подтипы – общественный¹ и индивидуальный. Отметим, что общественный мы дифференцируем на литературные события и историческое прошлое СССР (событием, затронувшим другие страны, является упоминаемая Баевским Вторая мировая война). Индивидуальный подтип включает события, участником которых был Баевский (различные конференции и симпозиумы).

Хронологизация событий абсолютных хрононимов. Абсолютными являются хрононимы календарного времяисчисления с полной датировкой, где

¹² Хрононим – «собственное имя отрезка времени» [Подольская, 1988. С. 162].

указывается число, месяц и год описываемого события. Так, среди литературных событий Баевский акцентирует внимание на 29 октября 1958 года – дне присуждения Б. Л. Пастернаку Нобелевской премии. Среди общественных, например, Баевский упоминает вечер, посвященный пятидесятилетию комсомола, – 8 апреля 1968 года. Довольно часто этот тип хронологизации Баевский употребляет, когда пишет о себе: «22 ноября 1956 года я, как всегда, пришел на работу к двенадцати часам» [Баевский, 2007. С. 128]. Конечно, масштабнее всего данный тип хронологизации прослеживается в эпистолярном наследии ученого, включенном в роман. Так, полная датировка указана в письмах: от Д. С. Самойлова – 17.08.89 [Там же. С. 250], 24.12.79 [Там же. С. 252], 17.04.79 и 14.08.78 [Там же. С. 253]; от И. Т. Твардовского – 18.12.89 [Там же. С. 308], 12.05.90 [Там же. С. 309]; от Ю. М. Лотмана – 21.11.73 [Там же. С. 355], 20.10.74 [Там же. С. 358]; от Б. Я. Бухштаба – 15.09.1968 [Там же. С. 389], 04.05.1975 [Там же. С. 391]; от С. А. Рейсера – 09.05.82 [Там же. С. 409], 14.10.87 [Там же. С. 411] и т. д. Полная датировка указывается Баевским и в его дневниках, которые писатель также цитирует в романе: «Следующая запись в моем дневнике от 14 сентября 1987 может служить примером более пространной информации, передававшейся “агентством Рейсер”» [Там же. С. 417]. Причем в дневниках Баевский, помимо полной датировки, может отметить день недели и время: «12.12.83, понед. 6:51:35» [Там же. С. 153], «12 янв. 84, четв., 10:07:57» [Там же].

Хрононимы календарного времяисчисления с неполной датировкой.

В большинстве случаев, у Баевского неполная датировка реализуется только посредством указания года. В подтипе, отражающем периоды исторического прошлого страны, отмечены: Великая Октябрьская революция 1917 года, Отечественная война 1812 года. В подтипе литературных событий могут быть представлены широко известные факты: первый съезд советских писателей в 1934 году, Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году. Баевский также называет явления, которые были известны узкому, литературному или научному, кругу лиц. Например: Пастернак начал работу над

романом «Доктор Живаго» в 1945 году, через два года после того, как в Швейцарии вышел в свет роман Гессе¹³, и окончил в 1955-м.

Баевский акцентирует внимание и на научных событиях. Так, в 1975 году Б. О. Корман планировал провести в Ижевске научную конференцию по теории литературы, на которую собрались бы все серьезные исследователи в этой области, жившие в СССР (Баевский также получил приглашение). Отметим, что датировка может быть указана не конкретным годом, а десятилетием или даже веком. Например: «Мы переживали самый губительный идеологический зажим за весь XX век» [Там же. С. 97]. Таким образом датируются и смоленские события: «На рубеже 20-х и 30-х годов, когда Н. И. [Рыленков. – Ю. Б.] только входил в литературу и был студентом Смоленского педагогического института, свою роль в его судьбе сыграл здешний литературно-творческий кружок» [Там же. С. 296]. Индивидуальный тип в этой категории представлен разнообразными научными конференциями, которые посетил Баевский. Так, известно, что в конце ноября 1986 года он принимал участие в Ломоносовской конференции, на которой у него завязался интересный спор с Ю. М. Лотманом.

Хрононимы, отражающие знаковые исторические события (без указания датировки). В этом типе представлены хрононимы, называющие политические и военные события, датировку которых можно установить на основе общеизвестных фактов истории: Гражданская война, Ленинградская блокада, репрессии (сталинские), перестройка, большой террор, оттепель. Например: «Во время Гражданской войны отец Ржавого был солдатом Добровольческой армии» [Там же. С. 24].

Таким образом, для хрононимов данного типа характерны два основополагающих признака: четко обозначенный хронологический отрезок времени; историческая или социально-культурная (для исторического) и индивидуальная значимость (для биографического).

¹³ Речь идет о романе Г. Гессе «Игра в бисер», в котором Баевский находит совпадение с романом Пастернака: «После гибели Иозефа Кнехта, героя романа Гессе, остались его стихи. Гессе их приводит в своем романе» [Баевский, 2007. С. 81].

Хронологизация событий относительных хрононимов. Относительная хронологизация реализуется благодаря хрононимам, которые отражают «события во времени либо относительно момента речи, либо относительно какого-то другого события» [Новожилова, 2007. С. 152]. Отличие этой группы от группы с абсолютными хрононимами в том, что здесь нельзя обозначить конкретные временные рамки, можно определить лишь последовательность событий во времени (событие произошло после такого-то события). Реализуется относительная хронологизация с помощью ряда речевых моделей:

- «когда»: «Когда взрослым я читал и перечитывал “Игру в биссер”, я находил все новые черточки родства между республикой ШАД и миром романа Гессе» [Баевский, 2007. С. 81];
- «однажды»: «Однажды А. В. [Македонов. – Ю. Б.] написал мне, а при встрече вспомнил в беседе о своей бабушке со стороны матери...» [Там же. С. 432];
- «еще»: «Еще в Воркуте он [Македонов. – Ю. Б.] написал книгу “Очерки советской поэзии”» [Там же. С. 440];
- «давным-давно»: «Давным-давно, две жизни тому назад, у родителей была пластинка Вертинского» [Там же. С. 46];
- «не так давно»: «Не так давно она [Элла. – Ю. Б.] с мужем приехала в гости к Ржавому и его жене на своей машине» [Там же. С. 50];
- «недавно»: «Недавно яростный ашхабадский зной, голод, душевные и телесные потрясения убили ее [Галины Маркиановны. – Ю. Б.] маму – тишайшую Аполлинарию Дмитриевну» [Там же. С. 60].

Хронологизация событий смешанных хрононимов. Этот тип выражается хрононимами, которые указывают на неполную дату и включают событие в ряд других событий или соотносят с моментом речи. Несмотря на указание календарного времяисчисления, все равно нельзя точно определить время описываемого события. Хрононим в смешанном типе может быть выражен:

- с помощью дня недели или месяца: «В понедельник пораньше (учились во вторую смену) Ржавый зашел к Вилю» [Там же. С. 68];

- обозначением времени суток: «Вечером, когда афганец утих, а с гор на Ашхабад даже спустилась какая-то прохлада, пришел кинорежиссер Гричер» [Там же. С. 52].

Таким образом, абсолютные хрононимы, раскрывающие время историческое, связаны с определенным временным проявлением. Они указывают на конкретное время или на протяженность события (с общественным или индивидуальным значением). Относительная и смешанная хронологизация, реализующаяся в биографическом времени, заключается в том, что в тексте нет ориентации на конкретную точку отсчета (она размыта, но порой может быть восстановлена на основе известных данных). Выявленные типы хрононимов доказывают существование в «Романе...» времени исторического и биографического, обозначают отрезки времени, которые соотносятся с определенными историческими и индивидуальными событиями.

Таким образом, «Роман одной жизни» представляет собой высокодокументальное (лишено вымысла, основано на подлинных событиях, повествует о реальных людях) и при этом высокохудожественное произведение (выстроено в художественное целое с авторской позицией, звучащей на равных с голосами других героев) – это жизнь одного человека на переломе эпох, в круговороте судьбоносных событий сквозь призму встреч и дружбы с великими поэтами и учеными.

Повествование ведется от третьего (только в первой части романа) и первого лица. Основную часть текста занимает форма «Я-повествование» (от 1-го лица), что позволяет нам говорить об автобиографическом нарраторе – не постороннем, а соучастнике совершающегося в мире, в науке, в литературе. Писатель со стороны оценивает давно произошедшие события, но также, говоря о других людях (которые, в свою очередь, говорили о нем), Баевский говорит и о себе.

В основе «Романа...» лежит два времени – биографическое и историческое. При этом для романа характерна нечеткость границ пространственно-временных планов. Автор восстанавливает события прошлого, поэтому можно говорить о

том, что время у Баевского обратимо; многомерно, ведь действие происходит в разных временных плоскостях; нелинейно, потому что писатель ведет рассказ о событиях, прерывая его воспоминаниями или оценкой. И биографическое, и историческое время в романе реализуются, в частности, посредством упоминания хрононимов трех типов, благодаря которым осуществляется хронологизация события – абсолютная (общественный (литературные события и историческое прошлое СССР) и индивидуальный (важный для Баевского как участника события) подтип), относительная и смешанная.

1.3. Документальное начало в «Романе одной жизни»: лингвистические реалии

Как отмечал А. Б. Есин, «писатель никогда не воспроизводит действительность ради самого воспроизведения: уже сам выбор предмета отражения, сам импульс к творческому воспроизведению реальности рождается из личностного, пристрастного, небезразличного взгляда на мир» [Есин, 2000].

Ключевой темой творчества В. С. Баевского является тема связи человека и истории, а основным понятием, применяемым к ней, – историческая правда. По замечанию Баевского, в «Романе...» «все до последней мелочи – правда» [Баевский, 2007. С. 12], ведь «с того дня, как во мне пробудилось нравственное чувство, пробудилась совесть, я никогда намеренно не говорю неправды» [Там же. С. 150–151]. Баевский издает свой роман, потому что чувствует ответственность: «Есть такие подробности, которые, быть может, если я не скажу, не узнает никогда никто. <...> Сегодня невозможно решить, что окажется нужным будущим историкам литературы XX века, а что – нет» [Там же. С. 240]. Для писателя как историка литературы важно не только сказать правду о том, что скрывали, о чем умалчивали, но и выразить свое отношение к происходящему, предупредить будущее поколение: «В XX в. Россия дважды, в начале и в конце, разрушила себя изнутри. А в середине века с предельным напряжением сил и

жертв устояла и победила в самой страшной за всю историю войне. Все столетие купалась в крови. Такой ценой пришла к демократии <...> XXI в. обещает борьбу между гуманизмом и этатизмом» [Там же. С. 165]. Во всем окружающем хаосе Баевский просит лишь одно: «Господи, спаси Россию» [Там же].

Одним из способов создания документальности у Баевского выступают многочисленные выдержки из писем, записи из дневников, а также цитаты из ряда произведений (художественная литература, научные работы). Позволяют расширить повествование от судьбы одного человека до картины эпохи, исторического контекста лингвистические реалии, которые являются формальным обозначением хронологических, географических, культурных координат и событий.

Термин «реалия» получил широкое распространение в исследованиях отечественных и зарубежных филологов. Так, болгарские специалисты в области перевода С. И. Влахов и С. П. Флорин определяют реалии как «слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и / или временной колорит» [Влахов, Флорин, 1980. С. 47]. Г. Д. Томахин считает реалиями «всё то, что для своего адекватного описания требует либо энциклопедической справки, либо схематического или табличного представления, либо сообщения некоторых житейских, известных носителям языка, но неизвестных иностранцам сведений» [Томахин, 1981. С. 65]. Стоит отметить, что некоторые авторы, например, В. С. Виноградов [Виноградов, 2001], имена собственные включают в категорию реалий, тогда как вышеупомянутые Влахов и Флорин реалии характеризуют как класс безэквивалентной лексики.

К числу реалий, опираясь на работу М. Л. Вайсбурд, мы также относим «события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, географические пункты, произведения искусства и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов,

популярных спортсменов, персонажей художественных произведений...» [Вайсбурд, 1972. С. 98].

В настоящее время в лингвистике существуют различные классификации реалий по ряду признаков: тематике, структуре, грамматике, национальной определенности и т. п. В исследовании мы опираемся на тематическую классификацию, предложенную В. С. Виноградовым [Виноградов, 2001] и Г. Д. Томахиным [Томахин, 1988]. Данная классификация позволяет полноценно систематизировать реалии, «отметить основные сферы действительности, к которой принадлежат денотаты этих слов» [Алексеева, 2008. С. 28].

Тематическая классификация реалий, характерных для романа Баевского:

- географические реалии (планеты; полуострова; страны, города и села; водные объекты; рельеф; дороги; внутригородские объекты);
- реалии системы образования, религии и культуры (соборы; памятники культуры; музеи; произведения литературы, изобразительного искусства, музыки, театра и кино; транспортные средства; библиотеки, архивы, издательства, учебные заведения);
- реалии государственного строя и общественной жизни (органы власти; предприятия; гостиницы; общественные организации; воинские подразделения);
- ономастические реалии (имена, фамилии известных личностей, а также имена литературных героев).

В данную классификацию мы не включали бытовые реалии (наименования предметов одежды, пищи, которые можно обнаружить в тексте), так как для исследования они представляют наименьший интерес.

Включение различных типов реалий в литературный текст позволяет Баевскому раскрыть определенные факты своей биографии, потому что их изучение «способствует более полному и всестороннему пониманию творческой истории литературного произведения» [Никольский, 2007. С. 3].

Географические реалии

Географические реалии (приложение 1) Баевский изображает, используя реальные топонимы – «имя любого географического объекта» [Подольская, 1988. С. 135]. В данный тип реалий входят следующие топонимические элементы: планеты, полуостров, страны, города и села, области и районы. Как правило, упомянутые элементы выполняют функцию конкретных локализирующих маркеров. Отметим, что для названий штатов (3 наименования) мы не обнаружили специальной классификации, поэтому отнесли их к типу хоронимов (названия любой территории, области, района). Полученные в ходе выборки количественные показатели пространственных объектов представлены в Таблице 1.1, полный список наименований – в приложении 1.1–1.2.

Таблица 1.1 – Пространственные объекты

Планетонимы (название небесного тела, в том числе звезды, планеты, кометы, астероида)	Инсулонимы (название острова и полуострова)	Гипертопонимы (названия стран)	Астионимы (названия городов)	Комонимы (названия любого сельского поселения)	Хоронимы (названия любой территории, области, района)
4	1	25	79 (+3 вымышлен.)	22	19

Баевский на страницах романа упоминает названия отдельного небесного тела (Луна), а также планет. Среди выделенных подтипов преобладают названия городов, сельских поселений и территорий. Все они конкретизируют географические объекты упомянутого в тексте гипертопонима. Стоит отметить, что действие большинства историй, рассказанных автором в «Романе...», разворачивается вне больших городов, поэтому в тексте обнаруживаются названия мелких населенных пунктов.

Топонимы реальны, они существовали (например, Русь, СССР прекратили свое существование как некогда великие государства; города могут быть переименованы – Кёнигсберг ныне Калининград, Ленинград – Санкт-Петербург)

или существуют до сих пор в пространстве. И. Я. Ганиева в своей статье дает перевод выдержек из работы азербайджанского ученого-лингвиста Т. Гаджиева об особенностях употребления топонимов в тексте: «Писатель, представляя реальные события, при помощи национальной топонимики делает так, что читатель воспринимает художественную среду, как реальность <...> Таким образом, читатель чувствует себя в окружении художественной реальности, является непосредственным участником или свидетелем...» [Ганиева, 2017. С. 645]. Баевский может упоминать один топоним, а может воскрешать в сознании читателя сразу несколько: «Солдат, следующий на фронт, беженец, пассажир, вынужденный пробираться, да не один, а с детьми, скажем, из того же Кустаная в Ашхабад с мучительными пересадками в Челябинске, Оренбурге и Ташкенте – каждый припадал к этому животворящему источнику» [Баевский, 2007. С. 43].

Из зарубежных гипертонимов стоит выделить Украину, с которой Баевского связывает первая половина жизни – детские годы, а также Туркмению, где в Ашхабаде Баевский прожил в эвакуации несколько лет. Для зрелого возраста писателя наиболее значимой является Эстония, где в Тарту работал друг и коллега Баевского Ю. М. Лотман, где сам Баевский защитил диссертацию, а также США, куда ученый неоднократно приезжал на конференции и где посещал Библиотеку Конгресса. Баевский упоминает три вымышленных топонима из произведения А. Грина «Алые паруса», говоря о поездке к вдове А. Грина – Н. Н. Грин. Писатель отмечает: «Сколько романтики было для нас <...> в названиях его городов Гель-Гью, Лисс, Зурбаган!» [Баевский, 2007. С. 324].

В «Романе...» обнаруживаются водные объекты: озера, океаны, моря, реки и водопады. Полученные в ходе выборки количественные показатели водных объектов представлены в Таблице 1.2, полный список наименований – в приложении 1.3.

Самой большой по количеству употреблений является группа, включающая названия рек, ручьев, каналов, сюда же мы отнесли наименование бухты. Остальные группы малочисленны.

Таблица 1.2 – Водные объекты

Лимнонимы (озера и пруды)	Океанонимы (океаны)	Пелагонимы (моря)	Потамонимы (реки, ручьи, ключи, каналы)	Водопады
1	1	1	13	2

Как правило, все наименования Баевский употребляет один раз, за исключением реки Волги. Данный топоним можно встретить как в прозаической (например, в главе «Суетен он был» река упоминается 16 раз), так и в лирической главе «Романа...» (стихотворение «Надо мною небо и небо»). Приведем цитату, которая, на наш взгляд, показывает особое отношение писателя к упомянутой реке: «Так вот что такое Волга. Голубовато-белесоватый, с сиреневым отливом воздух, горячее солнце, далекая рябь, синие полосы глубин и желтоватые отмели – оказывается вот что называется Волгой. Полет по воздуху над красотой – вот что такое Волга» [Там же. С. 47]. Баевский даже воспринимает Волгу как живое существо, ведь стихи, которые родились у него в голове, придумывает не он, «их сложила Волга. <...> Его не было, теперь оно есть. Его написала Волга. Им, Ржавым» [Там же].

Следующая группа – наземные объекты, характеризующие особенности рельефа (оронимы) и транспортные маршруты (дромонимы). Полученные в ходе выборки количественные показатели наземных объектов представлены в Таблице 1.3, полный список наименований – в приложениях 1.4, 1.5.

Таблица 1.3 – Наземные объекты

Оронимы (названия рельефа – горы, холмы, пещеры)	Дромонимы (названия дорог или любых других транспортных маршрутов)
9	5

Еще одной многочисленной группой, отражающей географические реалии «Романа...», является группа урбанонимов – «собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [Подольская, 1988. С. 139]. Отметим, что это «языковой материал, который неизбежно свидетельствует об

исторической динамике социальной жизни и культуры города как продукта роста, а не одномоментного сотворения» [Вирт, 2005. С. 94]. В эту группу мы включили: рынки и площади (агоронимы); улицы и т. п. (годонимы); парки (городской дримоним) и мосты (урбогефюронимы). Полученные в ходе выборки количественные показатели внутригородских объектов представлены в Таблице 1.4, полный список – в приложении 1.6.

Таблица 1.4 – Внутригородские объекты

Агоронимы (площади и рынки)	Годонимы (улицы, проспекты, бульвары, аллеи, набережные, проезды, переулки, тупики)	Городской дримоним (парк, сквер)	Урбогефюронимы (мосты)
5	25	1	3

Баевский упоминает Исаакиевскую площадь в Санкт-Петербурге, которая имеет большое культурно-историческое значение. На ней расположено множество памятников истории и архитектуры XIX–XX веков. Наиболее частотными из внутригородских объектов являются упоминания улиц, связанных с ними территорий (проспектов, бульваров и т. п.): «Мы сидели в новом здании Академии наук на Ленинском проспекте...» [Баевский, 2007. С. 135]. Баевский упоминает улицы Одессы – города детства – Дерибасовскую и Ришельевскую, Москвы – Арбат, Нижнего Новгорода – Паскаля, Санкт-Петербурга – ул. Зодчего Росси. Среди иностранных внутригородских объектов выделяется Музейная миля – известная нью-йоркская улица, на которой расположены 10 музеев, а также центральная улица Парижа – Елисейские Поля. Городской дримоним упоминается Баевским при пересказе анекдота, что сообщил ему Ланн, о двух джентльменах, гуляющих в королевском парке Лондона. Среди мостов особенно выделяется Мост Золотых Ворот – известный подвесной мост через пролив Золотые Ворота, упоминаемый Баевским и в прозе, и в лирике романа.

Большинство внутригородских топонимов – территория современной России, но при этом они отражают советские времена, в несколько меньшей

степени – дореволюционный и постсоветский этапы истории. Их употребление в тексте позволяет Баевскому не только маркировать определенные пространственные объекты, но и соединить прошлое и настоящее, а также сформировать местную и национальную идентичность.

Реалии системы образования, религии и культуры

С проанализированным выше типом реалий (приложение 2) тесно связан тип, отражающий реалии системы образования, религии и культуры. Он характеризует конкретные объекты в определенной стране, городе. Выше нами была выделена группа внутригородских урбанонимов. В данном типе реалий мы также выделили внутригородские урбанонимы, которые отражают историю духовной жизни, представляют материальную культуру тех, кто их создал. Сюда вошли следующие урбанонимы: храмы и соборы (экклезионимы), памятники (монументонимы), музеи, здания как памятники архитектуры. Полученные в ходе выборки количественные показатели внутригородских объектов представлены в Таблице 1.5, полный список наименований – в приложениях 2.1, 2.2.

Таблица 1.5 – Внутригородские объекты

Экклезионимы (места совершения обряда, поклонения любой религии: храм, часовня, священный камень)	Монументонимы (различные памятники, монументы, мемориальные комплексы и т. п.)	Музеи	Здания, относящиеся к памятникам архитектуры
6	16	16	8

Отметим, что в данном типе реалий в первую очередь мы рассматриваем те памятники и здания, которые связаны с культурной сферой, являются памятниками архитектуры. К данной группе тесно примыкает группа эргонимов. Она состоит из названий учебных заведений, театров, библиотек, издательств, архивов и театров. Полученные в ходе выборки количественные показатели эргонимов представлены в Таблице 1.6, полный список наименований – в приложении 2.3, а, б.

Стоит отметить, что среди храмов и соборов Баевский упоминает один из самых известных памятников в Европе – католический храм в центре Парижа – Собор Парижской Богоматери. Среди русских храмов особое значение имеет один из крупнейших – Казанский собор.

Таблица 1.6 – Эргонимы

Учебные заведения		Библиотеки	Издательства	Архивы	Театры и филармонии
Школы и гимназии	Институты и университеты, центры				
3	36	9	10	4	11

Монументонимы, использованные Баевским, связаны с известными личностями, как отечественными (писатели – А. С. Пушкин, М. Горький; политики – Петр I (в том числе памятник Медный всадник)), так и зарубежными (как правило, политиками – Ф. Рузвельт). Ученый упоминает три крепости, среди которых выделяется Кремль, являющийся главным общественно-политическим и историко-художественным комплексом Москвы. Среди архитектурных достопримечательностей зарубежья можно отметить Эйфелеву башню, возвышающуюся на Марсовом поле.

Среди музеев особое значение принадлежит Эрмитажу, экспонаты которого располагаются в пяти историко-архитектурных памятниках Санкт-Петербурга. Кунсткамера – здание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, возведенное по проекту архитектора Маттарнови в XVIII веке. Третьяковская галерея, основанная П. Третьяковым и ставшая одним из самых крупных собраний русского искусства. В качестве зданий, относящихся к памятникам архитектуры, Баевский называет дворцы и имения, а также замок. Так, Версальский дворец известен в мире как одна из французских резиденций королей, построенных в пригороде Парижа, Версале. Екатерининский дворец являлся официальной летней резиденцией трех российских правительниц. Он был создан Б. Ф. Растрелли и считался шедевром барокко. Здания театров и

филармоний, упоминающиеся в романе, также представляют архитектурную ценность. На общем фоне выделяется театр оперы в Милане – Ла Скала, признанный одним из красивейших зданий в мире.

Многие высшие учебные заведения (ВГИК, МГИМО, МГУ, СПбГУ и т. д.) и их здания признаны объектами культурного наследия, поэтому находятся под защитой государства как памятники архитектуры. Среди большого количества упомянутых библиотек и архивов выделяются Библиотека Конгресса, являющаяся старейшим учреждением культуры в США, и Российский государственный архив литературы и искусства (ранее – ЦГАЛИ), в котором собрана богатая база по истории отечественной литературы, архитектуры, изобразительного искусства, музыки и так далее. О Библиотеке Конгресса Баевский писал: «Знаешь, наверное, рай – это большая-большая библиотека. Может быть, даже, как Библиотека Конгресса» [Баевский, 2007. С. 146]. Также в романе Баевский акцентирует внимание на известных книжных сериях (например, «Библиотека поэта») и издательствах. Например, ученый упоминает крупнейший французский издательский дом «Галлимар», публикующий художественную литературу. В нем печатались крупнейшие французские писатели (М. Пруст, Ж. П. Сартр, А. Камю), а также русские эмигранты (З. Н. Гиппиус).

Итак, фон, который обнаруживается при анализе данного типа топонимов, в большей степени связан с культурными ценностями, а также личностями, внесшими наибольший вклад в историю и культуру страны.

Вторая группа – идеонимы – названия объекта, относящегося к умственной, идеологической и художественной сферам деятельности. При выделении данной группы, помимо словаря Подольской, мы опирались на диссертационную работу «Названия произведений искусства как объект ономастики» Е. А. Бурмистровой [Бурмистрова, 2006]. Употребляемый нами термин – родовое понятие. Он охватывает наименования, которые относятся к разным видам искусства, поэтому подвергается внутренней дифференциации.

Так, в группу идеонимов мы включили: названия праздников; органов печати; произведений изобразительного искусства, фильмов и спектаклей; знаки

отличия; письменные произведения. Последние занимают центральное место в романе, что объясняется принадлежностью Баевского к литературной (научной) среде. Полученные в ходе выборки количественные показатели идеонимов представлены в Таблице 1.7, полный список наименований – в приложениях 2.4, а, б и 2.4.1.

Таблица 1.7 – Идеонимы

Геортонимы (праздники)	Гемеронимы (органы периодической печати)			Артионимы (произведения изобразитель- ного искусства)	Фильмонимы	Фалеро- ним (орден, медаль, знак отличия)
	Журналы	Газеты	Сборники и альманахи			
3	29	9	2	3	8	1

Наиболее распространены названия органов периодической печати, поскольку отражают публицистическую сторону жизни не только литературной части страны, но и научных кругов, включая те, в которых работал Баевский: «Снова Борис Леонидович упомянул мою статью 1956 года. Как я понял, это был единственный развернутый отклик на его публикацию в “Знамени”» [Баевский, 2007. С. 134]. В приложении приводятся названия журналов, которые высоко ценились как писателями, так и учеными, но при этом снискали нелюбимую славу в глазах руководства страны¹⁴. Артионимы в романе представлены двумя картинами и одной фреской, принадлежащей Леонардо да Винчи. Два произведения имеют религиозный подтекст. Так, картина «Автопортрет с Саскией на коленях» (другое ее название «Блудный сын в таверне»), принадлежащая перу Рембрандта, представляет художника и его жену в качестве героев библейской притчи о блудном сыне. Произведение да Винчи изображает сцену последней трапезы Христа с учениками. Среди фильмонимов большинство указывает на фильмы, сценарии для которых были написаны отцом Баевского С. Лазуриным.

¹⁴ Так, в 1946 году И. Сталин на заседании оргбюро назвал худшими советскими журналами «Новый мир» и «Звезду». За этим последовало Постановление о ненадлежащей работе ленинградских журналов «Звезда» и «Ленинград», которое дало старт кампании по травле А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко.

А название знака отличия упоминается при рассказе о Д. С. Самойлове, который признался Баевскому, что среди всех наград, для него дороже всего «Отличный разведчик».

Как было указано выше, в группу идеонимов входят библионимы. Тип включает названия любых письменных произведений. Библионимы были разделены на относящиеся к художественной (прозаические и лирические) и научной (энциклопедии, философские и научные труды) литературе, сюда же мы включили название песен. Список библионимов представлен в приложении 2.4.1. В группе художественной литературы фигурируют произведения, принадлежащие перу как классиков отечественной («Доктор Живаго» (Б. Л. Пастернак), «Война и мир» (Л. Н. Толстой), «Евгений Онегин» (А. С. Пушкин)) и мировой литературы («Фауст» (И. Гете), «Три товарища» (Э. М. Ремарк)), так и смоленских авторов («За далью даль» (А. Т. Твардовский), «Мои герои» (Н. И. Рыленков)). Так, среди отечественной литературы большинство упомянутых прозаических произведений принадлежит перу Н. В. Гоголя, В. А. Каверина, Б. Л. Пастернака, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Среди зарубежных авторов прозы доминируют французские (А. Дюма), американские (У. Фолкнер), немецкие (Э. М. Ремарк). Отечественные лирические произведения представлены в большинстве своем произведениями Д. С. Самойлова, Б. Л. Пастернака, А. С. Пушкина, А. Т. Твардовского. Отметим упоминание произведений древнерусской литературы – «Песнь о вещем Олеге» и «Слово о полку Игореве», а также многочисленные цитирования стихотворных строк ряда поэтов-символистов.

Среди отечественной научной литературы доминируют работы по литературоведению А. Н. Веселовского, М. Л. Гаспарова, А. В. Македонова. Особо стоит выделить «Историческую поэтику» (А. Н. Веселовский)¹⁵, которая

¹⁵ Веселовский в «Поэтике» «первый подошел к произведениям словесного творчества как к явлениям, которые надо изучать соответственно их значению; с него началась у нас самостоятельная жизнь истории литературы как науки самодовлеющей, со своими специальными задачами. Созданная же им схема “исторической поэтики”, задачей которой Веселовский считал “определить роль и границы предания в процессе личного творчества”, еще долго будет оплодотворять своими идеями тех, кто пожелает теоретически подойти к вопросам поэтического творчества» [Перетц, 1921. С. 42].

послужила вдохновляющим стимулом для создания формального метода, ненавистного советской идеологии, а также «Книгу о русской рифме» Д. С. Самойлова, которая, как отмечает Баевский, «получила признание у русистов всего мира» [Баевский, 1992. С. 34]. Зарубежная теоретическая мысль представлена в первую очередь работами Аристотеля. Особо выделяется «Аналитика» – большой труд по логике, который высоко ценил Баевский¹⁶: «Две с половиной тысячи лет спустя мы в России мыслим по тем же законам, по которым мыслили современники Великого Стагирита на Пелопонесском полуострове» [Баевский, 2007. С. 107]. Две работы принадлежат перу итальянской пушкинистки С. Витале (одна в соавторстве)¹⁷. Баевский делает отсылки к работам по физике (А. Эйнштейн, С. Вайнберг), психологии (Э. Кречмер). Среди религиозных книг на страницах романа упоминается Библия и ее составной элемент – Евангелие. Также ученый называет музыкальные произведения. В основном это песни А. Н. Вертинского, пластинки которого собирал отец Баевского.

На наш взгляд, ведущей функцией данного типа реалий является эстетическая, потому что в их основе заложена своеобразная историческая память народа, реализованная посредством искусства и литературы (то есть с помощью материальных носителей информации), что позволяет не просто хранить ее, но и обеспечивать диалог поколений.

Следующая группа в данном типе реалий представлена прагматонимами – названиями объектов прагматической деятельности. В словаре Подольской этот термин используется «для обозначения сорта, марки, товарного знака» [Подольская, 1988. С. 113]. В данную группу мы включили названия транспортных средств. Полученные в ходе выборки количественные показатели представлены в Таблице 1.8, полный список наименований – в приложении 2.5.

¹⁶ Баевский не только интересовался этим предметом, но и преподавал его.

¹⁷ Упоминаются: «Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина»; «Черная речка: до и после».

Наименования материальных ценностей, в предложенной классификации – транспортных средств, несут информативную функцию – дают определенную информацию о средстве передвижения.

Таблица 1.8 – Прагматонимы

Порейонимы (названия транспортных средств)		
Сухопутные	Воздушные	Водные
5	5	2

Так, сухопутные транспортные средства – легендарные машины из СССР (Жигули, Волга, Москвич), что же касается воздушных, то это немецкие истребители и бомбардировщики, которые использовались немецкой армией во время Второй мировой войны для ведения воздушного боя и бомбардировок.

Реалии государственного строя и общественной жизни

В реалиях, отражающих особенности государственного строя и общественной жизни (приложение 3), можно выделить группу прагматонимов, представленную эргонимами – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988. С. 151], осуществляющих деятельность в различных сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной). Среди эргонимов указаны следующие: органы власти, предприятия; гостиницы и санатории; общественные организации; воинские подразделения. Полученные в ходе выборки количественные показатели эргонимов представлены в Таблице 1.9, полный список наименований – в приложении 3.1.

Таблица 1.9 – Эргонимы

Органы власти	Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения	Гостиницы и санатории	Общественные организации	Воинские подразделения и линии фронта
8	13	5	7	7

Наиболее многочисленна по составу группа предприятий и торговых заведений. Упомянутые Баевским объекты не представляют архитектурной ценности, но они значимы для блага народа. Ученый называет несколько предприятий, базирующихся в других странах (Германия, Швейцария), чьи товары высоко ценились в СССР (например, часы швейцарской компании Omega).

Обратим внимание на группу «органы власти и общественные организации». Реалии, упомянутые в ней, связаны с конкретными политико-историческими и культурными событиями в жизни народа. Поэтому указанные реалии необходимо рассматривать в историческом плане, учитывая их национальную принадлежность. Так, аббревиатура НКВД была известна любому советскому человеку. Это был центральный орган государственного управления, занимавшийся борьбой с преступностью и поддержанием общественного порядка. Отметим, что также в ведение НКВД был передан упоминаемый Баевским ГУЛАГ. Становление детского коммунистического движения в стране исторически связано с революционным движением трудящихся. С окончанием Октябрьской революции в стране стали возникать детские организации, которые выросли в единую детскую коммунистическую организацию.

Стоит отметить, что в романе можно обнаружить, используя терминологию Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 1980], советизмы – слова, которые относятся к советской действительности и сформированы в этой эпохе. В «Романе...» встречаются такие понятия, как дефицит, колхоз, характеризующие особенности бытовой жизни народа; комсомол, пионеры и октябрёнок, которые указывают на особенности общественной организации населения; характеризующие способы неофициального (неподцензурного) производства и распространения литературы – самиздат и тамиздат. Не все из выделенных реалий ушли в историю. Так, Высшая аттестационная комиссия (ВАК) продолжает свою работу как государственный орган, который отвечает за государственную аттестацию научных и научно-педагогических кадров.

Ономастические реалии

На наш взгляд, обращение к ономастическим реалиям (приложение 4), как и к проанализированным выше, позволяет автору достичь исторической достоверности. Ономастическое пространство, с точки зрения Н. А. Максимчук, «может формироваться в соответствии со сферами, обозначающими взаимоотношения субъекта номинации – человека с окружающим миром» [Максимчук, 2007. С. 191]. Категория ономастических реалий является самой большой в романе. В частности, она отражена в именном указателе к работе Баевского и содержит антропонимы – «любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка» [Подольская, 1988. С. 30–31]. Для нас важно замечание В. А. Никонова: «Имя может <...> воссоздавать историческую правду» [Никонов, 1974. С. 234]. Вслед за А. В. Суперанской [Суперанская, 2007] мы выделяем два вида антропонимов: имена, употребляющиеся в реальной действительности (собственно антропонимы), и имена, употребляющиеся в литературе (литературные антропонимы). Подобное деление можно обнаружить в работах О. И. Фоняковой [Фонякова, 1990] и Н. В. Подольской [Подольская, 1988].

Таким образом, в состав ономастических реалий входят две группы антропонимов – собственно антропонимы и литературные. Первую группу (собственно антропонимы) мы разделили на несколько типов. Так, на страницах «Романа...» выделяются: групповой антропоним (наименование семьи); индивидуальный (разделен на подтипы: люди науки, искусства, политики и государственные деятели, родственники); прозвища и псевдонимы; зоонимы. Полученные в ходе выборки количественные показатели ономастических реалий представлены в Таблице 1.10, полный список наименований – в приложении 4. Групповой антропоним представляет наименование семьи в целом (семьи Бухштабов, Ланнов, Лотманов, Рудневых и т. д.) (приложение 4.1). Отметим, что с упомянутыми семьями Баевского связывали дружеские отношения. Так, Баевский, будучи студентом, проводил лето на даче у своих родственников,

соседями которых были пушкинист А. Л. Слонимский и его супруга Л. Л. Слонимская (в девичестве Павлицева).

Таблица 1.10 – Ономастические реалии

Собственно антропоним				Литературный антропоним отеч. / заруб. Святые / миф. / религ.
Групповой	Индивидуальный	Псевдонимы / прозвища / имя неодуш. предмета	Зоонимы	
29	1002	4 / 4 / 2	11	58 / 26 5 / 13 / 10

В «Романе...» Баевский пишет: «Во время ленинградской блокады они потеряли сына <...> Вероятно, какую-то часть своих неутоленных родительских чувств они перенесли на меня. Они называли наши отношения дружбой...» [Баевский, 2007. С. 229]. Можно было бы выделить наименование отдельных представителей семьи (например, братья Гаспаровы), но данный антропоним является ошибочным, так как Самойлов в «Эпитафии» Баевскому написал: «Молятся за вас / Братья Гас-пар-овы!» [Там же. С. 482]. По мнению ученого, Самойлов ошибочно решил, что лингвист-семиотик Б. М. Гаспаров и литературовед М. Л. Гаспаров родственники, «или в шутку так написал» [Там же].

Индивидуальные антропонимы представлены наиболее разнообразно. В отдельные группы нами выделены имена собственные родственников Баевского (приложение 4.1), его соседей, школьных и студенческих друзей (приложение 4.2), педагогов и его учеников (приложение 4.3). Баевский рассказывает историю своего рода, упоминая имена предков – бабушек и дедушек со стороны отца и матери, повествует о судьбах братьев отца, а также семье своей супруги – Э. М. Береговской.

Баевский особое внимание уделяет истории своего обучения в школе. В романе он приводит список класса из 38 имен, которые он сохранил на всю жизнь, повторяя как молитву во время фашистских бомбардировок: «В самом поступательном движении фамилий, упорядоченных по алфавиту, есть что-то успокаивающее. Это тоже опора» [Там же. С. 38]. Писатель отмечает имена тех

преподавателей, кто наиболее сильно повлиял на него при обучении в институте: «Сразу, как при встрече с Чирковым, Сахарным, Иофановым, я ощутил обаяние подлинной науки» [Там же. С. 90]. С особым уважением и научным благоговением Баевский характеризует Г. Т. Чиркова, преподававшего логику: «С моей точки зрения, Чирков был блестящий лектор. Единственный за мою студенческую жизнь. Но это немало. Счастлив студент, который за годы учения встретился с одним блестящим лектором» [Там же. С. 91]. Уже будучи сам педагогом, Баевский рассказывает некоторые случаи из практики, а также упоминает имена своих учеников, впоследствии ставших коллегами. Так, Баевский передал 136 писем Македонова, адресованных ему, своей ученице, Э. Л. Котовой, «автору замечательной диссертации об А. В. [Македонове. – Ю. Б.]» [Там же. С. 433]. Полученные в ходе выборки количественные показатели индивидуальных антропонимов сфер науки, искусства, спорта и общественной жизни представлены в Таблице 1.11, полный список наименований – в приложениях 4.4–4.8, 4.10–4.14.

Таблица 1.11 – Онимы из сферы науки, искусства, спорта, общественной жизни

Наука				Искусство				Спортсмены	Деятели и участники общественной жизни
Гуманитарное отеч. / заруб.	Формальное отеч. / заруб.	Естественное отеч. / заруб.	Социальное отеч. / заруб.	Литература отеч. / заруб.	Изобр. иск. и архит.	Театр. иск. и киноиск.	Музык.		
179/56	7/9	17/13	1/6	213/76	18	27	32	9	69

Особо выделяется группа индивидуальных антропонимов – представителей науки: гуманитарные науки, формальные, естественные, социальные. В основном представители гуманитарного направления – отечественные ученые (их почти в три раза больше зарубежных). Направление представлено именами литературоведов (А. Ф. Белоусов, Б. М. Гаспаров, А. Л. Гришуниин), лингвистов (В. В. Виноградов, В. П. Григорьев), историков (П. Гиро, Т. Н. Грановский),

философов (Аристотель, Н. А. Бердяев, К. Леви-Строс, Л. Н. Столович, Ф. Энгельс). К этой же группе можно отнести индивидуальные антропонимы, представляющие сферу литературы, куда мы отнесли имена переводчиков (И. Я. Волевич), критиков (В. Г. Белинский, Ц. С. Вольпе) и редакторов (Л. Л. Авербах), издателей (З. И. Гржебин). В формальном направлении преобладают имена зарубежных исследователей, в целом же оно представлено именами математиков (Б. И. Аргунов, Д. Гилберт). В естественном направлении преобладают имена отечественных ученых, среди которых – физики (Н. Бор), биологи (М. Я. Асс), геологи (В. В. Докучаев). Социальное направление представлено немногочисленными именами, как правило, зарубежной науки (З. Фрейд, К. Г. Юнг).

Наиболее значимыми фигурами для Баевского являются коллеги-литературоведы. С большинством из них его связывала не только схожесть научных интересов, но и дружба: Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, С. А. Рейсер, В. А. Сапогов, А. Л. Слонимский, Г. Г. Шаповалова. С некоторыми из них Баевский не мог похвастать тесной дружбой, но их он уважал и ценил как ученых – А. Н. Веселовского, Л. Я. Гинзбург, Б. В. Томашевского, А. П. Чудакова.

Особое внимание Баевский уделяет трудностям в научной сфере, возникшим в годы правления Сталина и продолжавшимся после его смерти. Изучение стихотворной речи, названное формализмом, «приравнивалось к государственной измене» [Там же. С. 140]. Из-за этого сложности с защитой диссертации испытывал коллега Баевского П. А. Руднев, а затем, в 1975 году, и сам Баевский, ведь его докторская работа была о стихотворной речи, да и выполнена на основе математической статистики. Долгое время «постоянным объектом нападок людей малосведущих и склонных к демагогии» [Там же. С. 338] был Ю. М. Лотман.

Группа индивидуальных антропонимов сферы литературы, связанная с уже проанализированными библионимами, представлена именами отечественных и зарубежных прозаиков и поэтов (с заметным преобладанием отечественных).

Поэты и прозаики – не только участники сюжетов ряда историй Баевского (например, написание письма и последующее посещение Баевским Пастернака), но и предмет научного интереса для упомянутых литературоведов. Так, З. Г. Минц была специалистом в области изучения творчества А. А. Блока и русского символизма, А. П. Чудаков исследовал творчество А. П. Чехова, а творческое наследие А. С. Пушкина, Б. Л. Пастернака и Д. С. Самойлова было предметом изучения Баевского.

Упомянув советскую творческую интеллигенцию, Баевский отмечает, что начиналась «травля» ряда писателей, работа над некоторыми изданиями была прервана. Так, 14 августа 1946 года было выпущено Постановление ЦК ВКП(б), направленное на журналы «Звезда» и «Ленинград». Журнал «Звезда» обвинялся в том, что предоставил литературную трибуну М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой. В нем отмечалось, что Зощенко «специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание» [Сарнов, 2009. С. 273]. Что же касается Ахматовой, она названа «представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» [Там же. С. 622]. Ее стихотворения, как было указано в докладе Жданова на собрании писателей в Ленинграде, вредят молодежи: «Эти произведения могут только посеять уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узенький мирок личных переживаний. Как можно отдать в ее руки воспитание нашей молодежи?!» [Там же. С. 627]. Журнал «Ленинград» также обвинялся в том, что печатал на своих страницах указанных писателей – все это «грубая политическая ошибка» [Там же].

Критике и последующей за ней травле подвергся и Б. Л. Пастернак, роман которого советская власть запретила публиковать в СССР из-за отношения Пастернака к Октябрьской революции. В 1958 году Пастернаку за роман, опубликованный в Европе, была присуждена Нобелевская премия, но ЦК КПСС

приняло постановление «О клеветническом романе Б. Пастернака», его исключили из членов Союза советских писателей, а на одном из докладов ЦК ВКЛСМ Пастернаку даже предложили эмигрировать¹⁸. Баевский, читая обо всем этом в центральных газетах, не мог остаться равнодушным, он решил, что «надо поддержать старика <...> во время зимних школьных каникул в январе тысяча девятьсот пятьдесят девятого года я предпринял паломничество к Пастернаку» [Баевский, 2007. С. 131]. Баевский заключает, что с Пастернаком «расправились на глазах всего мира <...> до смерти затравили великого поэта» [Там же. С. 293].

Литературные антропонимы (приложения 4.9, 4.9.1) представлены именами персонажей из отечественной и зарубежной литературы, также с преобладанием первых. Баевский делится своими читательскими воспоминаниями о прочитанном: «Я помню, как тогда, в 1968 году, глотал роман, словно солоноватый морской воздух, как (скажу не стыдясь) обливал слезами последнюю сотню страниц, на которых рвались нити судеб несчастных Юрия Андреевича, Лары, Антонины Александровны и Тани» [Там же. С. 224]. Стоит обратить внимание, что имена персонажей могут упоминаться в качестве сравнения с реально существующими людьми. Так, дворовых мальчишек, рядом с которыми рос Баевский, в десятом классе называли именами мушкетеров из романа А. Дюма: «Вилен среди них был д'Артаньяном, а Ленька – Атосом» [Там же. С. 64]. Отдельно в литературном типе мы выделили группу «Религиозные и мифологические персонажи», представленную религиозными персонажами нескольких религий (Кришна – индуизм, Магомет – ислам), персонажами мифологии античной и славянской (Прометей, Баба Яга), а также святыми (Петр и Феврония Муромские).

¹⁸ «Свинья <...> никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. А Пастернак – этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества, – он это сделал. Он нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит. <...> А почему бы этому внутреннему эмигранту не изведать воздуха капиталистического, по которому он так соскучился и о котором он в своем произведении высказался. Я уверен, что общественность приветствовала бы это!» [Комсомольская правда. 1958. С. 1].

Антропонимы группы «Сфера искусства. Изобразительное искусство и архитектура» называют музыкантов, художников и скульпторов, людей, имеющих отношение к театру и кинематографу. Так, Баевский рассказывает историю о встрече дирижера сэра Т. Бичема с английской королевой, которую тот не узнал, а также сюжет с интервью И. Стерна. Скрипача попросили назвать, кого он считает величайшим скрипачом современности, музыкант отметил второго (Д. Ф. Ойстрах) и третьего (Л. Б. Коган), сказав, что первых много, и не указав конкретных имен. Обращение к французскому живописцу О. Ренуару связано с воспоминанием Баевского о поездке на конференцию в Париж. Имя французского актера Алена Делона упоминается Баевским при описании внешности коллеги-ученого В. А. Сапогова: «Слава Сапогов, внешне похожий на Алена Делона, был самым христиански чувствующим и христиански мыслящим человеком среди всех, кого я знал во всю мою жизнь» [Там же. С. 139]. Среди режиссеров наиболее значимым является имя С. М. Лазурина – отца Баевского, работа которого нередко связывала его с другими важными персонами (например, В. В. Маяковским).

Группу сферы «Деятели и участники общественной жизни» представляют как отечественные, так и зарубежные персоналии. На страницах романа Баевский упоминает великих князей, начиная с истории Древней Руси. Так, Владимир Мономах был не только известным политиком-полководцем, но и писателем, оставившим потомкам свое «Поучение». При царе Александре II было отменено крепостное право. Наибольшее значение среди имен этой группы представляют связанные с советской эпохой, представителем которой был Баевский. Так, упоминая А. Гитлера и И. В. Сталина (а с ним – Л. М. Кагановича, В. М. Молотова), Баевский актуализирует события Великой Отечественной войны (бесчисленные потери на поле боя и во время сталинских репрессий) и послевоенный период. Сталин, «людоед номер один» [Там же. С. 93], по замечанию Баевского, «любил “советскую интеллигенцию”, но только в ошейнике, на коротком поводке и в наморднике» [Там же. С. 126]. Годы власти

Сталина писатель вообще называет «атмосферой кровавого террора» [Там же. С. 300] и «его раболепного прославления» [Там же].

Среди зарубежных политиков выделяются Гитлер и Наполеон. Казалось бы, это представители разных эпох и форм правления, но при этом они преследовали одну цель, осуждаемую и вечно живущую в памяти нашего народа, – истребление русской нации. Имена представительниц рода Габсбургов Марии-Антуанетты и Марии-Терезы тесно связаны с сюжетами, где ключевым персонажем является Моцарт (снискавший славу талантливого музыканта еще будучи ребенком). Отметим, что сюжеты, в которых упоминаются перечисленные личности, не только характеризуют политическую реальность, но и ставят акцент на настроении народа в определенную эпоху, дают возможность выразить личное отношение к тому, что происходило вокруг.

В именном указателе были выделены имена, которые не являлись важными сами по себе, но использовались Баевским в качестве характеристики другого лица (приложение 4.15). Например, Ю. Алексеев – сокурсник Д. С. Самойлова; В. К. Альтберг – приемный отец А. В. Македонова. В приложении 4.16, а, б отражены имена личностей как представителей различных направлений.

Последняя группа собственно антропонимов представлена псевдонимами и прозвищами (приложение 4.17).

Прозвище (кличка), как аналог собственного имени, является средством индивидуальной оценочной характеристики человека. Так, Ржавый – кличка Баевского, которой его наградили мальчишки во дворе дома, куда семилетний мальчик переехал с семьей: «Так в его детской судьбе, впервые без участия взрослых, произошло сразу два знаменательных события. Он получил кличку Ржавый (менее утонченные обитатели двора звали его просто Рыжий) и стал вратарем (в ту пору чаще говорили: голкипером) дворовой футбольной команды» [Там же. С. 22]. Еще одно прозвище – граф Киев-Киевлянский – принадлежало

отцу Баевского, его ему дали друзья. Также ученый упоминает прозвище Великий Стагирит. Его получил по месту своего рождения (город Стагир) Аристотель¹⁹.

Псевдоним представляет собой «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская, 1988. С. 113–114]. Стоит отметить, что большинство из псевдонимов мы распределили по деятельности персоны (в группах научного направления или сферы искусства (литература)). Непосредственно к категории «псевдоним» мы отнесли Н. М. Олейникова, который был обладателем шести псевдонимов, но на страницах романа Баевский упоминает два – Макар Свирепый и Сергей Кравцов. Также в романе обнаруживается групповой псевдоним. Баевский вместе с Виленом назывался Глыбой: они «под общим псевдонимом Глыба сочиняли эпитафию своей школьной жизни» [Там же. С. 70].

В целом в романе можно обнаружить три типа псевдонимов:

- полный псевдоним (когда изменены фамилия и инициалы): Аполлинер (наст. В. А. Костровицкий. Для псевдонима взял французские варианты двух имён – Вильгельм и Аполлинарий (это же имя принадлежало бабушке)); А. Белый (наст. Б. Н. Бугаев); Божидар (наст. Б. П. Гордеев); М. Горький (наст. А. М. Пешков);
- псевдоним-фамилия (когда изменена настоящая фамилия): В. В. Вересаев (наст. Смидович. Псевдоним «Вересаев» взял у героя из рассказа «Сны» П. Гнедича); А. Е. Адалис (наст. Эфрон); З. Е. Гердт (наст. Храпинович); А. Д. Давыдов (наст. Кауфман);
- псевдоним-инициалы (когда изменены имя и отчество): Д. М. Алтаузен (наст. Яков Моисеевич. В Шанхае, где работал, получил документ, где был записан под именем Джек);
- псевдоним-инициал (когда изменено имя): В. М. Зильберштейн (наст. Зинаида).

Несколько человек, упомянутых Баевским, имели два псевдонима. Мате Залка (в СССР был известен как Матвей Михайлович Залка) – псевдоним Бела

¹⁹ А. И. Домбровский написал роман об Аристотеле «Великий Стагирит».

Франкля, венгерского писателя и революционера, который также известен благодаря своему прозвищу генерал Лукач. Под этим именем Залка сформировал 12-ю интернациональную бригаду и отправился на гражданскую войну в Испанию.

Стоит отметить, что часть псевдонимов обусловлена определенными жизненными обстоятельствами автора, другие же являются способом авторского самовыражения.

Зоонимы (приложение 4.18) романа представлены преимущественно кличками собак: целой собачьей семьи дяди Баевского – Владимира (пес Буран и его родители Буря и Уран), собаки дочери Баевского Атос, а также Джерри – пса Ю. М. Лотмана. Например: «Даже собака у него была замечательная, можно сказать, человекообразная. Большой черный пес Джерри» [Там же. С. 345].

Таким образом, документальная составляющая «Романа одной жизни» как романа, относящегося к художественно-документальной литературе, проявляется в материале жизни Баевского и событиях, свидетелем которых стал писатель. «Роман одной жизни» выражает историческую правду через судьбу человека, опираясь на фактический материал (документальные свидетельства). Неотъемлемой частью «Романа одной жизни» становятся лингвистические реалии, формально обозначающие хронологические, географические, культурные координаты и события.

Географические реалии тесно связаны с определенной страной (у Баевского это СССР, Эстония, Америка; наиболее значимые города – Харьков, Киев, Смоленск, Тарту, Нью-Йорк). На основе этих реалий в «Романе...» обнаруживается концепт «пространство», включающий разного рода пространственные объекты как в пределах одной страны (города, реки, улицы, городские объекты), так и мира (моря, страны). Реалии системы образования, религии и культуры характеризуют культурную и социальную сферу. С этими реалиями тесно связаны ономастические (обозначающие как реальных людей, так и литературных персонажей). Крупным планом из всего пространства культуры и науки выступают представители сферы науки и литературы, наиболее

значимы для Баевского – имена Б. Л. Пастернака, Д. С. Самойлова, Б. Я. Бухштаба, М. Л. Гаспарова, А. В. Македонова, Ю. М. Лотмана.

В целом реалии «Романа одной жизни» создают правдоподобный культурно-исторический фон, отражают взаимодействие реально существующих и внесших вклад в науку, литературу людей.

1.4. Документальность и автобиографизм «Стихотворений двух тысячелетий»

«Стихотворения двух тысячелетий» составляют отдельную, заключительную главу части «События» «Романа одной жизни». Известно, что свою лирику Баевский публиковал трижды: отдельными книгами «Стихотворения 1941–2003 годов» [Баевский, 2004] и «Стихотворения двух тысячелетий» [Баевский, 2012], а между ними – в составе «Романа...» В предисловии к «Стихотворениям...» Баевский пишет: «Сколько я себя помню, я пишу стихи» [Баевский, 2007. С. 180]. Завершающая собственно автобиографический сюжет (не мемуарный, как в частях «Поэты» и «Филологи»), данная глава представляет собой изложение того же самого сюжета, но уже средствами лирики. Этот принцип в литературе не нов. Он заимствован Баевским у Б. Л. Пастернака, завершившего роман «Доктор Живаго» частью «Стихотворения Юрия Живаго».

Прозаический и лирический способы изложения, на наш взгляд, взаимно дополняют друг друга: они представляют события прошлого и современности, жизни Баевского, науки и литературы. Особенности лирики В. С. Баевского, как и его прозы, воспринимаемой как важный элемент его художественного мира, остаются документальность и автобиографизм. Они реализуются, во-первых, на уровне сюжета, в основе которого реально произошедшее событие, во-вторых, на уровне образов (как правило, при изображении реальных лиц), в-третьих, при обращении к документам.

Написанным стихотворениям В. С. Баевский дает оценку «человеческого документа». В русскую литературу это понятие пришло из теории французского натурализма во второй половине XIX века, своей популярностью было обязано «Золя и в русском контексте связывалось в первую очередь с именем этого писателя» [Яковлева, 2012. С. 22], в дальнейшем – с творчеством Э. Гонкура. Мария Рубинс в книге «Русский Монпарнас» отмечает: особенность «человеческого документа» в том, что он «сосредоточился на субъективном психологическом аспекте отдельной личности, на “здесь и сейчас” человеческих чувств и на основных экзистенциальных переживаниях» [Рубинс, 2017. С. 35].

За всеми событиями, темами и персонажами, намеченными в «Стихотворениях...», легко угадываются происшествия и люди из жизни писателя. Автор рассказывает о проблемах, с которыми он и его поколение столкнулись в реальности: война, эвакуация, перестройка, цензура и т. д. Подобное обращение позволяет ему вспомнить и переосмыслить произошедшее. Благодаря прозе, в структуру которой вошла лирика, можно интерпретировать факты, которые отразились в стихотворении, а также обнародовать события, изложенные в прозе и подвигнувшие автора к написанию того или иного стихотворения. Так, первое в главе стихотворение «Надо мною небо и небо...» (с указанием даты и места – июль 1941 года, Волга) впервые упомянуто в главе «Ржавый» романа. Одиннадцатилетний герой по кличке Ржавый придумывает эти строки в эшелоне, увозящем людей из подвергнувшегося бомбежке Киева в эвакуацию через Волгу. Увиденная картина вызвала в душе Ржавого сильное впечатление, в результате которого и родилось стихотворение: «Сам того не понимая, Ржавый сочиняет стихи. Это не он придумывает, их сложила Волга» [Баевский, 2007. С. 47].

Стоит отметить, что в стихотворении «У всех пути в искусстве разны» автор прячется под маской Ржавого и пытается определить свою литературную судьбу. Обратим внимание, датировка стихотворения «27 июня 1993, воскресенье, 0.23 мин» указывает на первую публикацию повести «Ржавый» в журнале «Край

Смоленский»²⁰. С момента этой публикации Баевский начинает себя осознавать как писатель. Баевский пробует поставить Ржавого рядом с такими мастерами слова, как А. И. Полежаев, В. Н. Ажаев, К. Ф. Рылеев, Н. Н. Асеев, но приходит к выводу, что он иной, у него свой путь в литературе, ведь поэзия о пережитом времени с «позорно сгинувшей державой» [Баевский, 2007. С. 192], о которой он пишет, давно в прошлом. Задаваясь вопросом: «Что ждет его на этом свете?», он предполагает: «Уж верно не цветы, а плети» [Там же], и это говорит о том, что в роли писателя Баевский предчувствует свою отверженность.

Автобиографическое, личное начало наиболее образно представлено в стихотворении «Старость? Время утрат». В своей жизни Баевский выделяет семь главных вех – эпох, трепетно хранящихся в его душе:

Одесса,

она же эпоха папы с мамой и бабушкой.

Вторая мировая война.

Эпоха Пастернака.

Эпоха Бориса Яковлевича,

Соломона Абрамовича,

Лидии Яковлевны и

Юрия Михайловича.

Эпоха Давида Самойлова.

Эпоха Алика и Шуры.

Эпоха кафедры истории и теории литературы [Там же. С. 198].

Стоит отметить, что эти эпохи, названные именами реальных людей, с которыми Баевский был знаком, лишь однажды писатель соотносит с историческим событием – Второй мировой войной. В остальных пяти случаях эпохи связываются в его сознании с людьми, еще один случай – с кафедрой, но она также связана с людьми, в первую очередь с его учениками. На основе этого можно предположить, что семантическая валентность лексемы «эпоха» сосредоточена в антропологической проекции и формирует идеологему «эпоха –

²⁰ Ржавый // КС. 1993. № 5–6. С. 116–144; КС. 1993, № 7. С. 158–181.

человек», которая реализуется в образах и сюжете верлибра. Заданные Баевским образы и сюжет раскрывают эпохальную значимость и многомерность человеческой личности и жизни.

Так, первая – эпоха папы с мамой и бабушкой – довоенное детство в Одессе в кругу семьи. Вторая эпоха связана с увиденным и пережитым в начале Второй мировой войны, а затем с дальнейшей эвакуацией в Ашхабад. Эти две эпохи в большей степени отражены в первой части романа. Третья – эпоха Пастернака, связанная с судьбоносным знакомством Баевского с писателем. Живя в шахтерском поселке, в журнале «Знамя» Баевский прочел подборку стихотворений Пастернака. Они произвели на него такое глубокое впечатление, что он написал статью об этих стихах. Не веря в возможность ее публикации, копию он отослал самому поэту, а через несколько дней неожиданно получил ответ. Через два года Пастернаку присудили Нобелевскую премию, и, как вспоминал Баевский в книге «Пастернак. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам», это «вызвало злобную травлю великого писателя со стороны руководства компартии и государства, литераторов и оболваненных обывателей» [Баевский, 1997. С. 62–63]. Баевский «серьезно о нем беспокоился и в конце концов решил, что надо поддержать его» [Там же. С. 105]. Филолог приехал в Переделкино и хотел подарить писателю книгу Рильке и свои неизданные переводы: «...переводы взял, прочитал их тут же, при мне, подойдя к окну, и сердечно похвалил» [Там же. С. 107]. Творческое наследие Пастернака находилось в центре научных интересов Баевского до конца его дней. В целом о Пастернаке Баевский вспоминает на протяжении всего «Романа...», посвящает ему восьмую главу в части «Поэты».

Четвертая эпоха обозначена именами ученых – Б. Я. Бухштаба, С. А. Рейсера, Л. Я. Гинзбург и Ю. М. Лотмана. Трое первых принадлежат к поколению «младших формалистов» (а русскую формальную школу Баевский ценил необыкновенно высоко, считал себя ее последователем), Лотман – ярчайший представитель русского структурализма. Отметим, с именем последнего также связано и упоминание в стихотворении города Тарту, где в 1975

году в Тартуском государственном университете Баевский защитил докторскую диссертацию. Каждому из ученых писатель посвятил отдельный очерк в «Романе...», где подробно изложил историю их знакомства, дружбы и сотрудничества.

Пятая – эпоха Д. С. Самойлова. Она ознаменована годами дружбы и тесного сотрудничества с поэтом, свидетельством чему осталось богатое эпистолярное наследие, включенное в «Роман...» (в частности, в отдельном очерке о Самойлове – 11 глава). Самая последняя публикация Баевского, вышедшая посмертно, представляла собой выборку из дневника, посвященную истории их дружбы с поэтом и истории создания книги о нем. Стоит заметить, что в ходе переписки с Самойловым рождались целые стихотворения. Так, стихотворение «Рондо Самойлову в ответ на его сонет» написано в качестве ответа на письмо с сонетом Самойлова. Баевский «принял решение ответить не сонетом, а стихотворением другой формы, и выбрал рондо» [Баевский, 2007. С. 283], отметив в своем дневнике: «Я почти уверен, что на мое рондо Самойлов ответит триолетом» [Там же]. Правда, Самойлов вновь прислал ученому сонет, а Баевскому в ответ пришлось писать триолет. Так появилось следующее за «Рондо...» стихотворение «Триолет Давиду Самойлову». Эту историю возникновения стихотворений Баевский рассказал, помимо «Романа...», еще дважды – в книге «В нем каждый вершок был поэт. Записки о Давиде Самойлове» [Баевский, 1992. С. 87–89] и позже в публикации «Из дневника двух тысячелетий (Давид Самойлов и другие)» [Баевский, 2014. С. 352–354].

Шестая – эпоха Алика (А. Л. Дорфман) и Шуры (А. М. Шендерович). Это эпоха друзей детства Баевского: с Шурой и Аликом он познакомился в эвакуации в Ашхабаде, когда ему было 12 лет: «мы тогда не могли подумать, что происходит одно из самых важных событий трех наших жизней. Что мы трое рядом пройдем всю дорогу сквозь этот негостеприимный двадцатый <...> Алик похоронит Шуру, а я похороню Алика» [Баевский, 2007. С. 74]. Тогда же, в 1942 году, трое ребят основали свое государство ШАД (Шура + Алик + Дима), которое возникло «из детского протеста против бытовых явлений репрессий, войны,

беженского существования» [Там же. С. 79]. Их дружбе посвящена глава «ШАД» в «Романе одной жизни».

Седьмая – эпоха кафедры истории и теории литературы. Это время работы с 1962 года в Смоленском государственном педагогическом институте. С 1989 года Баевский не просто возглавлял кафедру истории и теории литературы – он фактически ее создал: весь преподавательский состав представляли ученики Баевского. Отметим, что стихотворение имеет посвящение – И. В. Романовой – ученице Баевского, принявшей заведование кафедрой после него. По воспоминаниям Романовой, профессор отдал ей уже написанное стихотворение в сложный период ее жизни (в 2001 году после тяжелой болезни не стало ее отца), от руки подписав посвящение, с которым в дальнейшем стихотворение и публиковалось.

Обратим внимание на возникший в этом стихотворении образ памяти, которая представлена в выразительных образах: «Старое-старое запущенное кладбище. Скудельница. Погост» [Там же. С. 198]. Все эти образы – синоним одного: места захоронения воспоминаний писателя. В этом определении содержится аллюзия на знаменитое стихотворение Пастернака «Душа моя, печальница...», где душа предстает в таких же кладбищенских образах, так же названа «скудельницей».

Воспоминания составляют не только люди и события, но и города с некоторыми достопримечательностями:

...Сан-Франциско

с его Мостом Золотых Ворот.

Киев

с его Золотыми Воротами.

Тарту – по самой сути своего имени город утрат.

Дрезден

с его картинной галереей

и долиной, где Эльба шумит.

Чистяково

с его терриконами и непролазной грязью.

Нью-Йорк

с его музеями, университетами, небоскрёбами Манхэттена.

Петербург

с его набережными.

Париж... [Там же. С. 197–198].

Киев сохранился в памяти писателя как город, в который он вернулся после войны и поступил в институт; Чистяково – шахтерский поселок, в который попал по распределению после окончания университета и где отработал школьным учителем 11 лет. Об этом периоде написана повесть Баевского «Центральный поселок» [Баевский, 2008]. Тарту – город Лотмана, где Баевский защитил докторскую диссертацию; Сан-Франциско, Дрезден, Нью-Йорк, Париж и Петербург – города, куда Баевский вместе с женой приезжал на научные симпозиумы и конференции, а затем, пользуясь возможностью, осматривал местные достопримечательности. Помимо этого, в Петербурге долгое время жила дочь Баевского до отъезда в Америку, в Нью-Йорке – внук. Петербург – это еще и город Б. Я. Бухштаба, С. А. Рейсера, Л. Я. Гинзбург. О посещении других городов и мест сохранились воспоминания и в стихотворении «Сонет», где Баевский признает: «едино все многоголосье стран» [Баевский, 2007. С. 190], «мир вечен – остальное все обман» [Там же].

Таким образом, выделенные эпохи и географические объекты отображают знаковые моменты из жизни автора, связанные с местами и людьми, историческими событиями, которые в совокупности определили всю его судьбу.

Стихотворение «И все же иногда приходит грусть» отражает послевоенное настроение (датируется 1946 годом). В нем Баевский выражает сожаление о своем потерянном детстве, «расстрелянном порохом и сталью» [Там же. С. 182]. Но он такой не один: через судьбу Баевского показана судьба народа, чьи «сердца теперь закалены как сталь» [Там же], а в глазах – печаль. Помимо личных переживаний, писатель испытывает боль за всех, кому выпала доля быть свидетелями и участниками Великой Отечественной войны. Здесь он сродни

А. А. Ахматовой, которая в «Реквиеме» писала: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был» [Ахматова, 2010. С. 341]. Весь XX век назван писателем холодным и пустым, потому что жизнь «у нас все отбирает, / ничего не давая взамен» [Баевский, 2007. С. 182]. Это вызывает у писателя негодование, отсюда и призыв: «Пусть в агонии мир погибает / под громадой обрушенных стен» [Там же]. Землю (в стихотворении она спрятана за образом корабля) покинут люди (в стихотворении – экипаж), и вот без населения, без столиц Земля будет вечно и свободно скитаться в «безбрежном пространстве» [Там же], подобно знаменитому призрачному «Летучему Голландцу». Последний образ – явная отсылка к М. Ю. Лермонтову («Воздушный корабль»).

Некоторую фатальность можно отметить в стихотворении «Арифметика». Баевский сопоставляет исторические события со своими прожитыми годами: когда ему было 12 – «произошел Бабий Яр» [Баевский, 2007. С. 203], 77 – «По России на кровавом помеле / Носится Баба Яга» [Там же]. Бабий Яр ассоциируется у Баевского с трагедией, местом массовой казни невинных людей. В 1941 году на окраине Киева, в урочище под названием Бабий Яр, где были овраги и рвы, нацистами был проведен один из самых масштабных расстрелов еврейского населения (их участь разделили попавшие в плен граждане разных национальностей). Идеи ксенофобии не исчезли и в XXI веке: «За 65 лет: / От Бабьего Яра до Бабы Яги – / Вот путь моей родины» [Там же]. В 2006 году (им датировано стихотворение) участились случаи нападения экстремистов на представителей «нерусской национальности» или даже их убийств. Обратим внимание, стихотворение Баевский сопроводил эпиграфом из стихотворения А. А. Ахматовой – «Любит, любит кровушку / Русская земля» [Баевский, 2007. С. 203]. Этими же строками Баевский заканчивает стихотворение, вплетая их в ткань своего повествования, тем самым предчувствуя неминуемую беду.

Стихотворения Баевского, кроме исторических событий, отразили впечатления автора от решающих явлений в области науки и литературы. Так, 1980-е годы были сложными для последователей формальной школы: они, как отмечает Д. М. Сегал, «оказались в политической оппозиции к новой власти»

[Сегал, 2011]. Баевский откровенно, но при этом сдержанно рассказывает о проблемных и напряженных эпизодах своей жизни, связанных с наукой: «Превыше знаний и регалий / Мы ставим души и умы. / В одних журналах нас ругали, / Упреки те же слышим мы» [Баевский, 2007. С. 200]. Обратим внимание, строки «В одних журналах нас ругали, / Упреки те же слышим мы» – повтор стихотворной строки из стихотворения «Дельвигу» А. С. Пушкина. Для А. А. Дельвига литературное единомыслие с Пушкиным обернулось тем, что в печати ходили слухи, будто стихи Дельвига – мистификация (половина принадлежит Пушкину, вторая половина – Баратынскому). Баевский лишь надеется, что «Проклятые восьмидесятые / Авось не доконают нас» [Там же. С. 201].

В стихотворении «З. Минц, Ю. Лотману» Баевский пишет: «Найдутся судьи непредвзятые / И разберут, страшней года какие: / Сороковые роковые / Или проклятые восьмидесятые» [Там же. С. 201]. Стоит отметить, что сороковые роковые, встречающиеся в трех следующих друг за другом стихотворениях (в одном стихотворении просто роковые), – образ, заимствованный Баевским из стихотворения Д. С. Самойлова, ставшего символом поколения людей, которым пришлось встретить свою юность на войне. Последнее десятилетие существования советской власти Баевский одаривает эпитетом «проклятые»: это связано с застоем, коррупцией, дефицитом и цензурой, процветавшими в стране. Отметим, что образ «проклятых восьмидесятых», как и образ сороковых, возникает в четырех идущих друг за другом стихотворениях. Три из них написаны 26 мая 1981 года, одно – надпись на книге, два посвящены друзьям – филологам З. Г. Минц, Ю. М. Лотману, поэту Д. С. Самойлову. Стихотворение от 29 мая 1981 года – Б. Я. Бухштабу. Образ «проклятых восьмидесятых» связан, в первую очередь, с усугубившимся космополитизмом в научных кругах, невозможностью свободно заниматься исследовательской деятельностью.

Баевский обнажает проблему, с которой столкнулся как ученый: подход к исследованию языка как семиотической системы в нашей стране критиковался за формализм, а термин «семиотика» заменялся понятием «вторичные

моделирующие системы» [Лотман, 2002. С. 206], потому что не получал идеологической поддержки одобрения. Баевского такая ситуация не устраивала, он был убежден, «что наука – это материк истинной демократии, свободы. Наука превыше всего» [Павлова, Романова, 2009. С. 20]. Несмотря на отсутствие поддержки властей, в Тартуском университете на кафедре русской литературы образовался центр по изучению знаковых систем в культуре во главе с Ю. М. Лотманом. По замечанию Баевского, ученый «был опутан завистью и клеветой» [Баевский, 2007. С. 337], «на нем оттачивали мастерство демагогии самые подонки околонучного мирка» [Там же. С. 338]. Смоленский филолог «дважды заступался за него в печати» [Там же]. Четверостишие «Издревле свет таков...» включено Баевским в главу о Лотмане.

Баевский в прозе также отмечает, что для них значимым событием становился выход «Трудов по знаковым системам», а когда кто-то из коллег-друзей книгу не получал, Баевский его успокаивал. Так, Баевский направил утешительное стихотворение В. А. Сапогову, написав: «Мы с тобой не идиотики / Проживем без семиотики» [Там же. С. 185, 339].

Публикацию научных трудов и ряда художественных произведений усложняла жесткая цензура, установленная в стране. Теме кощунственных методов цензуры и долгожданной победы над ней посвящены идущие друг за другом «К свободе печати» и «Сонет к свободе печати»: «Исследование и повесть – / Все шло под нож или в огонь» [Там же. С. 191], «Под нож пускали, тиражами жгли, / одни молчали, а других сажали» [Там же]. Главная задача цензуры сводилась к «устрашению всех пишущих, порождению тотального страха, воспитанию писателей-конформистов и изоляции неугодных власти авторов» [Кустова, 2005. С. 48]. Стихотворения написаны в 1993 году как зафиксированное в качестве документа свидетельство эпохи – указаны полная датировка и точное время (5 февраля 1993 года. 23 часа 53 мин.; 6 февраля 1993 года, суббота, 1.42 ночи). В конце каждого стихотворения – провозглашение свободы печати: «Но сгинули мучители-невежды. / Любовь, душа, доверие, надежды, / Мечты, и самиздат, и тамиздат / На полках тесно стали в строгий ряд»

[Баевский, 2007. С. 192], «Но вот стоит на полке книга, / И нет прекрасней в жизни мига» [Там же. С. 191]. Это событие стало торжеством ученого и писателя, ведь авторское отношение к пережитым цензурным ограничениям высказано однозначно: «Забудется оно едва ли / <...> / Как нас тащили – не пуцали! / Как запрещали издавать!» [Там же. С. 191].

В стихотворении «Тропой, проселком, большой дорогой», написанном 7 февраля 1988 года, Баевский запечатлевает торжественное событие для литературы страны – первую публикацию в СССР романа «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, для которого «нашлась наконец бумага» [Там же. С. 190]. Известно, что роман был закончен в 1955 году, а через год Пастернак получил письмо из «Нового мира», в котором было сказано: «О публикации Вашего романа на страницах журнала “Новый мир” не может быть и речи... Возвращаем Вам рукопись романа “Доктор Живаго”» [Письмо членов редколлегии, 1958]. Спустя 30 лет, изданный уже во многих европейских странах, авторский текст романа был опубликован в «Новом мире»: «Мир обойдя, не сбавляя шага, / Домой возвращается доктор Живаго» [Баевский, 2007. С. 190].

Стихотворение «Среди культурных наших знаков» демонстрирует несправедливое отношение к М. А. Булгакову. В XXI веке его имя сияет среди культурных знаков, но, по замечанию Баевского, «не прошло и полувека, как уморили человека» [Баевский, 2007. С. 202]. Сегодня по произведениям М. А. Булгакова ставятся театральные постановки, выпускаются собрания сочинений, но в середине XX века о нем предпочли забыть, назвав его «классово-враждебным советской действительности человеком» [Сухих, 2013. С. 125]. Прошлый век превратил литературный путь М. А. Булгакова в мучительное противостояние²¹, результатом которого стало творчество Булгакова итогового десятилетия, а в нынешнем веке – «кого упрятали в могилы / Те нам и дороги, и милы» [Баевский, 2007. С. 202].

²¹ Достаточно вспомнить письмо И. В. Сталину, в котором Булгаков признавался в многолетней затравленности, приведшей к дальнейшему молчанию.

В стихотворении «Знамена потеряны нами...» (15 августа 1946 года), на наш взгляд, можно усмотреть два затекста: послевоенную действительность с абсолютным господством сталинизма, «завинчивание гаек» по отношению к творческой интеллигенции, в первую очередь проявившееся в Постановлении «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (вышло 14 августа 1946 года, а стихотворение датируется 15 августа 1946). Как мы уже отмечали, Постановление способствовало исключению А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко из Союза писателей СССР. Идеологическое давление властей делало людей беспомощными, как детвору, не способную ни плакать, ни роптать: «И лишь через силу мы все в хоре общем / Протяжное стонем ура» [Там же. С. 181]. В целом стихотворение воспроизводит настроение «мировой скорби», характерное для мироощущения романтиков, поэтики М. Ю. Лермонтова в частности.

На протяжении «Стихотворений...» образ «я», за которым стоит автор, можно рассматривать как образ лирического героя: выделяются различные стадии его развития (детство, юность, зрелость, старость), дающие представление о формировании мировоззрения героя, который в конце жизни обращается к Богу: «И, представ перед ликом Бога / С простыми и мудрыми словами, / Ждать спокойно Его суда» [Там же. С. 193]. Прочитированные строки взяты из стихотворения «Мои читатели». Оно было написано по самому бытовому поводу: коллеги и ученики Баевского часто брали из его богатой личной библиотеки книги и не возвращали. «Много их, сильных, злых и веселых <...> / Возят мои книги в хозяйственной сумке, / Забывают в заблудившемся трамвае» [Там же]. Тогда он на дверях кафедры повесил это стихотворение, варьирующее знаменитое одноименное стихотворение Н. Гумилева. Лирический финал переводит шуточный текст о невозвращенных книгах в серьезный регистр, когда образы лирических героев Гумилева и Баевского сливаются. На наш взгляд, возникающий в поздних стихотворениях исповедальный мотив в творчестве Баевского тесно переплетен с автобиографическим: это способ подвести итог своей жизни.

В стихотворениях последних десятилетий усиливается и мотив одиночества, связанный с уходом близких друзей, коллег, членов семьи: «Один за другим, кто старше, кто моложе, гибнут друзья. / Иногда и похоронить нельзя. / Другой раз хороню. И иду вперед» [Там же. С. 198]. В стихотворении «Ни бороды, ни зубов, ни лысины» поэт ощущает не только что остался один, но и что находится на пороге жизни и смерти. Экзистенциальность ситуации усиливается мистическим страхом, который переживает герой, видя «гостью, которая строго / <...> заглядывает в лицо» [Там же. С. 197]. Присутствие потусторонней силы в образе гостыи напоминает о беспомощности человека перед предстоящей неизбежностью кончины. И на этой границе миров герой просит лишь одного – приготовить уроки, «...чтобы двойки не получить / В школе той, где сурово и щедро / Их оценит – Радость моя / Самый строгий и милосердный / Наш Учитель и Судия» [Там же]. Стихотворение «Ни бороды, ни зубов, ни лысины» можно рассматривать как лирический конспект всей автобиографической части «Романа...», судьбы его героя и самого Баевского. А его лирическая концовка созвучна концовке главы «Счастье».

Таким образом, документальность в лирике Баевского связана, во-первых, с введением документальных свидетельств. Их функцию выполняют упоминания реальных исторических событий, явлений общественной и культурной жизни страны, реальных людей, в первую очередь из сфер науки и литературы, а также посвящения и точные и подробные датировки текстов.

Во-вторых, большинство стихотворений перекликаются с прозой Баевского (в частности, иногда в прозе содержится история возникновения стихотворения). В ряде случаев прозу и стихи объединяют общие темы, мотивы, образы, порой целые сюжеты, что позволяет рассматривать стихи как еще один способ изложения прозаического сюжета. В отличие от передачи сюжета или проблемы в прозе, в стихах этот рассказ приобретает обобщенное, универсальное звучание, зачастую благодаря литературным подтекстам и стилизациям.

В-третьих, прозу и стихи объединяет автобиографический образ, основные этапы судьбы которого можно проследить как в лирике, так и в прозе.

Так документальность и автобиографичность становятся главными составляющими не только прозы Баевского, но и его поэзии.

1.5. Мемуарные очерки из частей «Поэты» и «Филологи»

Особое место в художественно-документальной литературе занимают мемуарные очерки, в основе которых «рассказ о примечательной, с точки зрения мемуариста, человеческой личности» [Симонова, 2002. С. 44]. В жанровой природе очерка, ориентируясь на работу Л. Е. Кройчик, выделяется «синкретическое соединение трех начал – социологического (научного), публицистического и художественного» [Кройчик, 2000. С. 162].

Опираясь на это положение, вслед за Т. В. Матвеевой под очерком мы понимаем «жанр, в котором соединяется документализм (опора на реальные жизненные факты), аналитизм (исследовательское начало) и художественная форма текста» [Матвеева, 2003. С. 214–215]. При этом наличие портретных характеристик, а также психологический анализ описываемой личности позволяют говорить о том, что некоторые очерки Баевского приближаются к целостному литературному портрету, другие же слишком фрагментарны, чтобы таковыми стать.

У истоков литературного портрета стоял французский критик Ш. О. Сент-Бев. Он писал, что образ портретируемого должен быть многогранным и живым. Для этого автор должен «проникнуть в его [портретируемого] душу, освоиться с ним, показать его нам с самых разных сторон, заставить этого человека двигаться, говорить» [Сен-Бев, 1970. С. 47], поймать «чистое, свежее, наиболее непосредственное и непредвзятое впечатление [*пер. наш. – Ю. Б.*]» [Sainte-Beuve, 1832. P. 98]. Еще Н. Г. Чернышевский писал, что портрет создается, чтобы «помочь нашему воспоминанию о живом человеке... и дать о нем понятие тем людям, которые не имели случая его видеть» [Чернышевский, 1972. С. 100]. Таким образом, благодаря литературному портрету происходит отражение в тексте образа реального исторического человека, основных событий его

биографии. В. С. Барахов отмечает, что «реальный образ исторического лица, портрет, становится <...> неотъемлемой принадлежностью эстетического познания исторической действительности» [Барахов, 1985. С. 4]. Д. С. Прокофьев указывал, что ведущая роль литературного портрета сохраняется «в осмыслении природы взаимодействия неповторимой личности писателя и современной ему эпохи» [Прокофьев, 2003. С. 19]. Под литературным портретом, на основании исследования В. С. Барахова, мы понимаем «художественную целостную характеристику конкретного реального человека в форме мемуарного очерка, создающего представление о его индивидуально-неповторимом, живом облике, о его характере» [Там же. С. 49].

При этом цель литературного портрета не только в описании наружности героя. Так, В. Е. Хализев акцентирует внимание на целостном облике человека, что сформирован «социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой» [Хализев, 2004. С. 204], в нем также возможно зафиксировать «характерные для персонажа телодвижения и позы, жесты и мимику, выражения лица и глаз» [Там же]. Об этих же критериях пишет А. Б. Есин [Есин, 2000]. В свою очередь, Хализев отмечает, что для литературного портрета важно сосредоточить внимание на плане выражения, а не описания, то есть поставить акцент на том, «что выражают фигуры или лица, какое впечатление они оставляют, какие чувства и мысли вызывают» [Хализев, 2004. С. 206]. Мы также отмечаем наличие сведений «о творческих замыслах и фактах биографии» [Баранов, 1982. С. 170], благодаря которым характеризуется «своеобразие мировосприятия и творческой манеры художника» [Там же]. М. И. Андронникова указывает, что благодаря обращению к литературному портрету возможно воспроизведение «среды реального конкретного человека, его фона, его индивидуально-неповторимых связей с окружающим миром» [Андронникова, 1974. С. 167]. Н. А. Гуляев отмечает, что литературный портрет дает представление о «картине нравов, политической, экономической, социальной жизни на определенном этапе исторического развития» [Гуляев, 1985. С. 139–140].

Литературные портреты реальных личностей представлены в двух частях «Романа одной жизни» – «Поэты» (целостные литературные портреты Б. Л. Пастернака, Е. Л. Ланна, Д. С. Самойлова, Н. И. и Е. А. Рыленковых, Д. Н. Журавлева; фрагментарные портреты – И. Т. Твардовского, К. Н. Бугаевой, Н. Н. Грин, М. С. Волошиной) и «Филологи» (литературные портреты Ю. М. Лотмана, Б. Я. Бухштаба, Л. Я. Гинзбург, С. А. Рейсера, А. В. Македонова, М. Л. Гаспарова). Часть «Филологи» посвящена ученым, чьи эстетические и научные идеи Баевский разделял или они были близки его научной деятельности. Часть «Поэты» раскрывает отношения ученого с представителями литературной среды эпохи, его вклад в изучение творческого наследия упомянутых авторов. При этом Баевский признается, что у него «возникает какое-то чувство удовлетворения: еще несколько рыхлых фрагментов прошлого удалось структурировать. Мемуарист свой долг вроде бы исполнил» [Баевский, 2007. С. 320].

Люди, о которых пишет Баевский, интересуют его не только как яркие представители науки и литературы, но и, в первую очередь, как исключительные творческие дарования, в судьбе которых отразилась история страны, науки и литературы. Вслед за С. Н. Колосовой выделим особенности, свойственные литературному портрету: «документальность, стремление к точному, достоверному воспроизведению избранного объекта, на которое накладывается личное восприятие автора» [Колосова, 2012. С. 4]. Убедительное портретное сходство (она же достоверность – «неотъемлемая принадлежность жанра» [Барахов, 1985. С. 12]) «достигается тогда, когда писателю довелось не только видеть конкретного человека, но и встречаться с ним, наблюдать в разной обстановке, говорить “с глазу на глаз”» [Там же. С. 51]. При этом отметим, что цель написания литературного портрета у Баевского, на наш взгляд, созвучна той, что выразил Барахов: «используя свои личные наблюдения и впечатления, раскрыть единство изображаемой им личности, запечатлеть соответствие, гармонию внешнего и внутреннего в человеке» [Там же. С. 33].

Как мы уже отмечали, за достоверность в прозе Баевского отвечают записи из дневников и писем: «...я ничего не восстанавливаю по памяти: ошибки, домыслы были бы неизбежны. Все факты и разговоры, которые здесь приводятся, зафиксированы в тот же день, обычно вечером, перед сном, за достоверность их воспроизведения я ручаюсь» [Баевский, 2007. С. 238]. Помимо этого, Баевский упоминает сохраненные «программки концертов, дневниковые записи, заметки, набросанные по горячим следам встреч и разговоров» [Там же. С. 320]. В литературных портретах Баевского нельзя обнаружить фактические или смысловые искажения, он, как ученый, добросовестно относится к факту, опираясь на архивные записи, а не слепо доверяя памяти.

Ориентация на достоверность также проявляется в фиксации деталей:

- годы знакомства (с указанием места, обстоятельств): «Я был близко знаком с Евгением Львовичем на протяжении последних десяти лет жизни: с 1948 по 1958 г.» [Там же. С. 227];
- количество писем: «Сейчас я их письма [Д. Н. Журавлева, В. П. Журавлевой. – Ю. Б.] перечитал и пересчитал. Оказалось 43 письма, некоторые длинные, на 4–6–8 страницах» [Там же. С. 317];
- количество дневниковых записей: «Я пересмотрел мой дневник. В нем 57 записей, посвященных Н. И. и Е. А. [Рыленковым. – Ю. Б.]» [Там же. С. 292];
- количество трудов, подаренных портретируемому: «У меня на стеллаже и в книжных шкафах стоят 35 книг М. Л. [Гаспарова. – Ю. Б.] с его дарственными надписями» [Там же. С. 468].

Таким образом, упомянутая фиксация деталей, проявляющаяся как ориентация на достоверность, становится фундаментом литературных портретов, созданных Баевским.

Обратимся к заглавиям литературных портретов, предложенным Баевским. Считается, что «традиционно характерной жанровой чертой литературного портрета» [Затеева, 2016. С. 51] является «вынесение имени героя статьи в ее заглавие» [Там же]. Еще одна концепция заглавий сформулирована

И. Р. Гальпериным. По его мнению, заголовок – «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин, 1981. С. 133]. Баевский в романе комбинирует две концепции, и заглавия очерков можно представить в соответствии со следующими формулами:

- «инициал»: «Николай Иванович и Евгения Антоновна. Рыленковы», «Рейсер»;
- «метафора + инициал»: «В нем каждый вершок был поэт. Давид Самойлов», «Рихтер поэзии. Д. Н. Журавлев», «Стоик. Л. Я. Гинзбург», «Смоленский Сократ. А. В. Македонов»;
- «узнаваемая формула на иностранном языке (идиома, цитата) + инициал»: «Elan vital. Ю. М. Лотман» (первая часть – термин из философии Бергсона).
- «событие (лично Баевского) + инициал»: «Встречи с Пастернаком», «Несостоявшаяся дружба. И. Т. Твардовский», «Из крымских впечатлений. Н. Н. Грин, М. С. Волошина»;
- «экзистенциальное событие + инициал»: «Жизнь и смерть Евгения Ланна». «Сорок лет. М. Л. Гаспаров»;
- «труд + инициал»: «Антропософия. К. Н. Бугаева»;
- «цитата + инициал»: «Я не был лишним. Б. Я. Бухштаб»;
- «событие (лично Баевского) + метафора + место»: «Из летних впечатлений 1997 года. Русское чудо в Париже. Дом поэта в Андерлехте». В этом заглавии к литературному портрету не отражен инициал описываемой личности.

Таким образом, предложенные Баевским заголовочные формулы не являются стандартизованными. Они указывают на языковое богатство автора, а также его желание сделать заголовок не клишированным, а выражающим отношение писателя к описываемой личности. Обращения к метафорическим формам обозначают авторские интенции, а также выражают непосредственное

отношение Баевского к своим героям. Документальный и биографический материал, составляющий основу литературного портрета, нуждается в особых способах его художественной обработки, поэтому на основе предложенных Баевским портретов мы провели анализ структурных элементов жанра.

Мы разделяем точку зрения А. В. Громовой на то, что литературный портрет строится на «чередовании сценок, зарисовок, диалогов и авторских разъяснений, обобщений и отступлений» [Громова, 2008. С. 108]. В структуре литературных портретов Баевского мы отметили наличие обязательных и факультативных (в некоторых литературных портретах) блоков (Таблица 1.12).

Таблица 1.12 – Структурные блоки литературного портрета

Обязательные структурные блоки	
Концепция личности	метафорическое изображение личности (открывает повествование, вплетается в повествование, завершает повествование); биография (рассказана Баевским, рассказана портретируемым); портрет; сфера интересов, труды; прием сравнения с другой личностью
Опора на личный архив Баевского	история знакомства (время дружбы) с портретируемым; взаимоотношения с портретируемым; письма (от адресата; об адресате); дневниковые записи; элементы автобиографии; table-talk
Элементы научного исследования	филологический анализ какой-то работы портретируемого; сообщение о спорах и дискуссиях, возникших на почве несовпадения научной позиции портретируемого и портретиста; упоминание о планирующейся совместной работе
Представление эпохи и науки без купюр цензуры	
Факультативные структурные блоки	
Отступления на разные темы	
Интерьер как часть образа писателя / ученого (если появляется, то входит в структурный блок концепции личности);	
Апелляция к источникам не из личного архива Баевского (цитаты из художественных произведений, отзывов и воспоминаний)	

Остановимся подробнее на выделенных блоках.

Объектом рассмотрения в литературном портрете выступает личность – современник Баевского. Знакомство с любой личностью невозможно без знания ее биографии. В качестве методов изложения биографии Баевский использует следующие: ссылка на рассказанные портретируемым факты биографии; синтез биографии и автобиографии.

Ссылка на рассказанные портретируемым факты биографии: «О прошлом своей семьи совсем немного рассказал мне Самойлов» [Баевский, 2007. С. 237]; «Н. Н. [Грин. – Ю. Б.] рассказала о себе, что окончила Бестужевские курсы. А после смерти Грина два года работала в Москве медсестрой и сдала фельдшерский экзамен» [Там же. С. 325]

Синтез биографии и автобиографии: «А. В. [Македонов. – Ю. Б.] родился в Смоленске 22 мая 1909 г. Его отец Адриан Эмильевич Флесс оставил его мать вскоре после рождения сына, так что родного отца А. В. не знал» [Там же. С. 432]; «Однажды А. В. написал мне, а при встрече вспомнил в беседе о своей бабушке со стороны матери <...> Жена А. В. отвезла ее в деревню в Русилово под Смоленском и “оставила там ценные вещи у местной женщины, которая обещала о ней заботиться и сохранить мою диссертацию об эстетике Белинского; диссертация была закопана в землю” (письмо А. В. ко мне от 09.07.88)» [Там же]. В этом случае свою биографию портретируемые излагают посредством представления деталей жизни и быта в переписке с Баевским: «Однажды в ходе обсуждения важного для него дела я предложил А. В. [Македонову. – Ю. Б.] обратиться в Московский педагогический институт им. Ленина и получил неожиданный ответ. “Кстати сказать, – с этим институтом у меня связаны сложные воспоминания, ради которых я немножко отвлекаюсь от деловых целей этого письма. В конце мая или в июне 1937 года в нем была назначена защита моей кандидатской диссертации”» [Там же. С. 435].

Стоит отметить, что зачастую Баевский не ставит перед собой цель подробно представить биографию портретируемого. Он бегло упоминает элементы биографии: «Я каждую минуту помнил, какая судьба у него

[И. Т. Твардовского. – Ю. Б.] за плечами: “раскулаченный спецпереселенец”, во время войны военнопленный, потом советские тюрьмы и пять лет четыре месяца двадцать дней ГУЛАГа» [Там же. С. 308].

В целом для литературных портретов Баевского характерно исключение необходимых, на первый взгляд, биографических данных. Так, в очерках нет сведений о рождении, детских годах жизни героя либо они сведены к минимуму. При этом Баевский упоминает судьбоносные для героя события, указывает его семейное положение, обстоятельства смерти и порой описывает реакцию на это событие общественности или свою собственную: «В “Литературной газете” сначала появилось извещение о смерти А. В. [Кривцовой. – Ю. Б.], она умерла 29 сентября, а в следующем номере – о смерти Ланна. На всякий случай следует напомнить, что доступной междугородной телефонной связи тогда не было. Прочитав о смерти А. В., я тотчас отправил Ланну письмо. Вскоре оно вернулось с наклейкой почты: “Адресат умер”» [Там же. С. 234].

Баевский выстраивает образ предмета своего изображения, описывая его облик: внешность, жесты, манеру говорить.

Внешность: «прекрасно сложенный человек с большими руками, с высоким лбом, глубоко сидящими голубыми глазами и хорошо развитой нижней челюстью» [Там же. С. 313]; «Его [Ланна. – Ю. Б.] внешность сильно действовала на воображение. <...> Рост его был средний, к тому же, когда я его знал, он сутулился. В пятьдесят лет он был, как в молодости, худощав, даже почти неестественно худ, носил такую же, как в молодости, причёску – рассыпавшиеся на две стороны густые волосы, прикрывавшие уши. Крупный нос с горбинкой, глубоко сидевшие живые глаза дополняли его облик» [Там же. С. 227].

Жесты: «сдержанная в жестах [о Рыленковой. – Ю. Б.]» [Там же. С. 290].

Манера говорить: «говорил Журавлёв по-актёрски темпераментно, в письменной передаче на его манеру речи можно только намекнуть» [Там же. С. 316].

Все описанные Баевским особенности внешности портретируемых дают наглядное представление об их физиогномике.

Особое внимание уделяется человеческим качествам, чертам характера. Баевский выделяет «высокие нравственные ориентиры» [Там же. С. 340] Лотмана, мужественность и «истинное природное благородство» [Там же. С. 308] И. Т. Твардовского, мужество Б. Я. Бухштаба, который «перед лицом болезни, боли, смерти держался как рыцарь без страха и упрека» [Там же. С. 388]; скромность, доброту, чувство юмора Д. С. Самойлова, который при всем при том не был оптимистом, «он скорбел о разброде и грызне в литературной среде» [Там же. С. 271]. Стоит отметить, что Самойлов очень часто напоминал Баевскому ребёнка – «беззащитностью, ранимостью, незлобивостью, доверчивостью» [Там же. С. 289]. Говоря о Пастернаке, Баевский подразумевает его доброту и участливость: «от него зависело благополучие по крайней мере десяти близких людей <...> он помогал многим другим нуждавшимся, прежде всего жертвам сталинских репрессий и их семьям» [Там же. С. 224]. У Ланна Баевский также отмечал участливость: «Он тайком помогал репрессированным и семьям репрессированных, в том числе сестре и дочери Цветаевой» [Там же. С. 232].

На наш взгляд, по выделению этих качеств, которые Баевский считает достоинствами личности, можно судить о его личной ценностной картине мира, человека (мужество, благородство, скромность, доброта, участливость).

Стоит отметить, что Баевский открыто говорит о недостатках своих героев, показывая тем самым, что не утаивает ничего от читателя. Так, например, писатель упоминает пристрастие Самойлова к алкоголю: «Нелегкие проблемы С. сублимировались в питии» [Там же. С. 260].

Но при этом нужно признать, что некоторые персонажи Баевского не лишены идеализации, благодаря используемой Баевским метафоре они обретают почти мифологические черты: «учреждение под названием Бухштаб» [Там же. С. 373], «смоленский Сократ [*о Македонове. – Ю. Б.*]» [Там же. С. 463], «Лотман единственен. Это чудо. Это великий дар, полученный нами. <...> Он один из героев науки» [Там же. С. 337]. Метафорическое изображение призвано подчеркнуть восхищение автора личностью портретируемого и стремление придать образу черты монументальности.

В нескольких портретах Баевский характеризует личность и творчество портретируемого в афористичной манере, что придает портретам особую выразительность: «Мне хочется тут по-новому осмыслить старое выражение *some il faut*. Б. Я. [*Бухштаб. – Ю. Б.*] был человек *some il faut* в этом новом смысле» [Там же. С. 388]. Афоризмы ученого придают портретам особую выразительность. Говоря о своем персонаже, Баевский порой прибегает к приему сравнения с другой личностью: «Лев Толстой говорил, что человек подобен дроби, у которой числитель – то, что человек собою представляет в действительности, а знаменатель – то, что он о себе думает. Б. Я. [*Бухштаб. – Ю. Б.*] был большой человек, потому что числитель его был велик, а знаменатель необыкновенно мал» [Там же. С. 392].

Из многообразных выделенных Баевским качеств в каждом литературном портрете есть основное, связывающее портретиста и портретируемого – умение дружить. «Он [*Бухштаб. – Ю. Б.*] строил дружбу только на основе полного равенства, а чувство благодарности, которое он испытывал при малейшем проявлении дружеского участия, было несоразмерно велико» [Там же. С. 389]. Мотив дружбы подтверждается не только личными воспоминаниями, но и цитатами из писем, что показывают отношение портретируемого к автору портрета: «Я [*Рейсер. – Ю. Б.*] хочу сказать Вам, что я благодарен судьбе, которая дала мне знакомство и дружбу с Вами: я не сомневаюсь в ее полноценной искренности и, так сказать, чистоте. Я очень ценю Ваши человеческие качества и Вашу исключительную и разнообразную одаренность. И говорить с Вами, и читать Вас – настоящая радость. Пусть же она продлится как можно дольше» [Там же. С. 411]. При этом Баевский всегда скромно уточняет: «Мой друг многократно преувеличивал мои достоинства» [Там же. С. 411].

Баевский старается представить портретируемого объективно. В частности, для этого он обращается к цитированию. Так, для придания объективности образу Ланна Баевский цитирует письма М. И. Цветаевой и отзыв М. А. Волошина. Поэтому можно говорить о том, что воспоминания других лиц не только являются элементом сюжета, но и придают тексту множественность точек зрения,

указывают на его документальную точность, объективность в изображении портретируемого.

Литературные портреты, созданные Баевским, в качестве обязательных структурных элементов содержат характеристику и оценку наследия портретируемого. Так, среди исследований Б. Я. Бухштаба Баевский выделяет работу о Б. Л. Пастернаке: «В 23–24 года он выполнил работу о Пастернаке, которую без преувеличения следует назвать блестящей. Она нимало не устарела за полвека. Язык, стих, образная система и тематика поэта показаны здесь в движении и развитии» [Там же. С. 378].

При этом порой Баевский отходит от предмета изображения и оставляет художественное описание личности человека, погружаясь в научное исследование его творчества. Так, в литературном портрете Самойлова автор подвергает анализу стихотворение, написанное поэтом: «Не могу удержаться от желания обратить внимание читателя на рифму “ЧУМАКОВА: Чуда ТАКОГО”. По терминологии Ф. де Соссюра, сочетание чуда такого – это манекен слова Чумакова. (Если бы на месте Чумакова оказался Чудаков, рифма была бы поглощающей: в сочетании чуда такого фамилия Чудакова содержится всеми составляющими её звуками)» [Там же. С. 278].

Баевский и сам нуждался в критике своих работ. Так, в «Романе...» указано, что Баевский отправил Самойлову пьесу: «Получил от него два больших письма. Письма были деликатные, но он не оставил сомнения в том, что считает пьесу посредственной» [Там же. С. 266]. Также Баевский упоминает о совместном творчестве. В литературном портрете Македонова он рассказывает о том, как у них планировалась совместная работа, на которую Македонов «соблазнил» Баевского: Македонову «отводилась роль капитана» [Там же. С. 458], а его коллеге – «юнги» [Там же. С. 458].

Баевский вступает в споры со своими портретируемыми, нередко на страницах «Романа...» он приводит развернутые примеры дискуссий, анализирует чужие произведения с точки зрения филологии, культурологии, дает общую характеристику и оценку их творчества, честно признаваясь: «Я не становлюсь в

позу судьи, точно знающего меру правоты <...> Я просто высказываю свое мнение» [Там же. С. 451]. В качестве примера приведем эпизод дискуссии Баевского с Македоновым: «Однажды в Петербурге мы с ним сцепились в длинном споре о художественном образе. Он настаивал на том, что в художественном произведении все – образ, все – отображение личности автора и стоящей за нею объективной реальности. Но ведь образ не может быть только отвлеченным, в нем непременно должен присутствовать момент чувственного восприятия, поинтересовался я. А. В. подтвердил это азбучное положение» [Там же. С. 449].

Вместе с тем Баевский отмечает научные заблуждения своего героя, то, с чем сам автор как ученый согласиться не может. При этом литературовед всегда пытается объяснить их: «Однажды он [*Лотман. – Ю. Б.*] присутствовал на моем докладе о движении времени в “Евгении Онегине”. При обсуждении он задал мне вопрос: что делал Онегин в течение трех лет, которые прошли между его отъездом из деревни после дуэли с Ленским и появлением на балу в Петербурге? <...> он стремился <...> заполнить пустоты, оставленные автором. Я ответил, что в романе нет указаний на то, что прошло именно три года, и что говорить о том, чего не сказал Пушкин, не имеет смысла <...> Оказалось, он считал, что в течение трех лет между дуэлью с Ленским и появлением в Петербурге Онегин предводительствовал на Волге шайкой разбойников. Я онемел от изумления. А Ю. М. привел некоторые косвенные аргументы <...> Это предположение Ю. М., при всей его яркости, принять трудно» [Там же. С. 341–342]. Поэтому для Баевского рассмотрение портретируемого и его творческого или научного наследия представляется важным с позиции не только читателя, но и ученого.

Таким образом, Баевский стремится уловить и выделить главное в творческой личности портретируемого, то есть в центре концепции личности лежит представление о нем как о человеке и как о творце (писателе, ученом, общественном или культурном деятеле). Получается некий образ человека-творца, имя которого никогда не будет забыто: «М. Л. [*Гаспаров. – Ю. Б.*] умер после долгой мучительной болезни в реанимации, без сознания, в три часа дня

7 ноября 2005 г. А можно сказать иначе: в три часа дня 7 ноября 2005 г. для М. Л. Гаспарова началось бессмертие» [Там же. С. 483]; «...когда я думаю о Ю. М. [Лотмане. – Ю. Б.], <...> мне снова и снова приходит на ум одно из основных понятий философии Бергсона – élan. То есть единый могучий прекрасный жизненный порыв, élan vital» [Там же. С. 346].

С творчеством портретируемого связан факультативный структурный блок «интерьер как часть образа писателя / ученого». Порой Баевский описывает кабинет, в котором трудится портретируемый (особое внимание филолог уделяет библиотеке), или представляет условия его жизни: «На этот раз я побывал в кабинете [Пастернака. – Ю. Б.], который занимает почти весь второй этаж. Большая двусветная комната, словно бы образованная из двух, с аркой посередине: не то несущая конструкция, не то след перегородки. Почти на середину выдвинут письменный стол. Совсем небольшая примитивная открытая книжная полка у стены» [Там же. С. 222].

Литературные портреты представляют собрание сплетенных между собой своеобразных житейских эпизодов, случаев, свидетелем и слушателем которых был филолог, поэтому можно говорить о том, что обязательным элементом структуры всех литературных портретов Баевского является table-talk. Как определяет сам ученый, «это забавные происшествия, свидетелем или участником которых был, о которых слышал от заслуживающих доверия людей» [Баевский, 2011]. Многие сюжеты из «Романа...» были в дальнейшем включены в отдельные публикации, о них подробнее будет сказано во второй главе диссертационного исследования. Один из ярких примеров table-talk, не повторяющийся в других текстах, – приглашение Л. Я. Гинзбург Баевского в гости: «...подходя к квартире, на лестнице, я почувствовал запах горелого. Я слегка обеспокоился и поскорее позвонил. Когда Л. Я. отворила мне дверь, в квартире возле ламп плавал дым. Чтобы угостить меня салатом, Л. Я. варила два яйца, зачиталась, забыла о них, вода выкипела, кастрюля испортилась, а яйца взорвались. Осколки их разлетелись по всей кухне. Там, куда они упали, они прожгли дерево, пластмассу, материю. Я никогда не думал, что обыкновенные

куриные яйца столь взрывоопасны и могут наделать так много беды. Мой визит начался с того, что я решительно взял тряпку, смахнул осколки с подоконника и кухонной мебели, потом взял веник и совок и подмел пол» [Баевский, 2007. С. 399].

Стоит заметить, что в отборе и характеристике черт героя портрета ярко проявляется личность самого Баевского, его умение вглядываться и подмечать детали. Так, например, Баевский выделил пять основных компонентов научного мышления Лотмана (исторический подход; синхронный структурно-семиотический анализ; метод интуитивного угадывания; путь художественного вживания в эпоху и ее деятелей; нравственный императив [Там же. С. 341]). Отметим, что хотя личность Баевского и отодвигается на задний план, но отчетливо выявляются факты и его биографии. Баевский рассказывает, что при организации защиты Гаспарова пригодилась рецензия Баевского (на «Современный русский стих»), а потом продолжает: «Меня и позже, при выдвижении его на какие-то премии и в Академию наук, просили написать характеристику его научной деятельности в области теории стиха; я несколько раз делал это с большой радостью» [Там же. С. 466].

Особенность литературного портрета – в однопersonажности. В нем, по сути, нет иных персонажей, кроме протагониста. Нередко на страницах «Романа...» при разговоре о портретируемом возникают имена и других представителей искусства, но они не представлены как персонажи со своим внутренним миром. Они образуют фон, на котором четко выступает личность героя портрета. Например: «Журавлев дружил с Антоном Шварцем, так они иногда, помогая друг другу, ночи напролёт просиживали над текстами, которые кто-то из них готовил» [Там же. С. 315]. Исторические личности в литературном портрете существуют на уровне деталей, благодаря наличию которых складывается образ портретируемого. Например: «Твардовский был в числе тех, кого Сталин решил сохранить и даже поощрить, и это на некоторое время подействовало на Твардовского. Как поэта его спас народный порыв в борьбе с фашизмом. Ответ – “Василий Теркин”» [Там же. С. 437]. Их функция заключается

в создании культурно-исторического фона, на котором фигурирует главный герой.

Важной особенностью повествования в литературных портретах, созданных Баевским, оказывается наличие нескольких контекстов – судьбы, творчества, времени. Помимо обращения к прошлому и описанию настоящего, Баевский намечает то, что хотел бы увидеть в будущем. Так, говоря о Лотмане, Баевский пишет, что Лотман – «один из тех ученых, которым ставят памятники. Перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Только вот когда? Только вот что на нем напишут?» [Там же. С. 337]. Отметим, что 6 октября 2007 года рядом с научной библиотекой Тартуского университета открыли памятник профессору. Он выполнен из пяти стальных труб в виде объемной версии автопортрета Лотмана. Также Баевский размышляет о Бухштабе: «Когда-нибудь скажут и напишут о Б. Я. и круге его друзей больше, чем я. Думаю, что определяющим при оценке их этики должно быть понятие надежности» [Там же. С. 388].

Все фигуры, описываемые Баевским, представлены на фоне исторической эпохи. При этом ученый не претендует на панорамность и эпичность изображаемого. События пропускаются через личное восприятие Баевского: «Не следует думать, что оттепель была безоблачным временем: в 1956 г. было раздавлено танками, потоплено в крови венгерское восстание; в 1958–60-м на глазах всего мира расправились с Пастернаком, до смерти затравили великого поэта. Такова была эта оттепель, таков был этот просвет» [Там же. С. 293]. Некоторые факты истории упоминаются в связи с их влиянием на жизнь портретируемого: «С. [Самойлов. – Ю. Б.] отлично знал цену нашему КГБ, понимал, как следило за нами всеми его недрёманное око» [Там же. С. 289].

Серия литературных портретов позволила ученому показать связь человека и эпохи. Баевскому было важно подчеркнуть отношение к своим портретируемым литературной и научной общественности, которая тоже изображается без купюр цензуры: «...31 марта 2000 года в наших замечательных “Известиях” появляется статья, которая забрасывает комьями грязи дело Лотмана и его имя <...> Не так

много у нас сейчас великих людей, великих ученых, признанных всем миром. Не так много безусловных достижений. Но когда кто-то или что-то появляется, мы тут же спешим его опорочить. Воистину знак беды <...> Грустно. Грустно за нас, не за Лотмана. Мертвым не больно» [Там же. С. 371].

Таким образом, проанализировав мемуарные очерки из частей «Филологи» и «Поэты» «Романа одной жизни», можно говорить о форме литературного портрета – целостного и фрагментарного. В упомянутых частях романа Баевский создает собственную концепцию характера каждой из личностей. В отдельных портретах больше внимания уделено фактам биографии (А. В. Македонов, Д. С. Самойлов), в других акцент делается на качествах характера портретируемого (Б. Я. Бухштаб, Е. Л. Ланн), а также эстетических взглядах и основных трудах (М. Л. Гаспаров, Ю. М. Лотман).

Бесспорно, очерк складывается из следующих составляющих: описания героя через его поступки (личностные качества), индивидуальные психологические особенности (характер), взаимоотношения с другими людьми, включая взаимоотношения с Баевским (социально-нравственный параметр), а также представления научного или творческого наследия (интеллектуальный параметр). Писатель демонстрирует личность с разных сторон (нравственной и психологической, интеллектуальной, социальной), что позволяет ему составить полноценный образ портретируемого, а также передать свой взгляд на описываемую личность.

При этом повествование, которое ведет Баевский, не монологично. Автор использует свои многочисленные архивные записи (дневники, письма от адресатов), цитирование. Комментарии Баевского, его отступления и научный анализ, а также элементы его биографии уместно вплетаются в повествование, тем самым расширяя представление о предмете разговора. Помимо представления личности, Баевский восстанавливает важнейшие события прожитой эпохи, демонстрирует политическую, общественную и культурную обстановку России XX – начала XXI века. Данное обстоятельство позволяет филологу показать

портретируемого не только как представителя, но и как значимую фигуру научной и культурной составляющей жизни страны.

Выводы по первой главе

Мемуарно-автобиографический «Роман одной жизни» В. С. Баевского совмещает документальное и художественное начала. Документальная составляющая в «Романе...» связана, во-первых, с введением реальных свидетельств. Баевский обращается к историческим событиям (Вторая мировая война, перестройка), явлениям культурной жизни страны (Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», деятельности А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко), реальным людям, в большинстве случаев – представителям из сфер науки (Б. Я. Бухштаб, А. В. Македонов, М. Л. Гаспаров, Ю. М. Лотман) и литературы (Б. Л. Пастернак, А. С. Пушкин, Д. С. Самойлов, А. Т. Твардовский), используя архивные материалы (дневники и письма).

Во-вторых, роман создается на основе биографической достоверности, воссоздания собственной истории жизни (Великая Отечественная война глазами ребенка, трудности жизни в эвакуации, послевоенная действительность). Автобиографические компоненты позволяют Баевскому придать «Роману...» индивидуальность конкретного свидетельства о жизни. При этом писатель показывает и осмысливает трагические события не только своей жизни (арест отца и последовавший за этим развод родителей, голод и нищета после войны), но и жизни целого поколения людей эпохи. Ярче всего они представлены на примере судьбы русской литературы (в первую очередь в лицах Б. Л. Пастернака, Д. С. Самойлова) и литературоведения (где выделяются М. Л. Гаспаров, А. В. Македонов, Ю. М. Лотман). В «Романе...» посредством мемуарных очерков, написанных в форме литературных портретов, Баевский создает образы поэтов и филологов, с которыми был знаком, оценивает их научное наследие. Комментарии Баевского и его размышления на разные темы, элементы

его биографии уместно вплетаются в повествование, расширяя представление о портретируемом.

В-третьих, основу «Романа...» составляют два времени – биографическое и историческое. Первое время демонстрирует уже упомянутые этапы жизни рассказчика и его семьи. Второе время отражается в событиях, влекущих за собой изменения в обществе, культуре и науке, – смена эпох как в мире, так и в стране (выделяются Советский Союз и Российская Федерация).

В-четвертых, одной из форм реализации документального повествования, создающего правдоподобный культурно-исторический фон, является обращение к реалиям нескольких типов. Самыми частотными являются географические реалии, демонстрирующие масштаб описываемых событий. Среди них – названия стран (СССР, Эстония, Америка), городов (Киев, Харьков, Донбасс, Смоленск, Санкт-Петербург, Тарту, Нью-Йорк), внутригородских объектов (частотны упоминания улиц, скверов и площадей). Благодаря реалиям системы образования, религии и культуры воссоздается культурный и социальный фон. В «Романе...» преобладают названия высших учебных заведений как оплота, где творится наука (Тартуский университет), внутригородских объектов, представленных преимущественно памятниками и музеями (дома-музеи писателей), а также названия, относящиеся к сфере искусства и литературы. Реалии государственного строя и общественной жизни, выраженные советизмами, отражают реалии исторического, культурного развития советского периода. Самый большой тип реалий – ономастические – представлен именами реальных людей и литературных персонажей. Особое значение Баевский придает именам из сферы науки, с преобладанием гуманитарного направления (Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотман, А. В. Македонов, С. А. Рейсер, П. А. Руднев), литературы (главным образом отечественные писатели: А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, А. С. Пушкин, Д. С. Самойлов, А. Т. Твардовский), именам литературных персонажей (в первую очередь русской классики: Евгений Онегин, Юрий Живаго), именам активных деятелей и участников общественной жизни (как правило, советского периода).

Наличие мемуарно-автобиографической основы «Романа...» не умаляет художественную составляющую. Повествование в «Романе...» носит лирический характер: история рассказана автобиографическим нарратором, повествователь – конкретный автор со своим мировоззрением, чувства, пережитые им, лишены вымысла.

Художественность «Романа...» проявляется как на уровне композиции, так и на языковом уровне. Во-первых, элементами художественного текста, организующими внешнюю композицию, являются эпиграфы и цитаты из Библии, русской и зарубежной литературы. Все это демонстрирует интертекстуальные связи романа. Во-вторых, в «Романе одной жизни» представлен автобиографический нарратор, объединяющий автора, повествователя и автобиографического героя. В-третьих, особенность «Романа...» в том, что писатель в качестве отдельной главы включил свои стихи. Зачастую прозу и стихи объединяют общие темы, образы, эпизоды, тем самым стихи становятся одним из способов изложения прозаического сюжета. Оно благодаря наличию литературных подтекстов или стилизаций приобретает обобщенное звучание.

ГЛАВА II. TABLE-TALK, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ЭПИСТОЛЯРИЙ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННО- ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2.1. Table-talk: классификация и особенности структуры

Согласно литературной энциклопедии терминов и понятий, застольная беседа (table-talk) – «жанровая форма исторических анекдотов, мимоходом брошенных замечаний, мнений, высказанных в компании во время застолья и принадлежащих, как правило, писателям, философам или государственным деятелям» [Литературная энциклопедия, 2001. С. 276].

Говорить о существовании table-talk в литературе можно начиная с древнегреческих и древнеримских работ, в основе которых – беседы и диалоги: «Пирующие софисты» Афиней и «Застольные беседы» Плутарха. Образцом средневековой занимательной прозы является «Книга занимательных историй» сирийского писателя Абуль-Фараджа, в которой собраны «забавные истории, изречения, афоризмы» [Пигулевская, 1961. С. 5]. Позднее появились такие публикации, как «Застольные беседы» М. Лютера и «Застольные беседы Гитлера», опубликованные Г. Пиккером, а также книга «The Table-Talk of John Selden»²², подготовленная Е. Арбером. На почве русской литературы table-talk впервые был обнаружен у А. С. Пушкина: это заметки об управлении государством, о нравах, форме арабских и римских цифр, о писателях (У. Шекспир, И. Гете, Дж. Г. Байрон). Его теоретическое осмысление было начато Я. Л. Левкович в статье «“Table-talk” А. С. Пушкина» [Левкович, 1987]. При этом в дальнейшем table-talk подробно не рассматривался, поэтому в современном литературоведении не сформировано его жанровое определение: table-talk может быть представлен как сборник исторических анекдотов, бесед, даже часть дневника писателя. Подобное разнообразие, как отмечает Левкович, доказывает,

²² Представляет собой сборник замечаний Селдена, касающихся трех основных для него вопросов – политика, бизнес и религия.

что застольные беседы – «жанр открытый, не связывающий автора стилевыми или сюжетными рамками» [Левкович, 1987. С. 77].

По замечанию Баевского, большую часть table-talk Пушкина составляют исторические анекдоты. Левкович также выделяет исторический, а еще бытовой анекдоты, анекдоты из современной жизни, отмечая «стремление проникнуть в обыденную жизнь <...> и через нее показать исторические факты» [Там же. С. 71]. Под анекдотом, в соответствии с обозначением анекдота пушкинского времени, мы подразумеваем «короткие забавные рассказы об исторических лицах и событиях, не опубликованные или затерявшиеся в мемуарах и исторических трудах, сохраненные памятью свидетелей» [Баевский, 2011]. В частности, Пушкин использует записи из дневника и впечатления от бесед с друзьями, составляющие эпизоды биографии самого поэта и людей, которые были в его окружении, этой же методики при составлении table-talk придерживается Баевский.

Впоследствии к жанру table-talk обращался ряд отечественных писателей. Г. Адамович в аннотации к статье «Table talk» отмечает, что при чтении Пушкина ему в голову пришла «мысль последовать его примеру и записать отдельные вспомнившиеся мелочи из нашего литературного житья-бытья» [Адамович, 2000. С. 446]. Адамович представляет зарисовки о писателях-современниках, описание бытовых жизненных ситуаций (порой нелепых). Если говорить о книгах современных, в которых так же, как у Баевского, есть table-talk, то упомянем работу, вызвавшую множество споров в филологической среде, «Анти-Ахматова» Т. Катаевой. В разделе «Table talk» автор собрала высказывания Ахматовой о людях своего круга, а также отразила их воспоминания о поэтессе. «Table talk» в книге «Напрасные совершенства и другие виньетки» филолога А. Жолковского раскрывают бытовую страницу жизни писателя и людей его круга: «Я действительно претендую не столько на протоколирование “фактов” (и тех намертво запомнившихся словечек, ради которых по большей части предпринимается рассказ), сколько на интересность собственного в них соучастия и их ретроспективного преподнесения» [Жолковский, 2015. С. 6]. Сборник

Б. Акунина «Нефритовые четки» с рассказом под заголовком «Table talk 1882 года» повествует об убийстве, совершенном внутри семьи. У Акунина это в прямом смысле застольный разговор: герой рассказа, Эраст Фандорин, раскрывает преступление, не выходя из-за чайного стола на светском рауте.

Table-talk занимает достойное место в прозе В. С. Баевского. Это результат творческой работы человека, складывающийся в сфере бытового общения, а затем уже оформленный в письменном виде. Многие сюжеты, очевидцем или участником которых был Баевский, были зафиксированы в его дневнике, а потом упоминались на страницах его произведений. Баевский так характеризует table-talk: «забавные происшествия, свидетелем или участником которых был, о которых слышал от заслуживающих доверия людей» [Баевский, 2011].

Table-talk Баевского представлен в ряде публикаций: в сборниках «Русская филология» (7 текстов в 10 томе, 8 – в 11 томе, 11 – в 12 томе, 6 – в 13 томе [Баевский, 2006; 2008; 2010; 2011]), в журнале «Знамя» (64 текста) [Баевский, 2011]; в журнале «Под часами» подборку «Жизнь спустя (маленькие рассказы)» [Баевский, 2013] дополняют тексты разной тематики под общим заголовком «Table-talk» (81 текст). Отметим, что table-talk в журнале «Под часами», изданный после смерти писателя, включает почти все ранее опубликованные истории (в подборке «Жизнь спустя...» нет одной истории из опубликованных в «Знамени»).

Цель table-talk заключается в том, чтобы через повседневную (частную) жизнь известных личностей показать скрытые факты истории (а вместе с ней науки, литературы, культуры). Table-talk сродни анекдоту, а значит, фольклорному жанру, то есть может передаваться из уст в уста, бытовать устно (откуда и название). Но поскольку он ближе к анекдоту историческому, то автоматически относится к художественной литературе. Поэтому table-talk находится между литературой художественной и фольклором. На наш взгляд, это обстоятельство позволяет считать table-talk промежуточным жанром²³,

²³ «В промежуточных, например автобиографических и биографических, жанрах в середине и второй половине XIX века порой особенно обнажено выступают принципы понимания человека и связь этих принципов с современными политическим, историческими, психологическими, этическими воззрениями» [Гинзбург, 1974. С. 8].

находящимся за рамками традиционной эстетики из-за взаимосвязи между художественной прозой, историей и наукой.

Как мы уже заметили, обширных исследований table-talk в отечественном и зарубежном литературоведении не предпринималось, поэтому и строгой классификации table-talk в науке не предложено. В связи с этим на примере вышеупомянутых работ В. С. Баевского мы предлагаем собственную классификацию table-talk (Рисунок 1), основанную на сюжетно-тематическом принципе, что позволяет выявить содержательный аспект анализируемых текстов. Безусловно, данная классификация не является единственно верной, потому что в некоторых текстах наблюдается наложение нескольких тем, что, соответственно, осложняет нашу задачу по распределению. В спорных случаях мы выделяем ведущую тему и по ней классифицируем текст. Предложенная система дает представление об основных темах, героях, к которым обращается писатель.

Таким образом, под table-talk мы понимаем промежуточный жанр между художественной литературой и фольклором, повествующий о ситуациях, свидетелем или участником которых был Баевский или о которых он слышал от людей, заслуживающих доверия. Table-talk объединяет такие формы, как цитата-выписка, заметка, филологический анализ, афоризм, анекдот (исторический, профессиональный, бытовой).

Наиболее частой формой реализации table-talk становится анекдот. Е. Курганов в книге «Анекдот как жанр русской словесности» отмечает, что анекдот обнажает скрытое, «позволяет заново увидеть историческую личность или показательный бытовой тип, а через них и эпоху <...> он непредвзято, резко, точно демонстрирует те или иные особенности человеческой природы. Иначе говоря, российская история раскрывается как бы изнутри...» [Курганов, 2015. С. 28]. Н. А. Синдаловский в книге «История Петербурга в городском анекдоте» называет анекдот самым древним жанром. Это был «короткий пересказ более или менее любопытного факта из собственной жизни, интересный фрагмент подслушанного разговора или случайно подсмотренного события» [Синдаловский, 2009. С. 7].

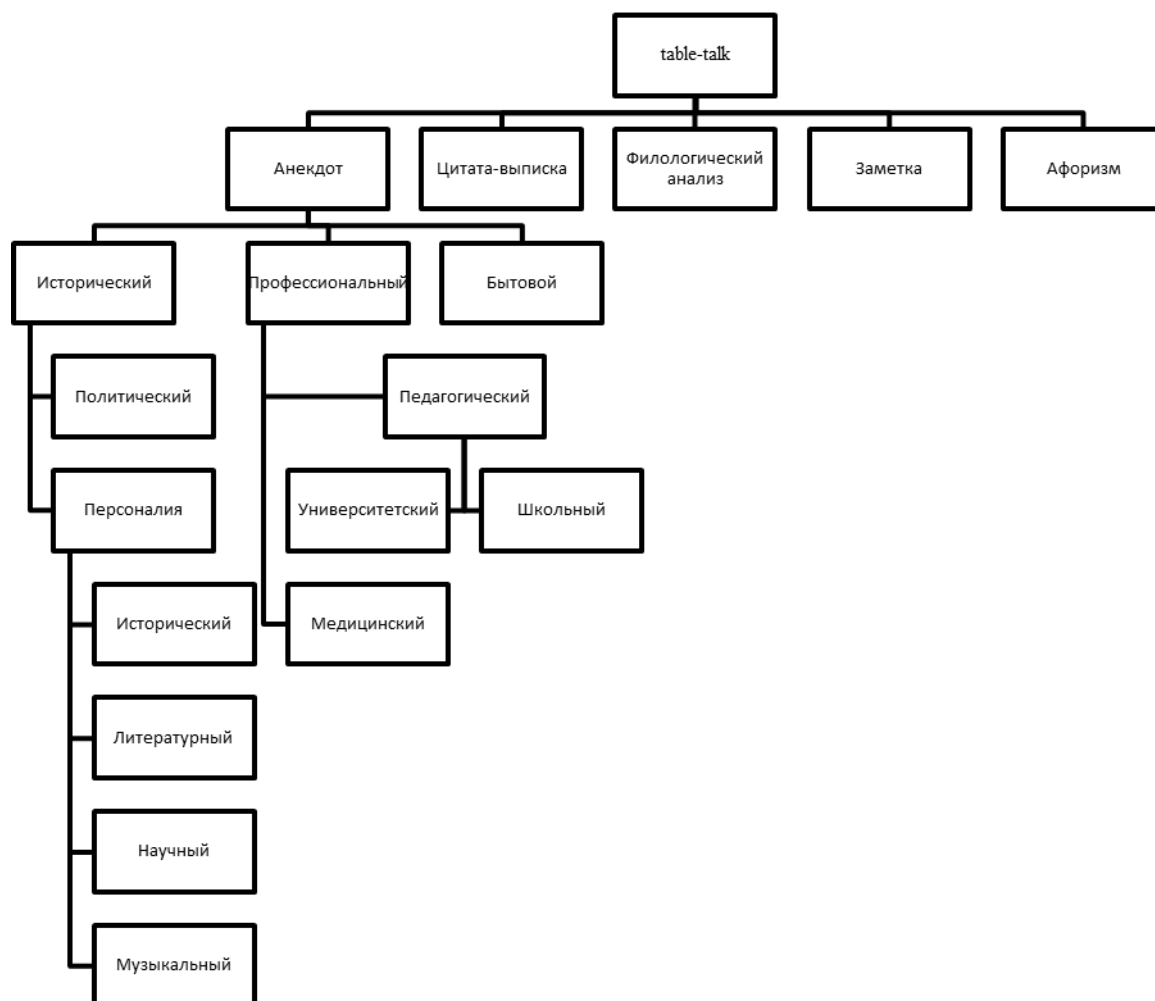

Рисунок 1 – Сюжетно-тематическая классификация table-talk

Если говорить о названии «анекдот», то, по мнению исследователя, оно было заимствовано у Прокопия из Кесарии, который написал исторический труд «Тайная история», разоблачающий политику императора. О существовании этой книги стало известно из Суды (энциклопедический словарь на греческом языке), где она упоминалась как «anekdota» (с греч. – неопубликованный). Синдаловский отмечает, что «с тех пор всякие короткие, неопубликованные, передающиеся из уст в уста новеллы из жизни окружающих стали называть анекдотами» [Там же. С. 7].

Как серьезные, а не развлекательные, произведения, зачастую неопубликованные, анекдоты были широко распространены в Европе. Основная причина их активного бытования в том, что сюжеты, оказавшиеся в центре

внимания анекдота, мало кому были известны. В «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремёсел» Дидро термин «анекдот» употребляли «для обозначения секретных историй о поступках, происходивших внутри кабинетов и при дворах монархов» [Мезин, 2002. С. 2]. В России до появления анекдота были популярны французские фаблио – «короткие, родственные анекдоту по жанру юмористические рассказы – и старинные итальянские новеллы, в сюжетной основе которых лежали обыкновенные анекдоты из жизни» [Синдаловский, 2009. С. 7]. Одно из первых объяснений содержалось в книге А. Делера «Анализ философии канцлера Бэкона с его жизнеописанием» (перевел ее Тредиаковский): «Есть еще род особенная истории, предлагающие о тайных и сокровенных делах, содеваемых государями и называемая Анекдотами (не изданными в свет бытиями), когда автор собирает некоторое число деяний любопытства достойных и нужных, чтобы оныя изследовать не как историку, но как Философу и Политику» [Тредиаковский, 1760. С. 61]. Как «особенный род истории», где «собираются любопытные и достойные примечания дела, дабы их разобрать философически и политически. В них может вдаваться автор в глубокие размышления, кои означат дарование его» [Державин, 1984. С. 359–360], представлял анекдот Г. Р. Державин.

Можно заметить, что анекдоты здесь воспринимаются как «философский» жанр. Е. В. Анисимов отмечал, что в России XVIII века «анекдот не был разновидностью художественного произведения, литературным жанром. Анекдоты не придумывали, а записывали как устные рассказы очевидцев и участников деяний великих людей» [Анисимов, 1993. С. 245]. В пушкинскую эпоху анекдот тяготеет к литературному жанру. Л. П. Гроссман называет его «особым видом словесного искусства» [Курганов, 1990. С. 3–5]. В середине XVIII века в ходе усвоения европейской (как правило, французской) культуры появился новый жанр светской беседы – исторический анекдот («короткая, смешная, нередко нравоучительная история о необычном действительном – или выдаваемом за действительное – событии, происшествии из жизни исторического лица» [Абильдинова, 2010. С. 6]). Особенностью данного типа было то, что

события, взятые за сюжетную основу, заимствовались из реальной жизни исторических личностей, а юмор в нем не являлся самоцелью.

Отличие исторического анекдота от шутки-анекдота проявляется в «интеллектуальной и образной претенциозности», под которой понимается «большая тщательность и эстетическое совершенство при обработке языкового материала и историчность» [Ковтунова, 2003. С. 56]. Для нас также важно отметить, что в центре исторического анекдота – рассказ об исторической личности как представителе конкретной эпохи или социальной группы (писатели, ученые и т. д.). Согласно теории немецкого лингвиста Л. Рёриха, сюжет в таких анекдотах «действительно имел место в истории или кажется таковым» [Röhrich, 1980. P. 6–7]. Таким образом, исторический анекдот представляет собой своеобразную летопись времени: содержится в многочисленных, не всегда опубликованных записных книжках, дневниках, письмах и мемуарах, что, на наш взгляд, делает его одним из способов подтверждения достоверности и документальности в художественно-документальной литературе.

После восстания декабристов произошло видоизменение устной словесной культуры. Изысканный нравоучительный исторический анекдот претерпел существенное изменение: он становится «стереотипным и лаконичным по форме, но разнообразным по тематике» [Химик, 2002]. Вместе с салонной беседой уходит в небытие устный жанр – рассказывание исторических анекдотов. С конца XIX века распространяются анекдоты в современном значении – как рассказ с неожиданной остроумной концовкой.

Во вступительной статье к книге «Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века» Е. Курганов отметил, что тогда анекдот потерял «ореол литературного жанра, к которому неизменно обращались русские писатели» [Курганов, 1990. С. 3]. Под ним стали понимать «нечто несерьезное и малозначащее» [Там же].

Когда осознали, что жанр уходит, а его традиции меркнут, по мнению Курганова, «были предприняты две фундаментальные попытки по спасению жанра: это “Table-talk” А. С. Пушкина и “Старая записная книжка”

П. А. Вяземского» [Там же. С. 4]. Своим возникновением эти работы не только боролись со сложившимся направлением в литературе, но и обращали внимание на созданные былые ценности – искусство общения, словесную культуру, в которой функционировал исторический анекдот. В поэтике table-talk Баевского анекдот осуществляет как композиционную, так и смысловую функцию. С его помощью складывается общая картина действительности, в пространстве которой существуют и взаимодействуют сам автор (Баевский) и его персонажи.

Итак, table-talk включает следующие группы анекдотов: исторический (два подтипа), профессиональный (два подтипа) и бытовой. Наиболее частотен у Баевского исторический анекдот. А. Я. Гуревич писал, что «историю следует изучать как бы “изнутри”, исходя из содержания сознания человека» [Гуревич, 1984. С. 45]. Этой же точки зрения придерживается и Баевский, ведь ключевым объектом в изучении истории является личность, а затем – связанные с ее именем события.

Исторические анекдоты Баевского – это рассказы из жизни реального человека, который повествует об определенной сфере деятельности, пережитом времени и людях, оставивших след в его судьбе. Их особенность заключается в зарисовке определенного интересного случая из жизни частного лица. Частная история, в понимании французского философа Сен-Симона, «история своего времени и своей страны», она «не столь обширна и разворачивается на глазах у автора», поэтому «должна быть гораздо богаче деталями и подробностями, ибо цель ее – ввести читателя в круг действующих лиц так, чтобы тот, забыв, что перед ним история или мемуары, чувствовал себя зрителем и участником описываемых событий» [Сен-Симон, 2007. С. 9].

В качестве разновидностей исторического анекдота мы выделяем политический и анекдот-персоналию с главными действующими персонажами – историческими личностями, представителями литературной (писатели) и музыкальной (музыканты, исполнители) среды, учеными (в основном филологами). Достоверность данного типа анекдота доказывается тем, что можно обнаружить исторические свидетельства в подтверждение описываемых событий

(факты как документ действительности), а также тем, что упоминается адресант – свидетель произошедшего. Таковым может выступать сам Баевский (ряд историй, связанных с посещением конференций, с работой в университете); его родственники, например, отец С. М. Лазурин (история о работе с В. В. Маяковским), тесть М. Я. Береговский (попал на репетицию Стерна с оркестром); коллеги-ученые, такие как А. Л. Слонимский (рассказал, что писалось в центральных газетах в годовщину столетия со дня рождения Пушкина, передал реакцию на это представителей научных кругов), В. Д. Войтушенко (университетский преподаватель, которая поделилась рядом историй о Л. Н. Толстом), Б. Ф. Егоров (рассказал некоторые истории, связанные с Ю. М. Лотманом); писатели, например, Д. С. Самойлов (рассказал о встрече с Б. Л. Пастернаком и М. И. Цветаевой, в годы, когда он сам еще был начинающим поэтом), Е. Л. Ланн (рассказывал о происшествиях с историком Е. В. Тарле, о которых тот сам упоминал).

Исторический анекдот: политический

Данный тип анекдотов существовал с древних времен. Так, 1600 годом до н. э. датируется древнеегипетский анекдот о том, как можно развлечь скучающего фараона²⁴. Опираясь на исследование Д. В. Ольшанского, мы характеризуем политический анекдот как «рассказ о конкретной политической ситуации, действиях и личностных характеристиках того или иного лидера или представителя партии или группы» [Ольшанский, 2001. С. 464]. В данной подгруппе исторического анекдота действующие лица – политическая элита нашей страны (как правило, бывшие правители государства – И. В. Сталин и Н. С. Хрущёв). Своего наивысшего расцвета указанный тип достиг в эпоху тоталитарного режима, став знаковым явлением советской культуры: это своеобразное выражение политической рефлексии в условиях отсутствия свободы слова.

²⁴ Послать по Нилу лодку с девушками в костюмах, сделанных из рыболовецких сетей. Фараон непременно сразу же отправится порыбачить [Найден самый древний анекдот. URL].

Анекдоты данного типа затрагивают также идеологию и политический режим страны. Баевский касается вопросов отношения людей к власти и, что естественно, отдельным лидерам. В этой группе присутствуют и стереотипные анекдоты, высвечивающие привычки исторического лица, которые обросли традиционными для анекдота сюжетами (то есть сложился архетип, реализующийся во множестве вариантов). Таковы, например, анекдоты о пристрастии Хрущева к алкоголю:

«– Никита Сергеевич, а рюмку выпить можно?

Хрущёв огляделся:

– Где мой врач?

Ему говорят в растерянности, что вышел куда-то.

– Ну, тогда и я с тобой выпью» [Там же. С. 55].

Баевский также отмечает, что в таком состоянии лидер был достаточно несдержан, поэтому «мог произнести на весь Союз и на весь мир нечто совершенно недопустимое, так что за свою страну становилось стыдно» [Там же. С. 55]. Утверждению Баевского можно найти множество доказательств. Достаточно вспомнить выходку Хрущева, которая повергла в шок всю советскую интеллигенцию на выставке художников-авангардистов «Новая реальность» Московского отделения Союза художников СССР²⁵.

Основная цель этого подтипа заключается в критике действий политических лидеров, освещении злободневных политических событий. Так, например, советской интеллигенции запомнился 100-летний юбилей со дня смерти Пушкина. В. Соколов в статье «Типы анекдотов советской эпохи» пишет: «кощунственный 100-летний юбилей со дня смерти Пушкина (1937), и не только потому, что празднуют дни рождения, а год смерти – отмечают как дату памяти, но и потому, что на пике репрессий он переключил общественное внимание совсем на другое» [Соколов. URL]. Баевский воспроизводит этот сюжет глазами двух литературоведов, Томашевского и Слонимского. Образ Пушкина был

²⁵ Глядя на картины, политический лидер был полон возмущения и не выбирал выражения, употребляя при всех такие слова, как «дерьмо», «говно», «мазня», а художников и вовсе охарактеризовал как «педерастов» [Рабичев, 2001].

деформирован для пропаганды, угодной власти, в которой пушкинское вольнодуство превратилось в «революционность»: «...Пушкин был революционером. Он же написал: “Октябрь уж наступил”» [Баевский, 2013. С. 43].

Исторический анекдот: персоналия

Особенность данного типа заключается в наличии концептов, связанных с известными личностями: писателями и поэтами, учеными (как правило, коллегами-филологами Баевского), музыканты и художники. Данный тип анекдота может включать небольшой рассказ о жизни персонажа (некоторые факты из биографии) и содержать юмористическую зарисовку. Остановимся на каждом подтипе подробнее.

Исторические личности

В качестве основания для объединения table-talk в данный подтип мы предлагаем рассматривать общие единицы: типовых участников (персонажей – исторических личностей) и реалии их частной жизни, не затрагивающие политику и общественную жизнь (как это имело место в политическом типе). Содержание данного подтипа составили реальные события, которым можно найти подтверждение. Например, анекдот, повествующий о приезде юного В. А. Моцарта в Вену, где он провел несколько концертов, в частности один из них – для королевской семьи.

Сюда мы отнесли анекдоты, построенные на мотиве неузнавания известной исторической личности. Например, Баевский рассказывает историю посещения одной дамой концерта британского дирижера Т. Бичема. И лишь когда музыкант, задав наводящие вопросы, получает ответ: «Мой муж по-прежнему король Англии» [Там же. С. 50], становится очевидно, что на концерт пришла королева. Стоит отметить, что похожая история описана в статье «Юмор по-королевски», только там Бичем спрашивал о состоянии не мужа дамы, а ее отца, поэтому ответ был следующим: «Спасибо, у папы всё хорошо. Он все так же король Британской империи» [Юмор по-королевски. URL]. Фактические отклонения подобного рода (жена или дочь короля) «вовсе не отменяют ни установку на подлинность как

структурный принцип произведения, ни вытекающие из него особые познавательные и эмоциональные возможности» [Гинзбург, 1977. С. 10], то есть в основе все равно остался мотив неузнавания Т. Бичемом королевы Англии Елизаветы, посетившей его концерт.

Стоит отметить, что в упомянутых анекдотах прослеживается и тема музыкальной среды, так как вторым главным персонажем наравне с исторической личностью выступает известный музыкант, поэтому данный тип анекдота можно отнести и к подтипу «музыкальный».

Музыкальный

В качестве основания для объединения анекдотов в данный подтип мы предлагаем рассматривать общие единицы: типовых участников (людей, относящихся к музыкальной сфере) и особенности их деятельности, связанной с музыкой. Так, в подборке есть анекдот, подчеркивающий скромность американского скрипача И. Стерна по отношению к своим коллегам при ответе на вопрос, кого он считает величайшим скрипачом современности. Будучи одним из крупнейших и всемирно известных скрипачей XX века, он назвал третьим Когана, вторым – Ойстраха, отметив, что «первых много» [Баевский, 2013. С. 50]. В оркестре особую роль играет дирижер: он должен быть высокопрофессиональным специалистом, способным организовать работу музыкантов разного направления. В подборке приведен анекдот о репетиции Л. Стоковского с оркестром. Дирижер несколько раз делал замечания второй трубе: «В этом месте играть тише» [Там же. С. 50], но результата не было, тогда дирижер разозлился, что его не слушают. Причина отсутствия реакции на замечание была в том, что второй трубы на репетиции вообще не оказалось.

В данном типе анекдота есть сюжеты, которые отражают музыкальное невежество обычных людей, непрофессионалов в этой области. В силу ограниченности своих знаний, такие люди принижают достоинства великих композиторов. Так, в одном анекдоте Моцарт назван «чуваком, сочиняющим музыку для мобильных» [Там же. С. 51].

Художественный

Данная группа представлена одним анекдотом, опосредованным действующим лицом которого выступает О. Ренуар, находивший вдохновение в прекрасном женском поле. Баевский вспоминает, что во время посещения конференции в Париже его поселили на вилле под городом. Хозяйка виллы поведала историю о том, что это дом ее прабабушки, которая была знакома с художником и позировала ему. Баевский упоминает, что «художник любил своих моделей. Красивые девушки, которые ему позировали (часто обнаженными), становились его любовницами, и он их щедро одаривал» [Там же. С. 52].

Литературная среда

Особенность данного подтипа заключается в наличии концептов, связанных с писателями и их произведениями, отражающих реалии литературной жизни страны и самого литератора. В качестве основания для объединения анекдотов в указанный подтип мы предлагаем рассматривать общие единицы: типовых участников (персонажей-писателей, редакторов, издателей) и коммуникативные ситуации, связанные с ними.

Данный тип включает два исторических анекдота о Л. Н. Толстом, один из которых построен на мотиве неузнавания великого писателя. На одной из станций женщина подозвала к себе старика-крестьянина и за пятак попросила предупредить ее мужа, что ушел в буфет, о возвращении обратно в поезд. Когда она вернулась в вагон, люди переполошились, узнав в старике-крестьянине Л. Н. Толстого, который выполнил поручение дамы, принял ее извинения, но деньги возвращать отказался: «Я их честно заработал» [Там же. С. 50].

Среди анекдотов выделяются истории издания или опубликования художественных произведений. Например, анекдот об истории опубликования «Теркина на том свете»: в 1962 году А. Т. Твардовский приехал в Пицунду, где был Н. С. Хрущев, и там попросил разрешения прочитать поэму, после прочтения спросил, можно ли ее опубликовать, на что политик сначала не отреагировал, а потом промолчал. Аджубей (главный редактор «Известий») позвонил в

«Известия» и «распорядился, чтобы завтра поэма была напечатана. Хрущев, дескать, разрешил» [Там же. С. 55].

Некоторые анекдоты раскрывают настроения писателей и их впечатления от литературной и общественной жизни России XX–XXI веков. В этом плане выделяется история, произошедшая в 1946 году на заседании, приуроченном к 25-летию со дня смерти Блока. Там читала стихи Ахматова: «Это был ее апофеоз. Величественная красавица, в черном с серым платье, седая... Зал встал и минут пятнадцать ей аплодировал... А потом прозвучал доклад о журналах “Звезда” и “Ленинград”²⁶» [Там же. С. 58]. Об этом вечере было доложено Сталину. Как подмечает Баевский, «вставать полагалось только перед одним человеком. По его представлению, стихийно это не делалось» [Там же]. Это обстоятельство отражено в ряде публикаций. Так, Н. Н. Глен отмечала, что «по слухам, Сталин был разгневан пылким приемом, который оказывали Ахматовой слушатели. Согласно одной из версий, Сталин спросил после какого-то вечера: “Кто организовал вставание?”» [Глен, 1991. С. 631]. Б. Сарнов признавался: «Я склонен думать, что такая фраза Сталиным действительно была сказана. Уж больно велик исходящий от нее аромат подлинности, в котором выразился не столько даже характер сталинского стиля, сколько самый тип его мышления» [Сарнов, 2009. С. 706].

В анекдотах анализируемого типа выделяется и реакция советского народа на происходящее в литературной среде. Так, Баевский приводит диалог, который случайно услышал в школе (фиксирует это событие в дневнике – 29 октября 1958 года), после того как 23 октября Б. Л. Пастернак был удостоен звания лауреата Нобелевской премии в области литературы, а 27 октября был исключен из Союза писателей СССР:

«– Слышали о Пастернаке?

– Что, умер?

– Хуже» [Баевский, 2013. С. 45].

²⁶ «Ленинград» был закрыт, а в «Звезде» прежнее руководство было заменено.

Руководство страны с особой враждебностью восприняло присуждение Пастернаку премии: было принято специальное Постановление Президиума ЦК КПСС «О клеветническом романе Б. Пастернака». За этим постановлением последовало требование от Московской организации Союза писателей СССР выслать писателя из страны и лишить гражданства, критиковали его не только в «Литературной газете», но и в профсоюзных изданиях, а также коллеги (например, С. Михалков, В. Инбер), что, по мнению собеседниц, было хуже самой смерти.

Научный

Особенность данного подтипа заключается в наличии концептов, связанных с наукой, в основном литературоведением, и отражающих реалии научного знания. Обращение к научным деятелям осуществляется, прежде всего, личным наблюдением (или рецепцией Баевского) за их жизнью и профессиональной деятельностью, объяснением их научного мировоззрения путем рассказывания историй, произошедших с ними. В качестве основания для объединения table-talk в данный тип мы предлагаем рассматривать общие единицы: типовых участников (персонажей-ученых) и коммуникативные ситуации, связанные с ними, с научным знанием.

Так, несколько анекдотов отражают истории, произошедшие на научных конференциях и симпозиумах. Например, посещение Баевским американо-русского симпозиума, посвященного Б. Л. Пастернаку. На научных конференциях присутствуют докладчики разного уровня эрудиции. Так, на одной из них молодой докладчик выразился таким образом: «Как доказала покойная Гамалея» [Баевский, 2013. С. 60]. Н. Ф. Гамалея – почетный академик, микробиолог, который на момент представления доклада был не только жив, но еще и присутствовал в зале. Встав, ученый произнес: «Конечно, я так стар, что мужчиной меня можно уже и не считать. Но, как видите, я еще жива» [Там же].

Некоторые анекдоты содержат сведения о развитии научного направления, например о формировании логики как науки. Так, Баевский рассказывает о симпозиуме в Ереване, посвященном исследованию стихотворной речи, куда он

приехал. В Матенадаране ученый поразил сотрудника, когда, увидев книгу, отметил, что в Армении уже в XI веке составляли книги по логике. Древнеармянского Баевский не знал, но понял, что книга по логике, увидев на раскрытой странице изображение логического квадрата, который чертил во времена обучения Баевского его преподаватель логики. Как отметил ученый, «это был один из случаев, которые сделали для меня всеобщность, преемственность, единство мышления всего человечества особенно наглядным» [Там же. С. 61].

В анекдоте может раскрываться проблема истинной науки, научного знания и идеологической науки. Так, одному филологу, знакомому Баевского, предъявили несколько претензий: завышенные требования к научной работе; рассказ о формальной школе; безыдейная лекция; в центре лекции по теории литературы стояла «Историческая поэтика» Веселовского, а должна была – статья «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленина [Там же. С. 54]. Данная тема поднималась Баевским неоднократно, в частности и в «Романе одной жизни», ведь хорошо известно, что советская идеология воспринималась как единственно подлинное научное знание, точное знание заменялось понятием «формализм», а ученый, следовавший этому знанию, считался формалистом: «...если замарать его прозвищем формалист: он сразу попадает во власть демагогов, которые с пеной у рта начинают обличать его в том, что он занимается бессодержательной болтовней, в то время как весь народ борется за мир, за коммунизм и т. д.» [Баевский, 2007. С. 81].

Данный тип анекдота отражает и работу над научными статьями. Так, в подборке есть анекдот, содержащий жалобу на отсутствие отклика о судьбе статьи Л. Н. Столовича в «Вопросах философии». Лотман, которому жаловался Столович, утешал своего коллегу, делая вывод на основе названия журнала: «Что вы хотите? Это же “Вопросы философии”, а не “Ответы философии”» [Баевский, 2013. С. 53].

В анекдотах этого типа может быть представлено кредо ученого. Например, становится известно, что Б. Я. Бухштабу «претила любая подтасовка фактов в нашем многострадальном литературоведении» [Там же. С. 58].

Среди анекдотов данного типа есть построенный по модели неузнавания одним персонажем другого. Так, во время перерыва на научной конференции (проводимой в Институте русской литературы Академии наук) Баевский не узнал заговорившего с ним директора этого заведения Н. Н. Скатова. К слову, последний высоко оценил деятельность смоленского филолога, назвав его и Гаспарова «лучшими специалистами в области поэтики стихотворной речи» [Там же. С. 60].

Можно отметить два анекдота с похожей логической структурой. В первом установщик окон, увидев книжные полки в доме Баевского, поинтересовался, чем мужчина занимается: «Я работаю в университете. Преподаю и изучаю русскую литературу», на что установщик ответил: «И ИЗУЧАЕТЕ? ДО СИХ ПОР?» [Там же. С. 54]. Во втором анекдоте молодая девушка обратилась к своему соседу, которым оказался Эйнштейн, с тем же вопросом, а в ответ услышала: «Я изучаю физику», чему была удивлена: «Как, до сих пор? Я ее давно всю изучила» [Там же. С. 60]. Данные анекдоты показывают ограниченное представление о науке двух обывателей, ведь она изучает бесконечную реальность, подверженную каждодневным изменениям, отражающимся в разных сферах, поэтому изучить ее в полной мере невозможно.

Профессиональный

Группу профессионального анекдота представляет тип, где герой – представитель какой-либо профессии. У Баевского – педагог (педагогический подтип) и медицинский работник (медицинский подтип).

Педагогический: университетский

Особенность типа – в наличии концептов, связанных с университетом (преподаватели, студенты, практические занятия, лекции), отражающих университетские реалии (занятия, экзамены, зачеты и т. д.). В качестве основания для объединения историй в университетский тип мы предлагаем рассматривать

такие общие единицы, как хронотоп (университетская действительность), типовые участники (студенты, преподаватели, администрация университета (декан, ректор)) и коммуникативные ситуации, связанные с ними. Единицами языкового плана являются лексемы, отражающие университетскую тематику (такие термины, как «зачет», «экзамен», «курсовая работа»).

Университетский тип включает несколько подтипов.

Педагогический. Показывает особенности ведения лекций, характеризует отношения между преподавателями и студентами. В эту группу мы отнесли анекдоты о преподавательской деятельности Е. В. Тарле. Так, один из анекдотов описывает как ученого однажды «подвело стремление во что бы то ни стало говорить во время лекции красиво, образно» [Там же. С. 46]. В курсе истории Франции он выразился так: «После смерти Пипина Короткого судьба Франции висела на волоске. И этим волоском был Карл Лысый» [Там же]. Данная фраза спровоцировала хохот аудитории, которого лектор не ожидал. Тарле преподавал в Московском университете, одной из его студенток на историческом факультете была С. Аллилуева (дочь Сталина), которую ученый характеризовал как «очень средний материал» [Там же. С. 46]. Однажды, когда Тарле читал лекцию, несколько студентов опоздали, чем помешали ему, прерывая его рассказ и сбивая с мысли. Возмутившись, он сказал, что больше никого не пустит. И после этой фразы в кабинет вошла опоздавшая Аллилуева. Тарле ничего не оставалось, кроме как «остановиться, поклониться и сказать: – пожалуйста, пожалуйста» [Там же. С. 47], при этом никто из студентов даже не улыбнулся.

Административный. Как правило, он описывает отношения преподавателей или студентов с аппаратом управления вуза. В эту группу входят анекдоты о взаимоотношениях Баевского и ректора. Однажды руководитель университета пришел на экзамен по истории русской литературы первой половины XIX века, сказав, что ему «захотелось отдохнуть душой» [Там же. С. 43]. Два анекдота посвящены уместному цитированию «Евгения Онегина» при разговоре с ректором: «Итак, я жил тогда в Одессе...» [Там же. С. 44], когда ученый рассказал ректору о конференции в Одесском университете, посвященной жизни и

творчеству Пушкина, и желании посетить город, в котором Баевский жил до шести лет; «Он из Германии туманной привез учености плоды» [Там же], – фраза, сказанная ректором, когда Баевский вернулся из Германии.

Еще один анекдот – о забастовке студентов Петербургского университета, на которой они предъявили ректору ряд требований: «чтобы в университетской столовой обеды отпускались по сниженным ценам» [Там же. С. 54]; «чтобы были уволены два реакционных профессора» [Там же]; «чтобы разрешили посещать университет без мундиров, в гражданской одежде» [Там же]; «ограничения самодержавия и введения конституции» [Там же]. В итоге ректор объяснил, что за первое отвечает министр финансов, за второе – министр просвещения, за третье – председатель совета министров по представлению министра двора его императорского величества, и лишь о последнем требовании ректор обещал похлопотать. Забастовка под смех аудитории была окончена.

Студенческий. Показывает отношения студентов друг с другом, а также включает записанные Баевским афористичные выражения, придуманные студентами, как правило, на экзаменах. В журнале «Знамя» Баевский опубликовал подборку цитат своих студентов, сдающих русскую литературу. Касаются они времени, проведенного Пушкиным в Болдино, где из-за вспышки холеры поэт остался почти на всю осень (самый плодотворный период в его творчестве). Одна из студенток заявила, что «в начале сентября 1830 года Пушкин приехал в село Михайловское, и началась болдинская осень». Вторая студентка творческое вдохновение Пушкина объяснила, опираясь на теорию Фрейда: «Говоря в терминах Фрейда, в болдинскую осень страстное влечение Пушкина к его невесте было насильственно заторможено и сублимировалось в необыкновенном даже для него по интенсивности и высочайшему уровню творчестве» [Баевский, 2011].

Педагогический: школьный

Связан с университетским типом, но выделен нами в отдельную группу, так как раскрывает отношения в другой социальной группе – школьники. Особенность типа – в наличии концептов, связанных со школой (учителя, ученики, уроки), отражающих школьные реалии (урок, контрольная, сочинение,

каникулы и т. д.). Единицы языкового плана представлены лексикой, отражающей школьную тематику, а хронотопом является школьная действительность (пространство и время школы).

Как правило, у Баевского этот тип анекдота раскрывает особенности его собственной преподавательской деятельности, акцентирует внимание на построении отношений между учителем и учеником. Баевский, будучи учителем в донбасском поселке шахтеров, предложил написать девятиклассникам сочинение «Мои любимые страницы романа Л. Н. Толстого “Война и мир”». Один из учеников «написал несколько строк в таком духе: все это – большая ерунда. Почему-то принято восхищаться, все и делают вид, что им нравится. А я лгать не хочу. “Война и мир” – это четыре тома скуки. И ни одна страница мне не нравится». В этом анекдоте обнаруживается величайшее педагогическое мастерство Баевского. Он не поставил ученику кол (как тот предполагал), ведь задание состояло в написании сочинения о любимых страницах, а если таких нет, то ученик просто не мог выполнить задание.

Один из анекдотов – история, рассказанная Ланном (он любил делиться с Баевским английскими анекдотами). Учительница в классе задала написать сочинение, которое должно было содержать несколько аспектов: «чтобы там непременно было рассказано о Боге, о нашей доброй королеве и о детях. И еще, чтобы там была какая-нибудь тайна» [Баевский, 2013. С. 49]. Маленькая Мери справилась быстрее всех. Она учла все рекомендации и написала: «– О Боже! – воскликнула королева. – Я беременна и не знаю, от кого» [Там же].

Медицинский

В предложенный тип мы включили три истории, собранные в один анекдот под названием «Из диалогов в больнице». В качестве основания для объединения мы предлагаем рассматривать такие общие единицы, как локус (лечебное заведение) и типовые участники (медицинский работник и пациент). Отметим, что анекдоты данного типа занимают особое место, потому что медицинский юмор представляет собой высмеивание определенных качеств медицинского персонала как людей, от которых зависит не только здоровье, но и человеческая

жизнь, но которые порой относятся к своим профессиональным обязанностям халатно. Данная профессия подвергается осмеянию из-за несоответствия профессиональных навыков медперсонала и реального положения вещей, с которым сталкиваются пациенты в больнице. Так, на вопрос, долго ли принимать пациенту лекарство, медик ответил: «Точно ответить не могу. Но могу сказать, что последний раз вы примете его в день смерти» [Там же. С. 50]. В данном анекдоте осмеянию Баевский подвергает неквалифицированность и некомпетентность врачей. Отношения врача и пациента очень часто подвергаются насмешкам в анекдотах, поэтому в данной подборке и нет имен, они абстрактны, ведь подобные ситуации происходят часто.

Бытовой анекдот

Бытовым анекдотом в исследовании мы называем кратко изложенное сообщение о забавной ситуации из повседневной жизни. В данном типе анекдота действующими лицами могут быть люди из разных сфер (например, родственники или друзья Баевского, неназванные персонажи). Главное – бытовая ситуация, в которой они находятся. Бытовую ситуацию описывает английский анекдот, которым с Баевским поделился Е. Л. Ланн. Его суть заключается в том, что два джентльмена спорят, есть ли разница между вежливостью и тактом. Их спор разрешает простой трубочист на своем примере из жизни: он столкнулся в ванной с обнаженной хозяйкой дома. «Простите, сэ, – сказал я и закрыл дверь. Так вот, когда я сказал “Простите”, это была вежливость. А когда я сказал “сэ”, это был такт» [Баевский, 2013. С. 48]. Этот анекдот стал прецедентным для следующего за ним анекдота, представляющего похожую ситуацию, в которой оказался Баевский (в комнате, куда зашел ученый, мылась жена Ланна), поступивший подобно трубочисту.

Одной из тем бытового анекдота являются семейные отношения, а герои – муж и жена. Сюжет нескольких анекдотов можно охарактеризовать так: как приучить жену к послушанию. В одном анекдоте мужчина убивает лошадь (потому что та трижды спотыкалась в пути), давая понять жене, что терпение у него не безграничное, поэтому, став очевидцем произошедшего, жена не захотела

оказаться на месте животного – «с тех пор и до глубокой старости эти муж и жена жили в любви и покое, в мире и согласии» [Там же. С. 48]. В следующем анекдоте, продолжающем данную тему, жена на себе испытала агрессию мужа: тот ее ударил, а потом дал полюбовать синяком, предупредив, «что всякий раз, когда жена будет капризничать, ее ждет такое же наказание» [Там же. С. 61], после чего пара жила безмятежно.

Анекдоты этой группы описывают взаимоотношения взрослых и детей. Так, один эпизод произошел с сыном родственницы Баевского, пол которого не всегда можно было определить (у него были длинные вьющиеся волосы, как у девочки). Незнакомая женщина на остановке стала заигрывать с ребенком, называя того девочкой. Ребенок из-за этого с ней разговаривать не хотел, поэтому всячески игнорировал, что не нравилось женщине, тогда она сказала: «Я думала, что ты умная девочка, а ты, верно, еще и говорить не умеешь» [Там же. С. 52]. Такой обиды ребенок вынести уже не смог, поэтому объявил: «Я – мальчик, а ты дура» [Там же].

Цитата-выписка

Цитата-выписка представляет собой цитату из произведения, а зачастую – многочисленную цитацию с указанием источника цитирования, что позволяет Баевскому расширить представление о предмете разговора, дать отсылку к другому произведению литературы, к личности или событию. Цитация у Баевского выступает как наиболее простой прием использования документа, указывающего на достоверность написанного. Например: «“Люблю Вас – поэта – так же как себя – за будущее. Ваши стихи прекрасны” <...> Все эти слова обращены Мариной Цветаевой к Евгению Ланну – поэту и человеку необыкновенному в жизни и в смерти – после их первой встречи в конце 1920 г. (Цветаева М. Собр. соч. в 7 т. М.: Терра, 1997–1998. Т. VI, полутом 1. С. 162–183)» [Там же. С. 47]. Также в этой группе мы выделили начало отзыва М. А. Волошина о книге Ланна «Heroica», подготовленной автором к печати в 1925 году. Баевский снова дает ссылку на источник («РГАЛИ, ф. 2210, оп. 1, ед. хр. 346, л. 1») и приводит отзыв Волошина: «Эроика. Какое прекрасное имя для

книги стихов, и как я завидую тому, что не мне оно пришло в голову... Но ваша книга достойна его» [Там же. С. 47].

К этой группе мы отнесли цитацию, нашедшую отражение в дневнике Баевского, а затем уже в подборке. Так, в № 11 журнала «Знамя» за 2003 год был предложен обзор переписки с полными текстами неизвестных писем Б. Л. Пастернака к А. С. Эфрон. Баевский предваряет выписанные цитаты, наиболее ему понравившиеся, откликом на статью в целом: «... письма Пастернака к Ариадне Эфрон. Это тоже лирика. Какие судьбы. Какие страдания. Как прекрасен Пастернак, помогающий Ариадне, ее тете <...> Пишущий Доктора Живаго...» [Там же. С. 45–46]. Далее ученый приводит четыре цитаты с указанием страниц.

Заметка

Заметки у Баевского связаны с размышлениями о пережитом. Они представляют выражение личного отношения автора к описываемому событию или человеку. Заметки Баевского не подразумевают полемики, в них нет диалога (это фактически прямая речь автора), они помогают передать чувства и отношение автора к предмету разговора. Одна из таких заметок посвящена Е. Л. Ланну: «Я был близко знаком с Евгением Львовичем Ланном. Это был замечательный человек, его душевные качества и стихи высоко ценили Марина Цветаева и Максимилиан Волошин. Вместе со многими другими я пережил его трагическую смерть <...> Он был человек весьма своеобразный. Он жил замкнуто, поддерживал отношения с узким кругом людей и, случалось, месяцами не выходил из своей двухкомнатной квартиры, в которой жил с женой Александрой Владимировной Кривцовой» [Баевский, 2013. С. 46]. Форма заметки позволяет Баевскому выразить свое искреннее отношение и субъективный взгляд.

Афоризм

Существует общепринятое определение афоризма, согласно которому афоризм – «изречение, которое в лаконичной форме выражает обобщенную, законченную мысль» [Бородулин, 2003. С. 59]. При определении понятия «афоризм» мы также ориентируемся на статью И. В. Ружицкого, акцентирующего

внимание на следующих свойствах афоризма: «1) указание на авторство; 2) нетривиальность, часто – парадоксальность выражаемой мысли; 3) краткость» [Ружицкий, 2015. С. 214].

В качестве факультативных признаков афоризма А. В. Королькова выделяет следующие: «субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр.» [Королькова, 2018. С. 37]. Как отмечал Ю. П. Солодуб, афоризмы отражают «жизненные закономерности, передают сентенции, нравоучения, определенные рекомендации» [Солодуб, 1994. С. 57], а также позволяют зафиксировать в сжатом виде итог авторских размышлений.

Так, Баевский приводит изречение: «Писать стихи – это все равно, что пахать и за сохой танцевать. Это прямо неуважение к слову» [Баевский, 2013. С. 50], затем называет автора: «Узнаете? Конечно, Лев Толстой» [Там же]. Упомянутое изречение касалось полученного письма со стихами, его можно обнаружить в книге «Два года с Л. Н. Толстым» Н. Н. Гусева [Гусев, 1973] в письме от 13 января 1908 года.

В эту группу мы внесли эпизод, представляющий реплики двух людей, разделенных временем и пространством, словно продолжающие друг друга, развивающие одну тему. В нижеприведенном афоризме отражается житейский опыт двух писателей (Байрон и Хемингуэй), касающийся отношений противоположных полов.

«Байрон сказал:

– Легче умереть за женщину, чем жить с ней.

Хемингуэй сказал:

– Если бы с ними не нужно было еще и разговаривать...» [Баевский, 2013. С. 61]. Предположим, что данный выбор собеседников был сделан Баевским не случайно: писатели не только имели схожую точку зрения касательно отношений между мужчиной и женщиной. Помимо этого, американский критик Федимен называл Э. Хемингуэя «новым Байроном», а Ван Вик Брукс – «Байроном XX века».

Собеседниками сквозь время у Баевского выступают Л. Н. Толстой и мать ученого: «Лев Толстой: – Я никогда не думал, что старость так привлекательна: чем ближе к смерти, тем лучше. <...> А мама мне сказала незадолго до смерти, когда ей было шестьдесят, а мне тридцать: – Не бойся старости. Каждый возраст имеет свои преимущества» [Там же. С. 49]. Отметим, что в данном случае беседу они друг с другом не ведут, но схожесть точек зрения на старость сближает их в сознании Баевского.

К этой группе мы относим парадоксальные афористичные выражения, особенность которых заключается в игре противоположностей: «Вы же знаете, как трудно читать ушами» [Там же. С. 57], – фраза, сказанная полуслепым Б. Я. Бухштабом такому же Б. О. Корману. Известно, что у ученых были проблемы со зрением, скорее всего, они были вынуждены воспринимать литературу исключительно на слух.

Филологический анализ

Под ним мы понимаем метод, направленный на выявление «культурологического статуса текста через взаимную обусловленность формы и содержания текста и их соответствие замыслу автора» [Жеребило, 2010. С. 430]. Благодаря данному виду анализа происходит обобщение и синтез лингвистического и стилистического анализа, а текст рассматривается в контексте эпохи. Так, в подборке Баевского ученым выполнен анализ фрагмента из книги Н. А. Бердяева «Самопознание» («“Я всегда был лишь прохожим. Христиане должны себя чувствовать не имеющими здесь пребывающего града и града грядущего взыскующими”») [Баевский, 2013. С. 56]). Баевский, рассмотрев структуру текста (два предложения, из них первое занимает один стих, второе – три, в целом – «единое простое двусоставное предложение без вводных конструкций» [Там же]) и отметив звуковые повторы, констатирует, что перед читателем стихотворная миниатюра, записанная прозой. Помимо этого наблюдения ученый утверждает, что текст заимствован поэтом из Нового Завета и Послания к Евреям (глава 13, стих 14): «“Не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуемь”». Библейский стих <...> заставил Бердяева и

собственные слова облечь в сходную форму. Получилось гармоничное, полное высокого смысла маленькое стихотворение» [Там же. С. 56–57].

Безусловно, Баевский не всегда дословно воспроизводил table-talk в разных своих публикациях. Так, разнородные по тематике эпизоды с главным действующим лицом Д. С. Самойловым, объединенные в «Знамени», в «Под часами» были выделены в пять отдельных историй. Эпизод из жизни Б. Л. Пастернака и судьбы его романа в дальнейшем был разбит на три отдельных эпизода. На два эпизода были разделены большие по объему истории Е. Л. Ланна, А. Л. Слонимского и Ю. М. Лотмана.

Стоит отметить, что table-talk издавались не только в виде отдельных публикаций, напротив, но и были включены в структуру более сложного жанра. Например, некоторые эпизоды встречаются в ряде произведений Баевского: в различных частях «Романа...», научных трудах Баевского (например, в книгах о Д. С. Самойлове, Б. Л. Пастернаке). Так, прогулка Баевского с Д. С. Самойловым по Пярну и фраза последнего, что «все дороги ведут в эйнелауд», описаны и в «Романе одной жизни» [Баевский, 2007. С. 261], и в книге «В нем каждый вершок был поэт. Записки о Давиде Самойлове» [Баевский, 1992. С. 51]. Истории о Б. Л. Пастернаке, в частности события его травли после присуждения ему Нобелевской премии, зафиксированные Баевским в своем дневнике, отражены как в «Романе одной жизни», так и в книге «Пастернак. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам».

Таким образом, table-talk мы рассматриваем как промежуточный жанр (между художественной литературой и фольклором), повествующий о ситуациях, свидетелем или участником которых был Баевский или о которых он слышал от людей, заслуживающих доверия. Table-talk включает разнообразные по сюжету и тематике эпизоды, связанные общей целью – передать ситуации уникальные в своем роде через частные случаи (уникальность проявляется в документальности).

Table-talk объединяет такие формы, как цитата-выписка, заметка, филологический анализ, афоризм, анекдот (исторический, профессиональный,

бытовой). Наиболее частой формой реализации table-talk становится анекдот: исторический (политический и анекдот-персоналия), профессиональный (педагогический и медицинский) и бытовой, остальные формы у Баевского не так частотны.

В целом к table-talk Баевский обращается не только в отдельных публикациях – он активно включает его в структуру более сложного жанра, например мемуарных очерков и романа, а также в структуру своих учебных занятий. Ценность table-talk, на наш взгляд, заключается в том, что он представляет собой истории об известных личностях и событиях, сохраненные лишь памятью (включая архивную запись в дневнике) свидетелей.

2.2. История науки в биографиях ученых. Биографические очерки В. С. Баевского

Как мы уже писали, мемуарные очерки об ученых заняли заметное место в творчестве Баевского. Помимо литературного портрета, писатель обращается к биографическому очерку. Из биографических очерков он составил целый курс лекций для аспирантов «История науки в биографиях ученых», причем посещать его могли все, кто интересовался филологией. Баевский читал этот курс в 2006 и 2008 годах. Тексты лекций, как свидетельствует архив, он не писал, а составлял только планы, которые отражали основную мысль и логику повествования. Мы располагаем сохранившимися видеозаписями этого курса. Среди персоналий в курсе выделяются: историк литературы – А. Н. Веселовский; литературоведы – Б. Я. Бухштаб, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон; историки – В. О. Ключевский, С. М. Соловьев; математик – А. Н. Колмогоров; психологи – Л. С. Выготский, Э. Кречмер. С некоторыми из них Баевский был связан не только научными, но и дружескими отношениями (Ю. М. Лотман, Б. Я. Бухштаб), с другими он знаком не был. Благодаря биографическим очеркам Баевский

показал не только судьбу и научное наследие своих героев, но и драматические страницы отечественной истории и науки.

Материал некоторых лекций (особенно о личностях, о которых Баевский уже писал очерки, в первую очередь о Б. Я. Бухштабе, Ю. М. Лотмане) опирается на ранние публикации. Так, лекции о Лотмане в некоторых местах дословно воспроизводят 17 главу «Романа...», а лекция о Бухштабе – 18 главу. В качестве примера приведем начало лекции о Ю. М. Лотмане и фрагмент из упомянутой главы (Таблица 2.1).

Несмотря на схожесть этих текстов, нельзя говорить о том, что лекции курса – это пересказ глав «Романа...» Так, в лекции о Лотмане обнаруживаются эпизоды, не встречающиеся в романе. Например, Баевский рассказывает о подготовке издания «Евгения Онегина» с комментарием Лотмана и с комментарием Баевского к его комментарию. «И такая книга вышла в свет, она есть²⁷» [Баевский. Ю. М. Лотман. Видеозапись]. Лекции о персонах, о которых Баевский ранее не писал отдельных мемуарных очерков, представляют новые сведения в интерпретации филолога.

Таблица 2.1 – Сравнение отрывка лекции и «Романа...»

Лекция	«Роман...»
<p>«Лотман уникален. Это чудо. Другого такого не было и не будет. Это один из героев науки. Один из тех ученых, которым ставят памятники. Я уверен, что перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Весь вопрос в том, когда и что на нем напишут. Например, такая надпись: Ю. М. Лотману, который не был членом Академии наук СССР, не был членом Российской Академии наук, был провален при выборах в Эстонскую Академию наук» [Баевский. Ю. М. Лотман. Видеозапись]</p>	<p>«Лотман единственен. Это чудо. Это великий дар, полученный нами. Мы храним и будем хранить память о нем. Он единственен. Другого не будет.. Он один из героев науки. Один из тех ученых, которым ставят памятники. Перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Только вот когда? Только вот что на нем напишут? “Юрию Михайловичу Лотману, который не был членом Академии наук СССР, не был членом Российской Академии наук и был провален при выборах в Эстонскую Академию наук”?» [Баевский, 2007. С. 337]</p>

²⁷ Баевский В. С. Ю. М. Лотман – комментатор «Евгения Онегина» // А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Комментарии Ю. М. Лотмана и В. С. Баевского. СПб.: Вита нова, 2002. С. 627–681.

Стоит отметить, что некоторые лекции логически взаимосвязаны. Предыдущая перетекает в последующую. Так построены лекции об историках: сначала Баевский говорит об учителе – Соловьеве, а затем о его ученике – В. О. Ключевском, продолжившем дело своего учителя. Оба они оказали влияние на развитие исторической мысли России.

На основе имеющихся лекций мы определили структурные компоненты упомянутых очерков, выявив наиболее частотные. Мы выделили три структурных компонента (Таблица 2.2).

Для очерков важна достоверность: «недопустимы явные искажения биографического, исторического плана» [Симонова, 2002. С. 62]. Ключевой особенностью биографических очерков Баевского является документальное свидетельство, сохраненное архивными записями.

Таблица 2.2 – Структурные компоненты лекций

Сведения, связанные с судьбой портретируемого	Включает обязательные компоненты: биографические сведения; характеристику личности; научное наследие. Включает факультативные компоненты: педагогическое мастерство
Сведения, связанные с личностью автора очерка	Включает обязательные компоненты: автобиографизм; «знакомство» Баевского с персоной; отзыв читателя; ассоциативный рассказ; table-talk
Описание эпохи и науки	Включает описание исторической действительности, а также научной среды

Там, где Баевский не может привлечь свой архив (в лекции о Лотмане были представлены письма литературоведа из личного архива Баевского), он обращается к архивным записям своих героев. К примеру, Баевский рассказал, что А. Н. Веселовский вел дневники с 1862 по 1867 год, а потом – читательские тетради, он также цитировал записи из дневника В. О. Ключевского. Документальное свидетельство также может быть представлено библиографическими источниками и выражено с помощью цитации. Цитируются лирические отрывки (из А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова, Д. С. Самойлов), фрагменты из научных трудов героев лекций Баевского.

Можно отметить такой компонент, как «знакомство» Баевского с персоной. Оно может быть как реальным (в случае с Лотманом или Бухштабом), так и заочным (через кого-то или через что-то). Так, от своего друга Дж. Бейли Баевский услышал о Р. О. Якобсоне (Бейли был его аспирантом); из доклада Жданова Баевский впервые узнал имя Веселовского, а потом услышал его в институте: «И вот на первом семестре у нас читается курс русского фольклора. Читает Д. В. Чалов. Он читал серьезно, у нас был прекрасный учебник <...> И в учебнике был Веселовский. И главное – я слышу, что Чалый с большим уважением говорит о Веселовском, а в то время это было ну почти невыносимо. Если центральная печать дала политическую установку, так уже никак нельзя от нее отступать» [Баевский. А. Н. Веселовский. Видеозапись].

Для очерков Баевского нехарактерно строгое соблюдение хронологического принципа, который можно обнаружить в биографиях. Собственно биографическая часть очерка состоит из важных (в понимании Баевского) фактов, то есть можно говорить о том, что биографический очерк Баевского не всестороннее освещение жизненного пути. В центре очерка человек науки, поэтому эта сторона главная, подчиняющая другие аспекты. Баевский всегда очерчивает вехи жизни своих героев, а дальше акцентирует внимание на наиболее значимых событиях, составляющих собственно биографический структурный компонент. Например: «Наша сегодняшняя тема называется Эрнст Кречмер. Поставим хронологические рамки – 1888–1964. 76 лет прожил» [Баевский. Э. Кречмер. Видеозапись]. Иногда Баевский выделяет периоды деятельности своего героя. Так, деятельность Веселовского Баевский разделил на два периода (первая половина научной жизни – до середины 80-х годов. Вторую половину жизни он строит «Историческую поэтику»).

Стоит отметить, что не всегда Баевский может представить биографию своего героя. Говоря о Кречмере, Баевский признавался: «Я, к сожалению, ничего о нем не нашел. Не сейчас, а вообще. Я им очень интересовался. И хотел побольше о нем в человеческом смысле уже узнать, но не удалось. Причем, вот насколько я мог понять, нет его биографии, скажем, на немецком языке, хотя я не

могу себе этого представить. Ну, в общем-то я не нашел. А научная медицинская литература, которую он поднял, велика во всем мире» [Баевский. Э. Кречмер. Видеозапись]. При этом Баевский все равно упоминает детали из его биографии: «Он в двух университетах работал всю жизнь: в Тюбингене, где он родился, и в Марбурге, который нам так памятен по Ломоносову и Пастернаку» [Там же].

Баевский не демонстрирует портретных характеристик своих героев, но останавливается на отдельных качествах характера: «необыкновенно собранный, сосредоточенный» – Соловьев [Баевский. С. М. Соловьев Видеозапись], «человек блестящего остроумия» – Ключевский [Баевский. В. О. Ключевский. Видеозапись], «очень закрытый человек» – Веселовский [Баевский. А. Н. Веселовский. Видеозапись].

В ситуации отсутствия биографического материала основную роль на себя берет представление научного наследия героя очерка. Так, в лекции о Э. Кречмере это «Строение тела и характера» и «Гениальные люди», о Выготском – «Психология искусства», о С. М. Соловьеве – «История России с древнейших времен». Также Баевский останавливается на научных статьях своих героев: «Статуя в поэтической мифологии Пушкина», «Лингвистика и поэтика» Р. О. Якобсона.

Отметим, что в очерках можно выделить такой структурный компонент, как отзыв читателя-Баевского: «Дальше Выготский излагает теорию Шеррингтона. Вот Шеррингтона я читал. Кёлера или Роршаха я не читал, а Шеррингтона читал. Это психолог. Скажу вам, это увлекательное чтение» [Баевский. Л. С. Выготский. Видеозапись]. Причем отзыв порой перерастает в научный анализ. Так, Баевский говорит о «Психологии искусства»: «Все это очень интересно, это прекрасное литературоведение, но где же здесь психология? Временами он забывает о психологии. И просто представляет нам замечательный литературоведческий анализ проблемы. Он приводит такую параллель: в суде судья может использовать свидетельские показания, но верить он будет только уликам, только материальным каким-то явлениям. А тут что при анализе художественности в

литературе? Структура текста, отвечает он. Как будто бы он живет во времена Лотмана» [Там же].

Стоит отметить, что Баевский останавливал внимание и на трудностях, связанных с изданием произведений своих героев. Так, вышеприведенная «Психология искусства», которую Баевский характеризует как «структуральную психологию искусства» [Там же], была закончена в 1925 году, но напечатана лишь спустя 40 лет – в 1965 году. Причину Баевский видит в том, что «структурализм в советское время всегда был под подозрением» [Там же].

В целом очерки позволили Баевскому если не осветить подробности жизненного пути, то указать доминанту личности его героя и вектор его научной активности.

Еще одним значимым структурным компонентом является научная солидарность или несолитарность Баевского, обнаруживающаяся при анализе научного наследия героев очерков. К примеру, Баевский, ориентируясь на Соловьева, придерживался принципа достоверности научного исследования, в своих работах литературовед использовал информацию, подтвержденную достоверными источниками. «Непоколебимыми» для Баевского оставались основные идеи Веселовского, связанные с «Исторической поэтикой». Но Баевский был явно не согласен с разбором трагедии «Гамлет» Выготским: «Выготский разбирает трагедию “Гамлет”. Конечно, вы не думаете, что я буду пересказывать его анализ “Гамлета”. Нет, я вам скажу так: если я считал анализ легкого дыхания “Гамлета” убедительным, я бы, конечно, его пересказал в самых основных чертах. Но я не взялся бы, идя следом за Выготским, вас убедить» [Там же].

Стоит отметить, что среди ученых, о которых говорит Баевский, были те, что занимались преподавательской деятельностью. Поэтому в некоторых очерках можно выделить структурный компонент, обозначенный как педагогическое мастерство (как его наличие, так и его отсутствие). Например, Ключевский, по замечанию Баевского, обладал «лекторским даром», собирал актовые залы из студентов разных факультетов, а также приходивших из города, «которые хотели

знать историю своей родины» [Баевский. В. О. Ключевский. Видеозапись]. Противоположностью Ключевского можно назвать Веселовского, которому «нелегко давалось чтение лекций» [Баевский. А. Н. Веселовский. Видеозапись], порой он и вовсе не приходил на них, оставляя на дверях записку, что профессор болен (до тех пор, пока студенты не обращались с жалобой к декану). Баевский также рассказывал, что у Колмогорова было правило (его он тоже перенял от своего учителя – Н. Лузина), что «каждый аспирант имел свой день и час, когда он приходил и отчитывался в том, что он сделал за неделю» [Баевский. А. Н. Колмогоров. Видеозапись]. При этом Баевский говорит о себе: «Это идет абсолютно вразрез с тем, как я всю жизнь руководил аспирантами, но я думаю, я утешаю себя тем, что все-таки у математиков специфика другая, а гуманитарии должны во свободе работать» [Там же].

Через судьбы героев своих очерков Баевский упоминает о судьбах других ученых или писателей. Так, он сообщает, что А. Блок был студентом пятого курса, когда Веселовский напечатал свою биографию Жуковского: «И этот студент 5 курса написал замечательную рецензию на труд академика, причем первая половина рецензии посвящена обзору научного пути Веселовского. Вот таким филологом был Блок»²⁸ [Баевский. А. Н. Веселовский. Видеозапись]. Помимо сведений из жизни известных личностей, Баевский делится деталями и своей биографии, поэтому можно говорить о наличии такого структурного компонента, как автобиографизм. Так, в лекции о Выготском Баевский вспоминает события лета 1941 года, когда ему было 11 лет, немцы наступали на Киев и бомбили его. В частности, эти воспоминания отразились и в первой части «Романа...» С этим структурным компонентом связан факультативный – через свою биографию показать других людей. Так, в очерке о Кречмере Баевский упоминает своего учителя логики Г.Т. Чиркова, а в лекции о Выготском – «своего большого друга» [Баевский. Л. С. Выготский. Видеозапись] Д. С. Самойлова. При этом Баевский признается: «Я могу сообщить вам нечто такое, чего никто

²⁸ Упоминается монография А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» [Веселовский, 1904], на которую А. Блок написал рецензию.

другой вам сообщить не может. Самойлов был моим большим другом. <...> Однажды он сказал, что у него есть два читателя. Он сказал: два определяющих читателя, мнение которых ему, прежде всего, нужно знать, когда он знал, что написал вещь, которую считает достойной серьезного внимания, — Л. К. Чуковская и я» [Там же].

Еще одним обязательным структурным компонентом биографических очерков Баевского является table-talk. Например, в очерке о Р. О. Якобсоне Баевский приводит эпизод с М. Н. Ермоловой, которая, будучи уже в пожилом возрасте, на замечание «не вставать», ответила: «Это не я встаю, это мое воспитание встает» [Баевский. Р. О. Якобсон. Видеозапись]. Тот же эпизод обнаруживаем в начале очерка о Выготском, где Баевский приводит следующий ответ: «Это не я встаю, деточка, это мое воспитание встает» [Баевский. Л. С. Выготский. Видеозапись]. Что интересно, оба эти эпизода Баевский воспроизводит, когда студенты встают, приветствуя его в аудитории. При этом профессор признается: «Вы встаете, а я думаю, это их воспитание встает. Так что не знаю, но все-таки мне как-то немножко страшно» [Там же]; «Я вас все уговариваю не вставать, когда я вхожу, это же не лекция, а вы все равно встаете, это не вы, это ваше воспитание встает. Очень приятно» [Баевский. Р. О. Якобсон. Видеозапись].

Для Баевского в очерках характерен ассоциативный способ изложения, который проявляется в авторских размышлениях. Поэтому в качестве одного из структурных компонентов можно выделить ассоциативный рассказ. Так, размышляя о классиках и романтиках в науке, Баевский приходит к выводу, что романтиком в науке был Якобсон. Рассказывая о том, что Колмогоров подписал заявление о высылке из СССР А. И. Солженицына, Баевский переходит к размышлениям о критике поступков деятелей прошлого современным поколением: «У нас (у нас в Смоленске, я имею в виду) есть молодые люди даже из моих учеников, которые очень отважно в печати высказывают порицания крупным деятелям нашей культуры за то, что они не так вели себя в советское время, как следовало. А я читаю это и спрашиваю: ты живешь в постсоветское

время, всегда ли ты пишешь то, что думаешь, или не всегда? Потому что теперь журналисты, с которыми мне приходится говорить, жалуются, что нет свободы слова. Я им говорю: как, у нас есть свобода слова, я могу говорить то, что считаю нужным. Они не представляют себе, что было в то время» [Баевский. А. Н. Колмогоров. Видеозапись].

Контекстом изображаемого объекта становятся современная эпоха и научная среда, изменения в которой наглядно представлял в очерках Баевский. Поэтому важным структурным компонентом является исторический фон. Так, Баевский упоминает о событиях, произошедших на территории России: Крымская война, закончившаяся поражением, смерть Николая I, правление Александра II – все это обнаруживается в очерке о Ключевском. Но не только историю своей страны представляет Баевский. В очерке о Кречмере он вспоминает, как в 1940-м году немцы бомбили Лондон.

Сделав набросок исторической обстановки, Баевский обращается к обзору отечественной науки. В частности, в очерке о А. Н. Веселовском он рассказывает о формальной школе: «Русская формальная школа. В центре В. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и рядом О. М. Брик, Р. О. Якобсон, Б. В. Томашевский, П. Г. Богатырев и еще ряд замечательных ученых. И они вот пошли по этому пути: изучать не что, а как – механизмы, закономерности литературного произведения и литературы в целом. Еще в 20-е годы формальная школа развивалась, а уже начиная с 30 по 80 это было бранное слово. Формальная школа, формализм, ОПОЯЗ, но все-таки в это время в Тарту работал Ю. М. Лотман. И вот третья фаза для меня – это тартуский структурализм. Вот, я считаю, что я – продолжатель этой традиции...» [Баевский. А. Н. Веселовский. Видеозапись].

Таким образом, биографические очерки из цикла лекций для аспирантов «История науки в биографиях ученых» складываются благодаря представлению биографических, автобиографических, исторических фактов. Они выражаются документальными источниками (архивными документами (дневниками и письмами), воспоминаниями и свидетельствами современников) и обращением к

научным работам. Для биографических очерков В. С. Баевского характерно наличие сведений, связанных с судьбой портетируемого (биографические данные и характеристика его личности; научное наследие), а также сведений, связанных с личностью автора очерка (биография Баевского, особенности «знакомства» Баевского с персоной, читательский отзыв, переходящий непосредственно в научный анализ, table-talk и ассоциативный рассказ). Особое внимание уделено описанию исторической действительности и отечественной научной среды.

В целом рассмотренные очерки можно характеризовать как факт истории развития научной мысли литературоведения (Б. Я. Бухштаб, А. Н. Веселовский, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон), истории (В. О. Ключевский, С. М. Соловьев); математики (А. Н. Колмогоров), психологии (Л. С. Выготский, Э. Кречмер).

2.3. Реконструкция образа ученого и человека в письмах, адресованных В. С. Баевскому (на материале эпистолярного архива)

Большую часть наследия В. С. Баевского занимает эпистолярный архив, после смерти ученого переданный кафедре литературы и журналистики СмолГУ. Эпистолярный, сохраненный филологом, состоит из писем разного объема (от пары строк до нескольких листов формата А4, заполненных мелким почерком), телеграмм о предстоящих конференциях или приездах коллег и открыток по случаю какого-либо торжества от адресатов со всего мира. Смоленский литературовед находился в переписке с рядом выдающихся ученых своего времени, среди которых – Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, А. Л. Жовтис, Ю. М. Лотман, К. В. Чистов и др.; писателей – Ф. Д. Кривин, А. С. Кушнер, Д. С. Самойлов и др.

Эпистолярное наследие Баевского становилось предметом изучения в работах И. А. Королевой [Королева, 2019], Э. Л. Котовой [Котова, 2019], Л. В. Павловой и И. В. Романовой [2021], И. В. Романовой [Романова, 2020].

Так, И. А. Королева на основании эпистолярного дискурса А. В. Македонова составляет представление о личности смоленского ученого. Эпистолярный Македонова, по замечанию исследователя, «свидетельство самых искренних личностных доверительных отношений» [Королева, 2019. С. 114]. Эти отношения сложились, по замечанию Э. Л. Котовой, благодаря тому, что адресатов объединила «твердость нравственных позиций, готовность открыто отстаивать свою точку зрения, помогать талантливым молодым авторам найти свое место в литературе и исторический оптимизм, вера в необратимость демократических перемен в стране» [Котова, 2019. С. 99–100].

Л. В. Павлова и И. В. Романова говорят о сохранных в архиве письмах М. А. Красноперовой, с которой Баевского связывали «общность научных интересов и исследовательских принципов» [Павлова, Романова, 2021. С. 178], а также ее учитель – А. Н. Колмогоров, который написал отзыв на диссертацию ученого. И. В. Романова [Романова, 2020] представила свидетельства общения и дружбы Баевского с американским славистом Джеймсом Бейли. Общая тема, объединившая адресатов-филологов, – наука. Благодаря эпистолярному собеседники делятся впечатлениями о трудах по литературоведению и прошедших конференциях; рассказывают о проведенных исследованиях, издающихся статьях и монографиях; советуются по поводу предмета изучения.

Историю научной коммуникации в стиховедении между В. С. Баевским и М. Л. Гаспаровым на основе рецензий Баевского на монографии Гаспарова, некролога, посвященного памяти филолога, исследовал Е. И. Гусев [Гусев, 2019; 2020]. Он отмечает, что коммуникация двух литературоведов «способствовала синергии усилий по продвижению стиховедения как исследовательского метода, интеграции университетской и академической науки на благо развития гуманитаристики в России» [Гусев, 2020. С. 32].

На данный момент нами переведены в электронный формат письма от 48 персон, составившие в общем объеме 625 писем, а также письма из Российского фонда культуры, журналов (например, «Вопросы литературы»), кафедры литературы и др., многочисленные поздравительные открытки. В данном

параграфе мы предлагаем обзор эпистолярных текстов научного содержания, сохраненных Баевским, отражающих особенности его научного восприятия и творчества, воспринимаемых сквозь призму взглядов его адресатов.

Под эпистолярными текстами вслед за А. В. Курьянович мы понимаем «концептуально, информативно и прагматически значимые письменные речевые произведения» [Курьянович, 2012. С. 170]. Многие из сохраненных писем имеют не только научное, но и культурное, историческое и литературное значение – это яркие свидетельства эпохи, документальные источники информации, нашедшие отражение в ряде произведений Баевского («Роман одной жизни», «В нем каждый вершок был поэт...»). При этом, как указывал Ю. Тынянов, «из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы. Письмо, бывшее документом, становится литературным фактом» [Тынянов, 1977. С. 277]. Исследуемые письма несут в себе выражение общественного, духовного движения мысли, обладают, помимо научной, эстетической ценностью.

Одной из ключевых тем, прослеживающихся в письмах, является тема своего дела – научной деятельности, проявляющейся в написании статей, книг, рецензий, отзывов, помимо этого – в работе с заявками на гранты, консультациях для аспирантов и студентов, подготовке собственных и курировании научных докладов своих учеников. В одном из писем Баевскому К. С. Герасимов, один из ведущих сонетологов в мире, писал: «Живу наперегонки с секундной стрелкой» [Герасимов, письмо от 14.12.1988]. На наш взгляд, эту фразу можно применить и к деятельности Баевского, чья жизнь была такой же насыщенной (если даже не более насыщенной). В переписке с рядом коллег отразилась каждодневная многоаспектная научная и педагогическая жизнь литературоведа. Отметим, что Джеймс Бейли, профессор славянского языка Университета Висконсина в Мэдисоне, удивлялся большой нагрузке Баевского и его способности на все находить время: «Как Вы можете так много преподавать и в то же время так часто ездить на конференции и читать доклады?» [Бейли, письмо от 05.03.1989].

К сожалению, у нас нет писем, отправленных Баевским, но имеющиеся ответные письма позволяют реконструировать сюжеты жизни и творчества не

только собеседников Баевского, но и его собственные. Поэтому, на наш взгляд, эпистолярный из архива Баевского может быть изучен в аспекте отражения в нем фактов биографии ученого, а также истории создания отдельных научных работ, его философских, общественных и эстетических воззрений.

Итак, В. С. Баевского и его вклад в развитие литературоведения высоко ценили во всем мире. Так, в архиве ученого сохранилось письмо (на английском языке), направленное в ознаменование его 60-летия учеными из Университета Висконсина в Мэдисоне – Дж. Бейли и Дж. Т. Шоу (почетный профессор славянского языка). В нем отмечаются заслуги Баевского не только для русской, но и в целом для мировой литературы: «His works have shown him conscious of cultures and imperfect models, indigenous and foreign, from Puškin's time to our own (Его работы показали, что он осознает культуру и несовершенные модели, местные и иностранные, от времен Пушкина до наших дней [*пер. наш. – Ю. Б.*])» [Шоу, письмо от 07.09.1989]. Коллектив авторов также раскрывает особенности научного подхода литературоведа: «Professor Baevskij is meticulous and thorough in his scholarship, always makes a close reading and analysis of texts, and displays a great sense of grace and tact (Профессор Баевский дотошен и скрупулезен в своих исследованиях, всегда внимательно читает и анализирует тексты, проявляет большое чувство изящества и такта [*пер. наш. – Ю. Б.*])» [Там же].

Размышляя о методе Баевского, ученые называют его последователем методов таких ученых, как Ю. Н. Тынянов, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, К. Ф. Тарановский: «He has absorbed and applied methods which embrace those of Tynjanov, Jurij Lotman, Baxtin, and Taranovsky (subtext) and which include the “russian method” of Tomaševskij for studying versification, but he always does this Within a specific cultural and historical context (Он впитал и применил методы, которые охватывают методы Тынянова, Юрия Лотмана, Бахтина и Тарановского (подтекст) и которые включают “русский метод” Томашевского для изучения стихосложения, но он всегда делает это в определенном культурном и историческом контексте [*пер. наш. – Ю. Б.*])» [Там же]. По их мнению, для Баевского «<...> the literary work itself must be explained, interpreted, and

appreciated as a work of art (само литературное произведение должно быть объяснено, истолковано и оценено как произведение искусства [*пер. наш. – Ю. Б./*»]) [Там же].

Среди научного наследия Баевского как особенно ценные ряд литературоведов выделяет статьи о творчестве А. С. Пушкина, в первую очередь о его романе «Евгений Онегин»²⁹. Мастерство Баевского как исследователя «Евгения Онегина» признавала, например, Л. Я. Гинзбург. В одном из своих писем она высоко оценила статью «Время в “Евгении Онегине”», сравнив эту работу с исследованием Ю. М. Лотмана, на ее взгляд, менее удачным, чем разыскания Баевского: «Лотман, с такими изысками исследовавший “Евгения Онегина”, вдруг обнаружил грубейшее непонимание природы романа в стихах – удивительно! Это я насчет рассуждений о том, что Ленского, вероятно, хоронили как самоубийцу, чтобы Онегин мог избежать ответственности! Персонаж состоит из того, что счел нужным сказать о нем автор. Прочие домыслы подобны попыткам найти фас для головы, нарисованной в профиль. Это законы искусства. Вы прекрасно показали на материале всех этих календарных раскладок» [Гинзбург, письмо от 22.11.1983]. О «Времени в “Евгении Онегине”» говорит и А.Л. Гришунин: «Вы очень убедительно разрушили старинные иллюзии о строгой календарности “Евгения Онегина”» [Гришунин, письмо от 08.11.1985].

О Пушкине и исследованиях Баевского говорится в письмах от профессора кафедры славянских языков в Университете Висконсина в Мэдисоне Дж. Т. Шоу: «I liked your comments about the “simplicity” of Puskin, and that of later Pasternak. That type of apparent simplicity is, I think, the most difficult thing there is (Мне понравились ваши комментарии о “простоте” Пушкина и более позднего Пастернака. Этот тип кажущейся простоты, я думаю, является самой сложной вещью на свете [*пер. наш. – Ю. Б./*»])» [Шоу, письмо от 21.07.1996]. Стоит отметить, что при выдвижении кандидатуры Дж. Т. Шоу на должность профессора гуманитарных наук Диксона-Баскома в Университете Висконсина

²⁹ Статьи Баевского о Пушкине были собраны сначала в книгу «Сквозь магический кристалл: Поэтика “Евгения Онегина”, романа в стихах А. Пушкина», потом в «Пушкинско-пастернаковскую парадигму».

члены славянского отделения обратились к Баевскому с просьбой написать письмо поддержки профессору Шоу для этой должности и прокомментировать важность его вклада в изучение русской литературы. Как видно из следующего письма, Шоу эту должность не получил в силу большой конкуренции (29 преподавателей были номинированы на восемь должностей), но комитет высоко оценил написанное Баевским письмо-рекомендацию и просил использовать его при следующем выдвижении ученого на должность.

К Баевскому обращались за советом исследователи творчества Б. Л. Пастернака. Так, например, В. Беленчиков из Магдебурга прислал ученому рукопись книги о Б. Л. Пастернаке с просьбой посмотреть ее и «написать на одной странице краткое вступительное слово» [Беленчиков, письмо от 04.02.1997]. Беленчиков отмечает: «Все Ваши указания будут с благодарностью учтены. Все теоретические проблемы, затронутые в этой книжке, Вам известны лучше, чем мне» [Там же]. Помимо Пастернака, Беленчиков также просит у Баевского консультацию по авангарду: «Уважаемый Вадим Соломонович, у меня нет здесь никого, кто бы смог ответить на весьма сложные вопросы по эпохе авангарда, и потому решил обратиться к Вам» [Беленчиков, письмо от 21.02.1998].

Венгерская исследовательница Каленен Андрасне (Kalenen Andrasne), преподаватель русской литературы в педагогическом институте при Будапештском университете, прочитав статью Баевского о значении фольклора в поэзии Б. Л. Пастернака, в переписке обращается к ученому как к одному из крупнейших исследователей Пастернака, чье мнение для нее имеет значение. Исследовательница представила ряд своих положений, с некоторыми из них, судя по всему, Баевский был солидарен, потому что рядом на полях стоит отметка карандашом в виде знака «+».

Таковы следующие тезисы: «Я хочу указать на то, что лирическое переживание развёртывается не в традиционной форме, микромир и макромир одновременно появляется, историческое время, бесконечность и мгновение в единстве, в одновременном присутствии. <...> Где человек в этом мире? Главное,

что не в центре! Часть мира однородный с кем не он воспринимает мир, а мир раскрывает самого себя для человека (Степь). Мир живёт своей собственной жизнью. Интересная здесь позиция человека, который не активно переделывает мир, не пассивно, созерцательно относится к миру, а живет, как часть этого мира (“Сестра моя жизнь”) <...> Именно занятие с философией отражается в понимании связи мира и человека (неокантианство...). Философия Husserl – об этом Лазар Блейшман писал in Russian Literature – я думала сравнивать эту философскую лирику с философской лирикой XIX-го века (Ф. И. Тютчев, А. А. Фет). <...> Очень много думала о стихотворении “Памяти Демона” (почему Лермонтов? Почему Демон? Какой Демон? Куда приходил от Тамары? Тамара здесь уже умерла? Я думаю, это одно из его прекраснейших ранних стихов – только, к сожалению, я его не совсем понимаю). Я хочу сравнивать его поэзию с поэзией его современников» [Андрасне, письмо без датировки].

При этом напомним, что Пушкин и Пастернак – не единственные авторы, чье творчество интересовало Баевского. Как и коллеги из Мэдисона, Дж. Бейли отмечал широкий кругозор филолога: «У Вас удивительно широкие учёные интересы, всегда есть общий и глубокий культурный фон и всё у Вас получается свежо» [Бейли, письмо от 01.10.1989]. Смоленский филолог интересовался фольклором, сонетами, современной поэзией.

Исходя из переписки, К. С. Герасимов помимо сонетов интересовался мифологией: в переписке он задает Баевскому вопросы о домовых и водяных. Например: «Что Вы знаете о водяных? Я – ничего. И есть ли они вообще?» [Герасимов, без даты, ориентировочно – август-сентябрь 1988 года], «Спасибо за сведения о водяных – вы верите в домового? У нас они перевелись» [Герасимов, письмо от 09.09.1988].

Стиховеда С. И. Гиндина интересовал вопрос, как Баевский оценивает «силу безударных, отделенных от ударного более, чем двумя другими безударными слогами? Тоже единицей или меньшим числом?» [Гиндин, письмо от 11.01.1969], он также просил назвать «основные признаки романа в Вашем понимании» [Там же]. Филолог просит Баевского «почитать и покритиковать его

новую “историографическую” статью “В. Я. Брюсов о языковой приемлемости стиховых систем: стих силлабический, тонический, народный (по неопубликованным материалам 90-х годов)”» [Гиндин, письмо от 05.09.1969].

В целом в письмах содержится большое количество разнообразных просьб: прислать материалы конференции, сборники или оттиск статьи, написать отзыв на автореферат или диссертацию, посетить конференцию и выступить с докладом, написать рекомендательное письмо. И Баевский все это выполняет. В ряде писем коллеги благодарят ученого за написанную им рецензию, отзыв в журнале на их труд (статью, монографию, автореферат и т. п.). Например: «Очень благодарен Вам за присланные “Ученые записки”. Прекрасный том, говорящий веско, что по силам Вам и Вашей кафедре. Замечательно работаете!» [Свительский, письмо от 07.05.1999].

Баевский также получает благодарность за издания, которые ему удалось достать и переслать своему собеседнику: «Запоздало благодарю Вас за Некрасовский сборник и за Вашу статью в нем» [Гаспаров, письмо от 23.04.1978]. Ученый принимает похвальные отзывы о своих работах: «Сегодня мне прислали на отзыв из “Филологических наук” еще одну Вашу статью – о 5-стопном хорее; завтра буду писать на неё похвальный отзыв» [Гаспаров, письмо от мая 1968 года (без даты)].

Событием в литературоведении стал выход «Истории русской поэзии», написанной Баевским. Так, одноклассник и близкий друг ученого, писатель Ф. Д. Кривин сетовал: «Жаль, что ты не написал эту книгу шестьдесят лет назад. Мы бы могли по ней учиться. Ну, не шестьдесят, хотя бы пятьдесят пять. Но от тебя даже этого нельзя было требовать» [Кривин, письмо от 26.05.2005].

С большой радостью и теплотой коллеги встречали монографии Баевского о менее известных и потому реже встречающихся в исследованиях персонах, например смоленском писателе Н.И. Рыленкове или Д. С. Самойлове. О готовящейся монографии о Д. С. Самойлове Баевский сообщил своему коллеге, литературоведу из Оклендского университета И. Лилли, чему тот был рад: «Я рад Вашим успехам в области Пастернаковской текстологии, Вашей новости о

предстоящем выходе монографии о Д. Самойлове» [Лилли, письмо от 03.03.1986]. Барри Шерр, профессор, заведующий отделением русского языка и литературы Дартмутского колледжа Ганновера, когда книга о поэте вышла в свет, в переписке высоко оценил ее: «Получил Вашу превосходную книгу о Самойлове. Меня особенно интересуют страницы о биографии поэта. Много знаю о поэтах, которые родились ещё к концу прошлого столетия, но, хотя читаю много современных стихотворений, только после чтения Вашей книги имею конкретное понятие о жизненном пути поэта этого поколения» [Шерр, письмо от 24.11.1987].

Издание Баевским Н. И. Рыленкова в «Библиотеке поэта» было высоко оценено А. Л. Гришуниним: «Хорошо себе представляю, какой титанический труд вложили Вы в эту книгу. После этого Вы можете уже не именоваться “юным текстологом”. И еще вот что важно: Ваше это издание – очень и очень надолго (если не навсегда) останется главным изданием Н. Рыленкова» [Гришунин, письмо от 07.02.1982].

Наиболее часто в переписке с коллегами встречаются темы из области стиховедения. В письмах обнаруживаются трудности, с которыми пришлось столкнуться ученым-стиховедам. Стиховедение было достаточно молодой наукой, не признававшейся советским литературоведением долгие годы в силу нового подхода (названного «формализмом») – изучения литературы с помощью математических методов анализа, что рассматривалось как безыдейное, даже пустое занятие в условиях советского идеологического диктата.

Баевский одним из первых стал заниматься изучением стиха с помощью математических методов. Подобная методика вдохновляла его коллег. Например, С. И. Гиндин высказывал восхищение этим методом: «пушкинско-ЭВМовский замысел потряс своей неожиданностью и при этом – полной логичностью, а диссертационный – просто порадовал, ибо не знаю никого из стиховедов, кто был бы так в курсе современной поэзии, как Вы, и никого из литературоведов и критиков, кто обладает таким стиховедческим багажом» [Гиндин, письмо от 31.12.1970]. Подробно свою работу, основанную на математической статистике, Баевский представил в диссертационном исследовании. Отметим, что одним из

ведущих в нескольких эпистолярных текстах был вопрос о предстоящей организации защиты его докторской диссертации. Например, о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Баевскому, знал писатель и литературовед А. Л. Жовтис, который, в свою очередь, всячески подбадривал ученого. Так, одно из писем – это реакция на то, что Лотман предложил Баевскому в качестве места для защиты Тартуский университет: «Рад, что Лотман и тартусцы оказались столь оперативными. Никаких сомнений в результатах быть, конечно, не может. Говорю это не в порядке подбадривания, а потому, что оцениваю конкретную ситуацию в Тарту. А вот в ВАКе лотманианская работа, пожалуй, полежит. Но тут уж ничего не поделаешь» [Жовтис, письмо от 04.01.1975].

В переписке с А. Л. Жовтисом находит отражение и «война», развязавшаяся между стиховедами. В ИМЛИ стиховедение представляли Б. П. Гончаров и В. В. Кожин. Гончаров напал на Ю. М. Лотмана, предъявляя ему демагогические обвинения. Баевский не мог остаться в стороне, поэтому вместе с П. А. Рудневым опубликовал статью в поддержку Лотмана. От этой «войны» и предостерегал Баевского Жовтис: «Вы с Петром Александровичем некоторыми своими НЕАККУРАТНЫМИ формулировками и даже презрительным подтекстом провоцируете его [Гончарова. – Ю. Б.]. А что касается его самого, то – боюсь, что сформируется из него нечто очень скверное!» [Жовтис, письмо от 24.09.1977]; «...надо очень хорошо учитывать РЕЗУЛЬТАТ огрызания (в том числе и защищаемого). Полуоткрытое размежевание в конечном счете ведет к плачевным итогам. По моему глубокому убеждению, делать так не следует. Не развязывайте Гончарову руки своим презрением!..» [Жовтис, письмо от 23.10.1977]. Баевский в «Романе...» вспоминает, что прошло два года со времени защиты, а ее результат еще не был утвержден ВАКом. Причина крылась в том, что в ВАК поступил написанный Б. П. Гончаровым, подписанный Л. И. Тимофеевым уничтожающий отзыв о его диссертации. Тем не менее звание доктора Баевский все же получил, с чем его поздравляли коллеги. В своем письме М. Л. Гаспаров признается: «На конференции в ИМЛИ я услышал: Вас утвердили в докторской степени. Поздравляю! (Подумал и спросил себя: с чем? С административным актом?

И ответил себе: С тем, что даже профессионально чужие и профессионально скучные люди поняли, что Вы большой ученый – между тем как мы, не чужие и – надеюсь – не скучные Вам, знали это и радуемся этому уже давно). Пусть от этого события Вам станет легче жить и удобнее работать» [Гаспаров, письмо от 02.02.1977].

Со временем стиховедение все же заняло свое место среди актуальных научных исследований, вышедших из подполья. Так, например, Дж. Бейли настаивал на написании книг по стиховедению: «Мы, стиховеды, считаем, что русское стихосложение лучше изучено и объяснено, чем стихосложение любого другого европейского языка, но, кажется, мы пишем только для себя, значит, наша работа – это работа для узкого кружка людей <...> Вам не кажется, что пора писать более популярные книги и статьи о русском стихе? Иначе наша наука не дойдет даже до “высшего” читателя по филологии» [Бейли, письмо от 23.03.1988].

О связи стиховедения и текстологии Баевский писал Гришунину, который, в свою очередь, отмечал следующее: «Об этом я, действительно, думал, и в моих текстологических папках есть даже подборка материалов по стиховедению, хотя слишком больших точек или плоскостей соприкосновения я пока не нашел» [Гришунин, письмо от 09.12.1978].

В переписке обнаруживается и выражение надежды на создание «смоленской филологической школы»: «хочется надеяться на лучшее, в частности – на то, что “смоленская школа” стиховедов будет Вами все же создана» [Гиндин, письмо от 26.06.1969]. Отметим, что Смоленск назван Гаспаровым «одним из гнезд нынешнего стиховедения» [Гаспаров, письмо от 04.06.1969]. Стиховедение действительно объединило ученых из разных уголков мира. В. С. Баевский создал научный центр по изучению стихотворной речи на кафедре истории и теории литературы СГПИ, где организовывал научные конференции, на которые с удовольствием съезжались его коллеги. Так, М. Л. Гаспаров писал: «Очень рад, что конференция состоится, и с величайшей готовностью приеду» [Гаспаров, письмо от 05.05.1969].

Зачастую в переписке отражаются и научные дискуссии, рожденные после посещения конференций или чтения научной работы одного из собеседников и продолжающиеся в письмах, возникшие в свете свежих научных новостей. Так, обнаруживаются две точки зрения на природу сонета – Баевского и Герасимова. В письме Герасимова читаем: «Что же касается Вашего особого мнения о том, что сонет – твердая строфическая форма, а не жанр, то я далеко не одинок в своем мнении о том, что сонет далеко перерос наименование “строфа” и по праву может считаться одним из жанров поэзии, философской по преимуществу <...> Впрочем, называя сонет строфой (твердой) или жанром мы в обоих случаях правы, исходя в первом случае из особенностей структурных, во втором – имея в виду особенности функциональные» [Герасимов, письмо от 12.12.1985]. В этом же письме Герасимов добавляет: «Каждый из нас имеет право на свое мнение, что вовсе не должно быть помехой добрым нашим отношениям и совместным поискам истины, которая, кстати, многолика, позволяя каждому из нас ошибаться или быть правым по-своему» [Там же].

Не совпали точки зрения на В. Г. Белинского у Баевского с литературоведом из Осло Г. Хьетсо. Судя по переписке, норвежский ученый «возненавидел Белинского еще с Баратынского. Меня, кажется, кроме разве Егорова, поддерживают только украинцы. <...> Они вполне справедливо жалуются на то, что Белинский не оценил Шевченко, придерживаясь “надменности” великороссов по отношению к Украине. Впрочем, опять возможно, что я смотрю на него субъективно. Я всегда люблю того писателя, о котором пишу (и новое хорошо не понимаешь!) И считаю себя в какой-то мере его адвокатом, когда на него несправедливо нападают. Но я, разумеется, уважаю Вашу точку зрения. Вообще я учусь у Ваших писем. Спасибо!» [Хьетсо, письмо от 21.06.1988]. Несмотря на различие научных взглядов, у собеседников сохраняется дружественный тон писем, в которых каждый ученый оставляет за собой право сохранения своей точки зрения и уважает мнение оппонента.

В переписке можно обнаружить реакцию на работы Баевского, вызвавшие вопросы или даже несогласие у его коллег. Так, С. Гиндин признавался, что из

работ Баевского «Структурализм в литературоведении» оказал на него меньшее впечатление: «Списки проработанной литературы производят титаническое впечатление, но что “Творчество Рабле” Бахтина – структурализм, Вы меня так и не убедили» [Гиндин, письмо от 22.07.1969]. Но Гиндин высоко ценил «Структуру лирического стихотворения» и «К изучению ритмики (акцентуации) русского стиха» [Там же].

Баевский вел переписку не только с уже состоявшимися в науке учеными, но и с теми, кто начинал свой путь. Так, в архиве хранятся два письма от аспирантки Педагогического университета Карла Фридриха Вильгельма Вандера (Дрезден) Риты Пенцель (Rita Pensel), которая занималась творчеством В. Л. Кондратьева. Для исследовательницы имело значение, как Баевский оценивает «восприятие произведения Кондратьева советским читателем (Какая у него популярность? Какие круги его читают? Есть ли его первый сборник “Сашка” в библиотеках? Какие есть мнения? Его произведения включены ли в учебную программу учеников или студентов?)?» [Пенцель, письмо от 21.03.1985]. Причина заинтересованности мнением именно советского читателя кроется в том, что «У нас в ГДР его [Кондратьева. – Ю. Б.] до сих пор почти не знают, так как только два произведения переведены на немецкий язык» [Там же]. В следующем письме, видимо, содержался ответ Баевского, которому аспирантка была благодарна: «Большое Вам спасибо за Ваши ответы на мои вопросы и просьбы. Последние произведения Кондратьева и статью Лазарева прочитала, остальное, что Вы мне сообщили о материалах, для меня является деловым и по всей вероятности не нужным» [Пенцель, письмо от 25.04.1985].

Стоит отметить, что даже на расстоянии (не только в масштабах СССР, но в рамках всего мира) степень научного влияния Баевского, нашедшего отражение в эпистолярном общении, трудно переоценить. На протяжении всей своей жизни литературовед откликался на приходящие к нему письма (как от ведущих ученых, так и от восторженных учеников своих коллег), делился своими работами, давал советы и рекомендации, писал отзывы и рецензии, поддерживал, принимал активное участие в совместной научной работе многочисленных конференций.

В свою очередь Баевский тоже обращается к коллегам за советами. Так, к Б. Я. Бухштабу литературовед обратился с поздними стихами А. Ахматовой: «Буду рад, если смогу чем-то восполнить Ваше понимание поздних стихов Ахматовой, но сомневаюсь в этом» [Бухштаб, письмо от 29.01.1972]. Судя по переписке с Герасимовым, Баевский просил у него помощи с архивом Пастернака в Музее дружбы народов в Тбилиси: «Архив Пастернака в Музее дружбы народов (название, с моей точки зрения, нелепое: дружба – в музее...) запрятан надежно, на нем сидят некие особы, желающие высидеть нечто для себя весьма полезное, а посему ревниво относящиеся к попыткам “посторонних” проникнуть в эти закрома. Я окажу Вам помощь всеми имеющимися у меня средствами. <...> Гарантировать проникновение Ваше в подzemелья Музея я не гарантирую, но на всякий случай запаситесь бумагой типа “Сезам, откройся”. Я с Вами во всем – за исключением взлома сейфов» [Герасимов, письмо от 01.11.1982].

Баевский за время своей работы написал ряд статей-воспоминаний о коллегах. Одна из них посвящена Б. Я. Бухштабу. В целом воспоминания о нем высоко оценила Л. Я. Гинзбург. Правда, в переписке с Баевским исследовательница указывает на фактические неточности. Она пишет, что «Сын Б. Я. не был пехотинцем; он был санитаром, служил в одном из сталинградских госпиталей, где и погиб» [Гинзбург, письмо от 22.10.1986]. Гинзбург делает замечание по поводу характера ученого: «Не был человеком “необыкновенно добрым и мягким”. У него была мягкая, вернее, не мягкая, а изящная манера поведения. Он был человек твердый и скорее холодный» [Там же]. Отметим высокую оценку последующих опубликованных воспоминаний о Бухштабе его учеником, профессором И. Г. Моргенштерном, который, в свою очередь, отметил, как верно Баевский передал мироощущение своего учителя: «У Вас удивительно точно передано миро- и самоощущение человека, который ни страну, ни “времена” не выбирал, и тем не менее не только образовал себя сам, но и среду вокруг себя. И которому нет нужды переживать, что его “не ценят”» [Моргенштерн, письмо от 08.11.2004].

Баевский был активным участником не только научной жизни, но и живого литературного процесса. Он, как говорится, держал руку на пульсе. В архиве В. С. Баевского хранятся письма А. С. Кушнера. Они ценны тем, что писатель делится с ученым своими переживаниями, рассказывает, как ему трудно привыкнуть к тому, что о нем «пишут как о преступнике, уголовнике...» [Кушнер, письмо от 25.02.1999]. Отсюда его мысли о критике: «Вот что выяснилось на собственном опыте: в советское время злобная критика воспринималась, как государственный заказ, да она и была им, как правило, – и потому, дурно сказываясь на твоих делах, не была так унижительна. А сегодня, когда общественного мнения нет, ты остаёшься наедине с ложью или подлостью и совершенно беззащитен. Разумеется, это издержки свободы, которую мы обрели, но жить с ней не научились» [Там же].

В переписке находят отражение и совсем ненаучные аспекты, например, упоминается увлечение Баевского футболом, о котором узнали и его коллеги. Так, К. Герасимов в одном из своих писем признается: «...готовил для Вас автограф Д. Кипиани на мяче» [Герасимов, письмо от 08.02.1989]. В переписке с Гришуниным обнаруживается еще одно увлечение Баевского, о котором также упоминается в первой части «Романа...», – шахматы: «Поздравляю Вас с шахматным Вашим чемпионством. Я шахматы давно бросил, так как по азартности своей отдавал им слишком много времени, которого ни на что не хватает» [Гришунин, письмо от 17.04.1983]. Отметим, что упомянутые в письмах сведения позволяют говорить об эпистолярной как источнике не только мемуарном, но и автобиографическом.

На наш взгляд, скрепляющим мотивом ряда писем является мотив тесного сотрудничества, зачастую – дружбы собеседников. Так, Гаспаров признается: он рад, что «наше товарищество – мне очень хочется сказать: дружба – живо, как и вначале» [Гаспаров, письмо от 15.01.1990]. Баевский старался поддерживать своих собеседников не только в радостные минуты, но и когда те переживали горестные события своей жизни. Так, за поддержку ученого благодарит советский фольклорист К. В. Чистов: «Сердечное спасибо за дружеское сочувствие: оно так

нужно нам сейчас, когда только начинает по-настоящему осознаваться, что Беллы действительно нет с нами. Мне очень дорого Ваше сочувствие еще и потому, что Белла питала к Вам и Леночке самые дружеские чувства, попросту говоря, любила вас. Ваше появление в нашем доме и ваши письма всегда были для нас праздничным событием» [Чистов, письмо от 27.08.1999].

Безусловно, обзор научной переписки, сохраненной в архиве В. С. Баевского, позволяет обозначить в качестве основных такие концепты, как научная и педагогическая деятельность, дружба. Среди черт характера Баевского выделяется его отзывчивость к коллегам и ученикам, преданность делу даже в условиях идеологической цензуры, научная скрупулезность и четкость при выборе метода исследования, структурированность в изложении выводов исследования. Помимо научной составляющей, в письмах отражаются жизненные перипетии смоленского ученого (проблемы на работе, трудности при организации защиты докторской диссертации). Эпистолярный Баевского является биографическим источником, позволяющим на основе документальных свидетельств реконструировать события не только науки, но и жизни писателя, дополнить и прокомментировать его произведения, в частности, «Роман одной жизни», в который включен большой массив сохраненных писем.

Выводы по второй главе

Table-talk, очерки В. С. Баевского, сохраненный эпистолярный рассматриваются нами в контексте художественно-документальной прозы писателя.

В своем творчестве Баевский активно обращается к table-talk – промежуточному жанру (между художественной литературой и фольклором), представленному в следующих формах: цитата-выписка, заметка, филологический анализ, афоризм, анекдот (исторический (политический и анекдот-персоналия), профессиональный (педагогический и медицинский),

бытовой). Самым распространенным становится исторический анекдот, представленный двумя типами – политическим и анекдотом-персоналией с персонажами – историческими личностями (И. В. Сталин и его приближенные, А. Гитлер), представителями литературной среды (А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, Д. С. Самойлов, А. Т. Твардовский), представителями музыкальной (И. Стерн, Л. Стоковский) и художественной (О. Ренуар) среды, а также учеными (в основном филологами: Б. Я. Бухштаб, Ю. М. Лотман).

В. С. Баевский был непревзойденным лектором. Его курс лекций для аспирантов «История науки в биографиях ученых» был основан на составленных им биографических очерках. Материал некоторых очерков (о Б. Я. Бухштабе, Ю. М. Лотмане) опирался на ранние публикации, в частности отраженные в «Романе одной жизни», однако большая часть историй представляет новый материал. Для биографических очерков В. С. Баевского характерно наличие сведений, повествующих о судьбе портретируемого (биография героя очерка и характеристика его личности; представление его научного наследия, педагогическое мастерство), о личности Баевского (биография автора очерка, читательский отзыв, научный анализ, table-talk и ассоциативный рассказ); описание исторической действительности и отечественной научной среды.

Баевский состоял в переписке с видными учеными и писателями XX–XXI веков. В эпистолярной как свидетельстве эпохи отражены вопросы теории и истории литературы (стихovedения), текстологии. Благодаря письмам можно проследить судьбы известных людей, понять их отношение к историческим и литературным событиям. Архив позволяет расширить представление о жизненной и научной биографии Баевского, дополнить образ, сформированный в его автобиографической прозе, такими чертами, как внимательность и отзывчивость по отношению к коллегам и ученикам, преданность делу и стойкость даже в самых неблагоприятных условиях, а также высокая авторитетность его мнения, признание исследований в мировой науке о литературе.

Эпистолярный представляет документальную основу, которая позволяет дополнять и комментировать прозу Баевского, особенно «Роман одной жизни».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [Баевский, 2007. С. 151] – высказывание, принадлежащее В. О. Ключевскому и высоко ценившееся смоленским литературоведом и писателем В. С. Баевским. Его подтверждает вся жизнь писателя, наполненная фактами и событиями: «Судьба русской литературы – это и моя судьба» [Редколлегия, 2014. С. 302]. В своем художественно-документальном творчестве В. С. Баевский стремился к достоверному, но при этом художественному представлению мемуарного и автобиографического материала.

Особенность художественно-документальной прозы В. С. Баевского заключается в синтезе документального и художественного начал. Для нее характерна историческая и фактуальная составляющая в основе произведения, выраженная благодаря реальному факту, использованию документа. Писатель фактографически точен в указании мест действия и времени изложенных событий (нет вымышленных мест и событий). Автор в художественно-документальной прозе – активный участник и свидетель описываемых событий, стремящийся представить собственную точку зрения, дать индивидуальную оценку произошедшего. Все персонажи – реальные люди, нет обобщенных или типичных образов литературных персонажей. Для произведений Баевского характерен художественный стиль изложения, который предполагает повествование с использованием средств художественной выразительности, монологов, портретов, создание сквозных образов и мотивов, построение композиции и т. д.

Художественно-документальная проза В. С. Баевского объединяет следующие жанры: мемуарно-автобиографический роман, автобиографическая повесть, мемуарный очерк, написанный в форме литературного портрета или биографического очерка, table-talk.

Наиболее полно творчество Баевского представлено в «Романе одной жизни», соединившем написанные в разное время отдельные автобиографические

и мемуарные произведения. В названии романа заключено и жанровое определение. Все – от автобиографических повестей до мемуарных очерков и стихотворений – должно читаться как единый текст. Главной повествовательной доминантой в нем является не только жизнь автора и людей, встретившихся на его пути, не только жизнь его страны, но его роман с литературой, с наукой, с самой жизнью. Выстроенные в своеобразный «хронологический ряд», главы романа представляют панораму событий XX – начала XXI века, свидетелем и активным участником которых был В. С. Баевский. В «Романе одной жизни» выделяется автобиографический нарратор, который объединяет в себе автора, рассказчика и героя.

«Роман одной жизни» – мемуарно-автобиографический роман, совмещающий лирику и мемуарную прозу с элементами автобиографизма. Главы романа зачастую начинаются со стихотворного эпиграфа, в прозаический текст, в часть «События», Баевский включает свои стихотворения из книги стихов, отдельные части романа наполняют стихотворные строки других поэтов.

«Роман одной жизни» совмещает документальное и художественное начала. Документальность в «Романе...» связана с введением документальных свидетельств: упоминаний невыдуманных исторических событий, явлений социальной и культурной жизни страны, реальных людей, в большинстве своем представителей сфер науки и литературы, а также с обращением к архивным материалам (дневникам, письмам). Реализовать документальное повествование в романе позволяет опора на дневник писателя, который Баевский вел всю свою жизнь и который можно рассматривать как главный документальный источник, а также привлечение эпистолярного архива.

Правдоподобие романа создается благодаря биографической достоверности, описанию своей истории жизни и выражению собственных свидетельств об исторических событиях (Великая Отечественная война, жизнь в эвакуации, перестройка), а также о проблеме свободы (цензура в науке и литературе). Роман воспринимается как осмысление трагических изломов жизни не только Баевского и его семьи, но и целого поколения его эпохи. Это отражено в судьбе русской

литературы (в первую очередь в лице Б. Л. Пастернака, Д. С. Самойлова) и филологической науки (где выделяются судьбы М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, А. В. Македонова).

Функцию документальной составляющей в «Романе...» выполняет время – биографическое и историческое. Биографическое время позволяет увидеть жизненные этапы рассказчика и его семьи (от детства до старости). Историческое время находит отражение в событиях – смене эстетических (Античная, Средневековая, Ренессанс) и социально-политических эпох (Советский Союз, Российская Федерация). И эта смена влечет за собой изменения в обществе (Великая Отечественная война), науке и культуре (цензура).

Другим свидетельством достоверности фактического материала являются упоминаемые реалии разных типов. Они выполняют функцию географических, хронологических, культурных координат, в многомерном пространстве которых разворачивается повествование. Вот эти основные координаты:

- 1) географические: СССР, Эстония, Америка; более частные: Харьков, Одесса – детство; Ашхабад – эвакуация; Киев – студенчество, послевоенная жизнь; Донбасс – работа в школе и появление своей семьи; Смоленск – научная и педагогическая деятельность; Санкт-Петербург и Тарту – наука; Нью-Йорк – путешествия и работа в архиве;
- 2) хронологические: преобладают реалии советского быта, строя и идеологии (пионер, коллективизация, партия, НКВД, ЦК, донос, концлагерь);
- 3) научные: Педагогический институт (Киев), Тартуский университет (Тарту), Смоленский педагогический институт (Смоленск); Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотман, А. В. Македонов, С. А. Рейсер, П. А. Руднев, В. А. Сапогов;
- 4) культурные и литературные: А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, А. С. Пушкин, Д. С. Самойлов, А. Т. Твардовский; Л. Н. Толстой; А. Дюма, Г. Гессе; Юрий Живаго, Евгений Онегин; памятник А. С. Пушкину в Москве, дома-музеи М. Цветаевой, И. Тургенева.

В «Романе одной жизни» Баевский создает собственную концепцию образов поэтов и филологов благодаря обращению к мемуарным очеркам, написанным в форме литературных портретов. Это и история литературы и науки в XX веке, представленная через призму судьбы русской литературы и литературоведения. В отдельных литературных портретах больше внимания уделено фактам биографии (Д. С. Самойлов, А. В. Македонов), в других, за неимением биографического материала, акцент делается на качествах характера портретируемого, а также эстетических взглядах и основных трудах (Л. Я. Гинзбург). Автор при этом обращается к архивным записям (дневникам, письмам). Комментарии Баевского, его отступления и научный анализ, а также элементы его биографии уместно вплетаются в повествование, тем самым расширяя представление о предмете разговора.

Несмотря на наличие документально-автобиографической основы, «Роман...» остается художественным произведением на уровне композиции и языковом уровне. Внешнюю композицию организуют эпитафии и многочисленные цитаты из русской классики (из А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. И. Тютчева) и Библии, зарубежной литературы (Р. Киплинг). Обращение к ним позволяет продемонстрировать интертекстуальные связи «Романа...»

Писатель включил в «Роман...» и свои стихи. Прозу и лирику объединяют общие темы (войны, послевоенной действительности, сложностей реализации в научной сфере, цензуры), образы (поколения людей, выживших в войне, «проклятых» 80-х и «роковых» 40-х), порой целые события (издание «Доктора Живаго» в России, отмена цензуры). Это позволяет рассматривать стихи как еще один способ изложения прозаического сюжета. Особо выделяется мотив исповедальности, ярко выраженный в лирике и в эпитафиях, что придает исповедальность и прозе, отчасти ретроспективно. Стихотворное изложение благодаря наличию литературных подтекстов (Б. Л. Пастернак, Н. С. Гумилев) или стилизаций (М. Ю. Лермонтов) приобретает обобщенное, универсальное звучание.

В творчестве В. С. Баевского очень распространен table-talk – промежуточный жанр, находящийся между художественной литературой и фольклором. Мы предлагаем собственную классификацию, построенную на сюжетно-тематическом принципе. Table-talk представлен в таких формах, как цитата-выписка, заметка, филологический анализ, афоризм, анекдот (исторический (политический и анекдот-персоналия), профессиональный (педагогический и медицинский), бытовой).

Самым распространенным у Баевского становится исторический анекдот, восходящий к традиции А. С. Пушкина, который мы разделили на политический и анекдот-персоналию. Среди действующих лиц выступают:

- 1) представители политической и общественной сферы (И. В. Сталин и его приближенные, его противник – А. Гитлер);
- 2) представители отечественной и зарубежной литературной среды (А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, Д. С. Самойлов, А. Т. Твардовский, Л. Н. Толстой; Э. Хемингуэй);
- 3) представители литературоведческой среды (Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, А. В. Македонов, Ю. М. Лотман);
- 4) представители музыкальной сферы (Т. Бичем, В. А. Моцарт, И. Стерн);
- 5) представители зарубежной художественной среды (О. Ренуар).

Table-talk Баевский включает и в более сложный жанр, например роман. В нем они выступают как элементы, связующие тематически разные эпизоды, позволяющие наиболее полно представить изображенную личность (например, анекдоты Е. Л. Ланна, эпизоды, связанные с Д. С. Самойловым).

Мемуарные очерки Баевского могут быть представлены посредством биографических очерков. Наиболее ярким свидетельством этому стал курс лекций для аспирантов «История науки в биографиях ученых». Материал некоторых очерков (о Б. Я. Бухштабе, Ю. М. Лотмане) опирается на ранние публикации, отраженные в «Романе одной жизни», но не повторяет их целиком: обнаруживаются уникальные эпизоды, не встречающиеся в романе и демонстрирующие новые грани изображаемой личности.

Принципы построения биографических очерков, вошедших в состав «Романа...» и лекций об ученых из цикла «История науки в биографиях ученых», одни и те же. Все очерки имеют структурные компоненты трех типов. К первому относятся сведения исключительно о герое очерка: биография, характеристика его личности, представление и оценка его научного (педагогического) наследия. Ко второму типу – автобиографические сведения: обстоятельства знакомства с героем (реального, заочного), читательский отзыв, переходящий в научный анализ, table-talk и ассоциативный рассказ. Третий компонент – описание исторической действительности и отечественной научной среды.

Важной документальной основой, комментирующей прозаическое наследие В. С. Баевского, является сохраненный им эпистолярный архив. Баевский состоял в переписке с представителями разных научных школ со всего мира, с видными писателями эпохи. Эпистолярный архив находит отражение в его творчестве, в первую очередь в «Романе одной жизни», а также в работах о Б. Л. Пастернаке и Д. С. Самойлове. Письма дополняют, а зачастую – комментируют его прозу. Так, темы, отраженные в переписке, обнаруживаются и на страницах указанных произведений (трудности защиты диссертации, обсуждаемые с М. Л. Гаспаровым, А. Л. Жовтисом, Ю. М. Лотманом; травля Пастернака и поддержка его Баевским, упоминаемые в письмах Ю. М. Лотмана; обсуждение проблем стиховедения и применения статистических методов изучения стихотворной речи с М. Л. Гаспаровым). Помимо этого, в письмах отражаются судьбы адресатов ученого, представлена реакция людей из интеллигентной среды на разные исторические (включая литературные) события.

Письма также содержат много информации, которая позволила сделать выводы о человеческих качествах Баевского, ценившихся другими людьми, и тем самым реконструировать образ смоленского ученого. Баевский – чрезвычайно трудолюбивый человек, преданный науке. Его многогранные научные интересы позволяли ему консультировать молодых филологов, оценивать работы своих коллег, тем самым Баевский поддерживал научную преемственность. В письмах высвечиваются такие черты Баевского, как отзывчивость и при этом скромность,

требовательность к себе, уважительное отношение к собеседнику вне зависимости от его статуса (аспирант или европейский коллега), мудрость, человечность и умение поддержать как словом, так и делом. В письмах его образ строится почти исключительно в парадигме науки, а не писательства. В целом эпистолярный архив демонстрирует масштаб личности смоленского филолога как высоко оцененного мировым сообществом исследователя и человека, что является важным дополнением к реконструкции образа Баевского, полученного на основе его художественно-документальной прозы.

Значимость Баевского не только для литературоведения, но и для Смоленска, где ученый проработал большую часть жизни, оценил в одном из своих писем А. Л. Гришунин. По замечанию текстолога, Баевский для него «в Смоленске – главный человек, и Смоленская земля, на мой взгляд, должна была бы чтить Вас совершенно по-особому» [Гришунин, письмо от 01.10.2001].

Безусловно, аспекты, рассмотренные в предложенном диссертационном исследовании, не исчерпывают, а открывают перспективы изучения творчества В. С. Баевского.

Своеобразие Баевского-писателя мы видим в том, что он был в первую очередь ученый. Поэтому в его художественном творчестве, даже поэтическом, так сильно документальное начало (достаточно упомянуть таких ученых-филологов, которые отличились на писательском поприще, как Л. Лосев, А. Жолковский, Вл. Новиков, а до них, в каком-то смысле, Л. Я. Гинзбург и Д. С. Лихачев и др.). Возможно, художественно-документальная проза ученых-филологов – это особый тип художественно-документальной литературы, но это уже тема отдельного исследования.

В жанровом отношении художественно-документальная проза Баевского представляет собой сложное сочетание жанров мемуарно-автобиографического романа, автобиографической повести, мемуарного очерка, лирического стихотворения, стихотворения-посвящения, стихотворения-эпиграммы, table-talk, представленных преимущественно в форме исторического анекдота. Выделяются

разные формы бытования фрагментов этой прозы вплоть до лекций. При этом художественная проза Баевского документальна и научна.

Главной источниковедческой базой для всего: и прозы, и стихов, и научных работ – является дневник. Это основа всего творчества (художественного и научного) Баевского. Значит, дневник был важнейшим свидетелем времени и собственной жизни – еще до профессионального и творческого самоопределения. И даже последним, что в своей жизни Баевский написал (но не увидел опубликованным), была проза «Из дневника двух тысячелетий (Давид Самойлов и другие)» [Баевский, 2014] о рождении книги о Д. С. Самойлове. Проза о прозе. На основе дневника, что очень символично, на наш взгляд. В целом художественно-документальную прозу В. С. Баевского можно рассматривать как единое художественное пространство, которое фиксирует понимание автором исторического, культурного и научного процесса XX–XXI веков.

«Истинный филолог не создает поэзии <...> но служит ей, изучает ее, рассказывает о ней, живет и умирает для нее» [Баевский, 2007. С. 408], – писал В. С. Баевский о С. А. Рейсере. На наш взгляд, эту же фразу можно употребить применительно и к самому Баевскому – блестящему филологу и при этом автору книги стихов и прозаического «Романа одной жизни» – с существенной поправкой: истинный филолог все же создает поэзию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абильдинова, Ж. Б. Жанровая специфика анекдота / Ж. Б. Абильдинова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 21. – С. 5–9.
2. Адамович, Г. В. Собрание сочинений. «Комментарии» / Г. В. Адамович; сост., послесл. и примеч. О. А. Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2000. – 757 с.
3. Алексеева, М. Л. Теория и практика перевода: реалии: учеб. пособие / М. Л. Алексеева. – Екатеринбург: УрГПУ, 2008. – 345 с.
4. Андроникова, М. И. От прототипа к образу. К проблеме портрета в литературе и в кино / М. И. Андроникова. – М.: Наука, 1974. – 199 с.
5. Ахматова, А. А. Избранное / А. А. Ахматова. – Смоленск: Русич, 2010. – 640 с.
6. Ахметова, Г. Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80–90-х годов XX в.): монография / Г. Д. Ахметова. – М., Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. – 264 с.
7. Баевский, В. С. «Я не был лишним»: Из воспоминаний о Б.Я. Бухштабе / В. С. Баевский // Четвертые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1988. – С. 168–186.
8. Баевский, В. С. *Elan vital* / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 1. – Смоленск: Траст-Имаком, 1994. – С. 56–77.
9. Баевский, В. С. Table-talk / В. С. Баевский // Знамя. – 2011. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=4609> (дата обращения: 17.01.2020).
10. Баевский, В. С. Table-talk / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 10. – Смоленск, 2006. – С. 384–387.
11. Баевский, В. С. Table-talk / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 11. – Смоленск, 2006. – С. 307–310.
12. Баевский, В. С. Table-talk / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 12. – Смоленск, 2008. – С. 330–334.

13. Баевский, В. С. Table-talk / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 13. – Смоленск, 2010. – С. 292–293.
14. Баевский, В. С. Антропософия: Из далеких воспоминаний / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 11. – Смоленск, 2006. – С. 82–84.
15. Баевский, В. С. В нем каждый вершок был поэт: Записки о Д. Самойлове / В. С. Баевский. – Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса Министерства образования Российской Федерации, 1992. – 96 с.
16. Баевский, В. С. Встречи с Пастернаком / В. С. Баевский // Рабочий путь. – 1990. 10 февраля.
17. Баевский, В. С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение / В. С. Баевский. – М.: Советский писатель, 1986. – 253 с.
18. Баевский, В. С. Еврей-офицер – к этому надо привыкнуть. Опыт анализа записей Достоевского на почве семейного предания / В. С. Баевский // Знание. – 2006. – № 1. – С. 208–210.
19. Баевский, В. С. Жизнь и смерть Евгения Ланна / В. С. Баевский // Известия Российской АН. – 2003. – № 5. – С. 40–49.
20. Баевский, В. С. Жизнь спустя (маленькие рассказы). Босиком. Подподушные платочки. Мой предок офицер. Ее высочество. Table-Talk // Под часами: альманах. Кн. 2 / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск: Свиток, 2013. – С. 34–61.
21. Баевский, В. С. Из дневника двух тысячелетий (Давид Самойлов и другие) / В. С. Баевский // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2013. – М.: Факультет журналистики, 2014. – С. 304–383.
22. Баевский, В. С. Имени Тургенева: Из летних впечатлений 1997 года / В. С. Баевский // Аргументы и факты. Смоленск. – 1997. – № 35 (78). – С. 6.
23. Баевский, В. С. Николай Иванович и Евгения Антоновна / В. С. Баевский // Под часами: альманах. Кн. 4 / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск: Маджента, 2005. – С. 148–162.

24. Баевский, В. С. Памяти Ивана Трифоновича Твардовского: Несостоявшаяся дружба / В. С. Баевский // Под часами: альманах. Кн. 3 / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск, 2004. – С. 124–128.
25. Баевский, В. С. Пастернак. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. С. Баевский. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 112 с.
26. Баевский, В. С. Последний перипатетик / В. С. Баевский. – Смоленск, 1997. – 31 с.
27. Баевский, В. С. Рейсер. Из воспоминаний / В. С. Баевский // Русская филология. Т. 7. – Смоленск, 2003. – С. 174–196.
28. Баевский, В. С. Ржавый / В. С. Баевский // Край Смоленский. – 1993. – № 5–6. – С. 116–144;
29. Баевский, В. С. Ржавый / В. С. Баевский // Край Смоленский. – 1993. – № 7. – С. 158–181.
30. Баевский, В. С. Рихтер поэзии / В. С. Баевский // Годы. – 1999а. – № 3. – С. 3–6.
31. Баевский, В. С. Рихтер поэзии / В. С. Баевский // Годы. – 1999б. – № 2. – С. 23–28.
32. Баевский, В. С. Роман одной жизни / В. С. Баевский. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 542 с.
33. Баевский, В. С. Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина / В. С. Баевский. – М.: Прометей, 1990. – 159 с.
34. Баевский, В. С. Смоленская поэтическая школа в портретах / В. С. Баевский. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2006. – 136 с.
35. Баевский, В. С. Смоленский Сократ / В. С. Баевский // Македонов А. В. Эпохи Твардовского. Баевский В. С. Смоленский Сократ. Илькевич Н. Н. «Дело» Македонова. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996. – С. 179–218.
36. Баевский, В. С. Сны моего детства / В. С. Баевский // Знамя. – 2003. – № 10. – С. 129–133.
37. Баевский, В. С. Сорок лет / В. С. Баевский // Знамя. – 2007. – № 2. – С. 149–160.

38. Баевский, В. С. Стих русской советской поэзии: пособие для слушателей спецкурса / В. С. Баевский. – Смоленск: СГПИ, 1972. – 145 с.
39. Баевский, В. С. Стихотворения 1941–2003 годов / В. С. Баевский. – Смоленск: Филология, 2004. – 80 с.
40. Баевский, В. С. Стихотворения двух тысячелетий / В. С. Баевский. – 3-е изд., пересм., испр. и доп. – Смоленск: Свиток, 2012. – 136 с.
41. Баевский, В. С. Стоик / В. С. Баевский // Вопросы литературы. – 1993. – № 4. – С. 218–235.
42. Баевский, В. С. Счастье. Роман одной жизни / В. С. Баевский // Знамя. – 2004. – № 8. – С. 125–151.
43. Баевский, В. С. Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800–1855. – Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 2009. – 632 с.
44. Баевский, В. С. Центральный поселок; повесть / В. С. Баевский // Звезда. – 2008. – № 9. – С. 45–71.
45. Баевский, В. С. ШАД / В. С. Баевский // Знамя. – 2006. – № 2. – С. 153–162.
46. Баевский, В. С. Из крымских воспоминаний: Нина Николаевна Грин; Мария Степановна Волошина / В. С. Баевский // Годы. – 1998. – № 3. – С. 51–58.
47. Барахов, В. С. Литературный портрет: Истоки, поэтика, жанр. – Л.: Наука, 1985. – 314 с.
48. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 512 с.
49. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; примечания С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
50. Белинский, В. Г. Разделение поэзии на роды и виды / В. Г. Белинский // О театре и драматургии. 1840–1848 годы. – М.: Юрайт, 2017. – С. 74–94.
51. Белый, А. Записки чудака / А. Белый. – М., Берлин: Геликонъ, 1922. – Т. 1. – 213 с.

52. Биография как искусство: неопубликованная статья Юрия Лотмана [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/2388> (дата обращения: 10.01.2022).
53. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М.: Мартин, 2008. – 703 с.
54. Бурмистрова, Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бурмистрова Елена Анатольевна. – Волгоград, 2006. – 20 с.
55. В Смоленске состоялась презентация стихотворного сборника В. С. Баевского // ГТРК «Смоленск» [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtrksmolensk.ru/news/v-smolenske-sostoyalas-prezentatsiyastihotvornogo/> (дата обращения: 01.11.2021).
56. Вайсбурд, М. Л. Реалии как элемент страноведения / М. Л. Вайсбурд // Русский язык за рубежом. – 1972. – № 3. – С. 98–100.
57. Вачева, А. Потомству. Екатерина II: Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы / А. Вачева. – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2015. – 717 с.
58. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
59. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
60. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
61. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Избранные работы по социологии: сб. переводов / пер. с англ. В. Г. Николаев, отв. ред. Л. В. Гирко. – М.: ИНИОН, 2005. – С. 93–118.
62. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.

63. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 480 с.
64. Галич, А. А. Украинская писательская мемуаристика (Природа, эволюция, поэтика): автореф. дис. ... докт. филос. наук: 10.01.06 / Галич Александр Андреевич. – Киев, 1991. – 48 с.
65. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
66. Ганиева, И. Я. Особенности употребления реальных и вымышленных топонимов в азербайджанских и английских художественных текстах / И. Я. Ганиева // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 3. – С. 643–653.
67. Гертман, О. Цельность в разрозненных главах. Личные способы уживаться со временем / О. Гертман // Независимая газета. Ex libris. – 2008. – 24 апреля. – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-04-24/10_time.html (дата обращения: 02.11.2021).
68. Гинзбург, Л. Я. «Былое и думы» Герцена / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 374 с.
69. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1974. – 408 с.
70. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 442 с.
71. Глен, Н. Вокруг старых записей / Н. Глен // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 627–639.
72. Горшков, А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков. – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2008. – 544 с.
73. Гребенчук, Я. С. Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда,

- «Одержимость» А. Байетт): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Гребенчук Яна Сергеевна. – Воронеж, 2008. – 141 с.
74. Громова, А. В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева / А. В. Громова // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 7 (63). – С. 108–113.
75. Гуляев, Н. А. Теория литературы: учебное пособие / Н. А. Гуляев. – 2 изд. – М.: Высшая школа, 1985. – 272 с.
76. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 349 с.
77. Гусев, Е. И. В. С. Баевский и М. Л. Гаспаров: к истории научной коммуникации в стиховедении / Е. И. Гусев // Филология: научные исследования. – 2020. – № 7. – С. 25–35.
78. Гусев, Е. И. М. Л. Гаспаров и В. С. Баевский / Е. И. Гусев // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2019. – Вып. 19. – С. 86–99.
79. Гусев, Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым / Н. Н. Гусев; сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Шифмана. – М.: Художественная литература, 1973. – 463 с.
80. Державин, Г. Р. Из неизданного / Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 359–362.
81. Доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастного на Пленуме ЦК ВЛКСМ 29 октября 1958 года // Комсомольская правда. – 1958. – 30 октября. – С. 1.
82. Ермоленко, Г. Н. В. С. Баевский о поэтическом цикле «Беатриче» Д. Самойлова / Г. Н. Ермоленко // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2019. – Вып. 19. – С. 214–222.
83. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.com/39416643-A-b-esin-principyu-i-priemy-analiza-literaturnogo-proizvedeniya.html> (дата обращения: 18.12.2020).

84. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт; пер. с фр. Е. Васильевой [и др.]. – В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Том 2. – 469 с.
85. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010 – 486 с.
86. Жирмунский, В. М. Поэтика русской поэзии / В. М. Жирмунский. – СПб: Азбука-классика, 2001. – 496 с.
87. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, АН СССР, Отд-ние лит. и яз., 1977. – 407 с.
88. Житие канцлера Фрэнсиса Бакона / пер. с франц. на рос. В. Третьяковским. – М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1760. – 162 с.
89. Жолковский, А. К. Напрасные совершенства и другие виньетки / А. К. Жолковский. – М.: Ред. Елены Шубиной, 2015. – 541 с.
90. Журавкова, А. В. Особенности жанрового образования «Table-talk» / А. В. Журавкова // Смоленский филологический сборник. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2015. – Вып. 7. – С. 137–145.
91. Закроева, Г. А. «Роман одной жизни» В.С. Баевского – Лиризм повествования в мемуарном романе / Г. А. Закроева // Новый филологический вестник. – 2021. – № 3. – С. 276–286.
92. Закроева, Г. А. Онейрические тексты в «Романе одной жизни» В. С. Баевского / Г. А. Закроева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2020. – Вып. 20. – С. 285–295.
93. Затеева, Т. В. Литературный портрет конца XIX – первой половины XX века: внутрижанровая типология / Т. В. Затеева, О. А. Айкашева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. – 144 с.
94. Затонский, Д. В. Роман и документ / Д. В. Затонский // Вопросы литературы. – 1978. – № 12. – С. 135–162.

95. Зверева, Т. В. Рецензия на книгу: Баевский В. С. Тридцать лекций о золотом веке русской литературы. 1800–1855. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2009. 632 с. / Т. В. Зверева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2010. – № 4. – С. 177–178.
96. Книга занимательных историй / пер. с сирийского; послесл. и примеч. А. Белова и Л. Вильскера; ред. и предисл. Н. Пигулевской. – М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1961. – 294 с.
97. Ковтунова, Е. А. Семантические трансформации в акте коммуникации: На материале современных немецких языковых анекдотов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Ковтунова Елена Анатольевна. – СПб., 2003. – 207 с.
98. Колосова, С. Н. Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии: Автореф. дис. ... д-ра филол. Наук: 10.01.01 / Колосова Светлана Николаевна. – М., 2012. – 35 с.
99. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра / Т. М. Колядич. – М.: Мегатрон, 1998. – 276 с.
100. Кормилов, С. И. Баевский В. Смоленская поэтическая школа в портретах. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2006. – 136 с. / С. И. Кормилов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2008. – № 1. – С. 126–129.
101. Королева, И. А. Личность В. С. Баевского в эпистолярном дискурсе А. В. Македонова / И. А. Королева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2019. – Вып. 19. – С. 108–116.
102. Королева, И. А. Смоленская поэтическая школа и ее исследователи: А. В. Македонов, В. С. Баевский, В. В. Ильин / И. А. Королева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 4 (48). – С. 48–57.
103. Королькова, А. В. Афористика в контексте русской культуры. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. – 226 с.
104. Котова, Э. Л. «Жизнь идет в правильном направлении»: дружеские и творческие отношения В.С. Баевского и А.В. Македонова / Э. Л. Котова //

- Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2019. – Вып. 19. – С. 99–108.
105. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с.
106. Курганов, Е. Анекдот как жанр русской словесности / Е. Курганов. – М.: ArsisBooks, 2015. – 260 с.
107. Курьянович, А. В. Литературный эпистолярный как стилистический феномен (на материале писем М. В. Нестерова) / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 170–179.
108. Кустова, А. В. Советская цензура детской литературы на примере произведений К. И. Чуковского / А. В. Кустова // Вестник Моск. ун-та печати. – 2005. – № 8. – С. 45–48.
109. Лавыш, М. А. Структура текста как выражение его содержания / М. А. Лавыш // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора О. А. Нечаевой (23–24 апреля 2004 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. – С. 44–45.
110. Ладохина, О. Ф. Аксиологический космос филологического романа (на материале романа «Счастье» В. Баевского) / О. Ф. Ладохина // Грехнёвские чтения: сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2005. – С. 71–73.
111. Левкович, Я. Л. «Table-talk» Пушкина / Я. Л. Левкович // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 70–77.
112. Лежен, Ф. Когда кончается литература? / Ф. Лежен // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
113. Литература и язык: энциклопедия / авт. ст.: О. С. Асписова [и др.]. – М.: РОСМЭН, 2007. – 583 с. [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.rulit.me/books/enciklopediya-literatura-i-yazyk-s-illyustraciyami-read-152009-103.html> (дата обращения: 02.11.2021).

114. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1596 с.
115. Литературно-художественная критика: учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика» / В. И. Баранов [и др.]. – М.: Высшая школа, 1982. – 207 с.
116. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
117. Лихачев, Д. С. Литература Древней Руси / Д. С. Лихачев // Повести и сказания Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева. – М.; СПб.: Диля, 2001. – 1148 с.
118. Ломидзе, Г. И. Чувство великой общности: статьи о советской многонациональной литературе / Г. И. Ломидзе. – М.: Советский писатель, 1978. – 271 с.
119. Лотман, Ю. М. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – В 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
120. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб.: Академический Проект, 2002. – 542 с.
121. Максимчук, Н. А. Классификационные признаки в комплексной характеристике ономастических единиц / Н. А. Максимчук // Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. – Смоленск: Маджента, 2007. – С. 190–207.
122. Мальцева, О. А. Баевский В. С. Остранение: к поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013 / О. А. Мальцева, Л. В. Павлова, И. В. Романова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – № 5. – С. 220–223.

123. Мамуркина, О. В. Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII: генезис и формы: автореф. дис. канд. филол. Наук: 10.01.01 / Мамуркина Ольга Викторовна. – СПб., 2013. – 188 с.
124. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта, 2003. – 432 с.
125. Медарич, М. Автобиография / Автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация: сборник статей / под ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 206 с.
126. Мезин, А. С. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. / А. С. Мезин // Историографический сборник. – Саратов, 2002. – 29 с.
127. Местергази, Е. Г. Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия / Е. Г. Местергази. – М.: Совпадение, 2007. – 327 с.
128. Найден самый древний неприличный анекдот // Деловая газета «Взгляд». – 2008. – 3 августа [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/431852> (дата обращения: 28.02.2020).
129. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
130. Никольский, А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: материалы и комментарии / А. А. Никольский. – Рязань, 2007. – 48 с.
131. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
132. Новожилова, А. А. Многозначность и полифункциональность хрононима *heute* / А. А. Новожилова // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена, 2007. – № 15 (39): Аспирантские тетради. – С. 147–152.
133. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Бородулина [и др.]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 912 с.

134. Ньюбина, Л. М. О концептуальном пространстве автобиографической памяти / Л. М. Ньюбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 39–47.
135. Ольшанский, Д. В. Основы политической психологии: учеб. пособие для вузов / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 494 с.
136. Орлицкий, Ю. Б. «Теневая» рифма В. С. Баевского и проблема «Разнообразия способов рифмования» в новейшем русском стихе // Ю. Б. Орлицкий // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2019. – Вып. 19. – С. 401–428.
137. Орлова, Е. Вадим Баевский. Роман одной жизни / Е. Орлова // Знамя. – 2008. – № 10 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2008/10/vadim-baevskij-roman-odnoj-zhizni.html> (дата обращения: 18.06.2019).
138. Павлова, Л. В. Девятое последнее десятилетие. Памяти Вадима Соломоновича Баевского (1929–2013) / Л. В. Павлова, И. В. Романова // Новый филологический вестник. – 2013б. – № 4 (27). – С. 134–143.
139. Павлова, Л. В. Литературная и внелитературная реальность «Романа одной жизни» Вадима Баевского / Л. В. Павлова, И. В. Романова // Литературные знакомства. – 2020. – № 48. – С. 255–268.
140. Павлова, Л. В. Поэтика времени в «Стихотворениях двух тысячелетий» Вадима Баевского / Л. В. Павлова, И. В. Романова // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2013а. – Вып. 15. – С. 354–359.
141. Павлова, Л. В. Сердечно, дружески, с любовью Ваш Дед Мороз: из переписки Вадима Баевского и Марины Красноперовой / Л. В. Павлова, И. В. Романова // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2021. – Вып. 21. – С. 177–186.
142. Павлова, Л. В. Филологический семинар и его основатель В. С. Баевский / Л. В. Павлова, И. В. Романова // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. – № 4 (20). – С. 581–591.

143. Палиевский, П. В. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма / под ред. Н. К. Гея [и др.]. – В 2 т. – М.: Наука, 1971. – Т. 1. – 420 с.
144. Памяти Вадима Соломоновича Баевского // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2013. – М.: Факультет журналистики, 2014. – С. 302–304.
145. Перетц, В. Н. От культурной истории – к исторической поэтике / В. Н. Перетц // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916 гг.). – Пг.: Отд. русского языка и словесности Российской академии наук, 1921. – С. 35–42.
146. Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / сост., вступ. ст., примеч. Е. В. Анисимова. – СПб.: Культурно-просветительское общество «Пушкинский фонд», 1993. – 447 с.
147. Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. – 1958. – № 128 (3939). 25 октября.
148. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
149. Прокофьев, Д. С. Типология литературного портрета в творчестве Игоря Северянина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Прокофьев Дмитрий Семенович. – Великий Новгород, 2003. – 168 с.
150. Рабичев, Л. Манеж 1962, до и после // Знамя. – 2001. – № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/9/manezh-1962-do-i-posle.html> (дата обращения: 29.09.2021).
151. Романова, И. В. Американский славист Джеймс Бейли и Смоленск / И. В. Романова // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. – Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2020. – Вып. 20. – С. 324–362.
152. Романова, И. В. Великое таинство зарождения стиха: о книге В. С. Баевского «Смоленская поэтическая школа в портретах» (Смоленск: СмолГУ, 2006. 136 с.) / И. В. Романова [Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.smolensklib.ru/sites/default/files/old%20str/pisатели/almanah/6.2007/stran/romanova.htm> (дата обращения: 26.04.2021).

153. Рубинс, М. О. Русский Монпарнас: парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / М. Рубинс; пер. с англ. яз. М. Рубинс, А. Глебовской. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 325 с.
154. Ружицкий, И. В. Афоризмы в политическом дискурсе Ф. М Достоевского / И. В. Ружицкий // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 214–218.
155. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. – М.: Художественная литература, 1990. – 268 с.
156. Самуткина, Л. А. Документальность поэтических цитат в «Биографиях» Плутарха / Л. А. Самуткина // Факт, домысел, вымысел в литературе / под ред. Л. А. Розановой. – Иваново: ИвГУ, 1987. – 173 с.
157. Сапогов, В. Перебирая наши даты... / В. Сапогов // Вопросы литературы. – 1987 – № 5. – С. 228–231 [Электронный ресурс]. – URL: <https://voplit.ru/article/perebiraya-nashi-daty/?ysclid=kz7c8g2rfm> (дата обращения: 03.02.2022).
158. Сарнов, Б. Сталин и писатели. Книга первая / Б. Сарнов. – М.: Эксмо, 2009. – 832 с.
159. Сегал, Д. М. Пути и вехи: русское литературоведение в двадцатом веке / Д. М. Сегал. – М.: Водолей, 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://lit.wikireading.ru/48267> (дата обращения: 2.02.2021).
160. Сен-Симон Луи де Рувруа. Мемуары. 1691–1701 / подгот. В. Н. Малов, М. В. Добродеева, Л. А. Сифурова. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; Наука, 2007. – 1066 с.
161. Сент-Бев, Ш. О. Литературные портреты. Критические очерки / Ш. О. Сент-Бев. – М.: Художественная литература, 1970. – 581 с.

162. Симонова, Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие / Т. Г. Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
163. Синдаловский, Н. А. История Петербурга в городском анекдоте / Н. А. Синдаловский. – М.: Центрполиграф; СПб.: Мим-Дельта, 2009. – 333 с.
164. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 1600 с.
165. Соколов, В. Типы анекдотов советской эпохи [Электронный ресурс]. – URL: https://www.promegalit.ru/public/12414_vladimir_sokolov_tipy_anekdotov_sovetskoj_epokhi.html (дата обращения: 25.12.2019).
166. Солодуб, Ю. П. К проблеме разграничения пословиц и поговорок в языках различных типов / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1994. – № 3. – С. 55–71.
167. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.
168. Сухих, И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! От Блока до Бродского / И. Н. Сухих. – М.: Литагент «Команда А», 2013. – 643 с.
169. Томахин, Г. Д. Реалии в культуре и языке / Г. Д. Томахин // Иностраный язык в школе. – 1981. – № 1. – С. 64–69.
170. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению для институтов и факультетов иностранных языков / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
171. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский. – Л.: Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1959. – 648 с.
172. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов; предисл. В. Каверина. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
173. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

174. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа [Электронный ресурс]. – URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/tyupa-narratologiya-arhierej/kategoriya-sobytiya.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
175. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
176. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.
177. Химик, В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры / В. В. Химик // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 17–31 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Himik_Anekdot.php (дата обращения: 29.11.2021).
178. Хорев, В. А. Литература «человеческого документа». Польский опыт 60–90-х гг. / В. А. Хорев // Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века: тезисы докладов межд. науч. конф. (20–22 ноября 2001). – М., 2001. – 82 с.
179. Чернышевский, Н. Г. Собрание сочинений / Н. Г. Чернышевский. – В 5 т. – Т. 4. – М.: Правда, 1972. – 416 с.
180. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
181. Юмор по-королевски из уст Елизаветы Второй [Электронный ресурс]. – URL: <https://takprosto.cc/elizaveta-vtoraya/> (дата обращения: 20.09.2021).
182. Яковлева, Н. «Человеческий документ»: история одного понятия / Н. Яковлева. – Хельсинки: Helsinki University Print, 2012. – 206 с.
183. Янская, И. С. Пределы достоверности / И. С. Янская, Э. В. Кардин. – М.: Советский писатель, 1986. – 432 с.

184. Curriculum vitae: полный список опубликованных работ профессора В. С. Баевского / ред.-сост. Л. В. Павлова, И. В. Романова. – Смоленск: Маджента, 2009. – 88 с.
185. Auster, P. The Invention of Solitude / P. Auster. – N. Y.: Penguin Books, 1988. – 372 p.
186. Blair, M. Putting the storytelling back into stories: Creative non-fiction in tertiary journalism education Unpublished PhD, Bond University / M. Blair. – Gold Coast, QLD. 2007. – 273 p. [Electronic resource]. – URL: https://pure.bond.edu.au/ws/portalfiles/portal/28897818/Blair_Thesis.pdf (date of application: 18.09.2021).
187. Guddon, J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / J. A. Guddon. – England: Penguin Books, 1999. – 1024 p.
188. Hollowell, J. Fact and Fiction. The New Journalism and the Nonfiction Novel / J. Hollowell. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1977. – 190 p.
189. Jarrety, M. Lexique des termes littéraires / Dir. Michel Jarrety. – Paris: Librairie Générale Française, 2001. – 475 p.
190. Lounsberry, B. The Art of Fact: Contemporary Artists of Nonfiction / B. Lounsberry. – N. Y.: Greenwood Press, 1990 – 232 p.
191. Röhrich, L. Der Witz: Seine Formen und Funktionen / L. Röhrich. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. – 342 p.
192. Sainte-Beuve, Ch.-A. La Fontaine / Sainte-Beuve Ch.-A. // Critiques et portraits littéraires. – Paris. 1832. 493 p.
193. Sims, N. The problem and the promise of literary journalism studies / N. Sims // Literary journalism studies. – 2009. – Vol. 1, No 1 [Electronic resource]. – URL: <http://www.ialjs.org/wp-content/uploads/2009/05/7-16-sims.pdf> (date of application: 18.09.2021).
194. What Is Creative Nonfiction? // Creative Nonfiction magazine [Electronic resource]. – URL: <https://creativenonfiction.org/what-is-cnf/> (date of application: 06.02.2022).

Архивные материалы

1. Баевский, В. С. Веселовский А. Н. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
2. Баевский, В. С. Выготский Л. С. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
3. Баевский, В. С. Ключевский В. О. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
4. Баевский, В. С. Колмогоров А. Н. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
5. Баевский, В. С. Кречмер Э. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
6. Баевский, В. С. Лотман Ю. М. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
7. Баевский, В. С. Соловьев С. М. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
8. Баевский, В. С. Яacobсон Р. О. [Видеозапись] // Личный архив Э. Л. Котовой.
9. Бейли, Дж. Письмо от 01 октября 1989 // Личный архив В. С. Баевского.
10. Бейли, Дж. Письмо от 05 марта 1989 // Личный архив В. С. Баевского.
11. Бейли, Дж. Письмо от 23 марта 1988 // Личный архив В. С. Баевского.
12. Беленчиков, В. Письмо от 04 февраля 1997 // Личный архив В. С. Баевского.
13. Беленчиков, В. Письмо от 21 февраля 1998 // Личный архив В. С. Баевского.
14. Бухштаб, Б. Я. Письмо от 29 января 1972 // Личный архив В. С. Баевского.
15. Гаспаров, М. Л. Письмо [без даты] от мая 1968 // Личный архив В. С. Баевского.
16. Гаспаров, М. Л. Письмо от 02 февраля 1977 // Личный архив В. С. Баевского.
17. Гаспаров, М. Л. Письмо от 04 июня 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
18. Гаспаров, М. Л. Письмо от 05 мая 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
19. Гаспаров, М. Л. Письмо от 15 января 1990 // Личный архив В. С. Баевского.
20. Гаспаров, М. Л. Письмо от 23 апреля 1978 // Личный архив В. С. Баевского.

21. Герасимов, К. С. Письмо без даты, ориентировочно – август-сентябрь 1988 // Личный архив В. С. Баевского.
22. Герасимов, К. С. Письмо от 01 ноября 1982 // Личный архив В. С. Баевского.
23. Герасимов, К. С. Письмо от 08 февраля 1989 // Личный архив В. С. Баевского.
24. Герасимов, К. С. Письмо от 09 сентября 1988 // Личный архив В. С. Баевского.
25. Герасимов, К. С. Письмо от 12 декабря 1985 // Личный архив В. С. Баевского.
26. Герасимов, К. С. Письмо от 14 декабря 1988 // Личный архив В. С. Баевского.
27. Гиндин, С. И. Письмо от 05 сентября 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
28. Гиндин, С. И. Письмо от 11 января 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
29. Гиндин, С. И. Письмо от 22 июля 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
30. Гиндин, С. И. Письмо от 26 июня 1969 // Личный архив В. С. Баевского.
31. Гиндин, С. И. Письмо от 31 декабря 1970 // Личный архив В. С. Баевского.
32. Гинзбург, Л. Я. Письмо от 22 ноября 1983 // Личный архив В. С. Баевского.
33. Гинзбург, Л. Я. Письмо от 22 октября 1986 // Личный архив В. С. Баевского.
34. Гришунин, А. Л. Письмо от 01 октября 2001 // Личный архив В. С. Баевского.
35. Гришунин, А. Л. Письмо от 07 февраля 1982 // Личный архив В. С. Баевского.
36. Гришунин, А. Л. Письмо от 08 ноября 1985 // Личный архив В. С. Баевского.
37. Гришунин, А. Л. Письмо от 09 декабря 1978 // Личный архив В. С. Баевского.

38. Гришунин, А. Л. Письмо от 1 октября 2001 // Личный архив В. С. Баевского.
39. Гришунин, А. Л. Письмо от 17 апреля 1983 // Личный архив В. С. Баевского.
40. Гришунин, А. Л. Письмо от 20 ноября. 1991 // Личный архив В. С. Баевского.
41. Жовтис, А. Л. Письмо от 04 января 1975 // Личный архив В. С. Баевского.
42. Жовтис, А. Л. Письмо от 23 октября 1977 // Личный архив В. С. Баевского.
43. Жовтис, А. Л. Письмо от 24 сентября 1977 // Личный архив В. С. Баевского.
44. Каленен Андрасне. Письмо без датировки // Личный архив В. С. Баевского.
45. Кривин, Ф. Д. Письмо от 26 мая 2005 // Личный архив В. С. Баевского.
46. Кушнер, А. Письмо от 25 февраля 1999 // Личный архив В. С. Баевского.
47. Лилли, И. Письмо от 03 марта 1986 // Личный архив В. С. Баевского.
48. Моргенштерн, И. Г. Письмо от 08 ноября 2004 // Личный архив В. С. Баевского.
49. Пенцель, Р. Письмо от 21 марта 1985 // Личный архив В. С. Баевского.
50. Пенцель, Р. Письмо от 25 апреля 1985 // Личный архив В. С. Баевского.
51. Свительский, В. А. Письмо от 07 мая 1999 // Личный архив В. С. Баевского.
52. Хьетсо, Г. Письмо от 21 июня 1988 // Личный архив В. С. Баевского.
53. Чистов, К. В. Письмо от 27 августа 1999 // Личный архив В. С. Баевского.
54. Шерр, Б. Письмо от 24 ноября 1987 // Личный архив В. С. Баевского.
55. Шоу, Дж. Т. Письмо от 07 сентября 1989 // Личный архив В. С. Баевского.
56. Шоу, Дж. Т. Письмо от 21 июля 1996 // Личный архив В. С. Баевского.

Список публикаций автора в изданиях, рецензируемых ВАК

1. Базылева, Ю. С. «Вырвать у забвения кусочек жизни»: литературные портреты филологов в «Романе одной жизни» В. С. Баевского /

- Ю. С. Базылева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 2 (46). – С. 45–59.
2. Базылева, Ю. С. Table-talk В. С. Баевского как отражение исторической действительности / Ю. С. Базылева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2020. – № 4 (89). – С. 73–77.
 3. Базылева, Ю. С. Документальность и художественность «маленьких рассказов» В. С. Баевского (на материале «Жизнь спустя (маленькие рассказы)») / Ю. С. Базылева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2021. – Т. 31, № 6. – С. 1362–1367.
 4. Базылева, Ю. С. Особенности структуры биографических очерков В. С. Баевского об историках / Ю. С. Базылева // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 1 (57). – С. 37–51.

Список публикаций автора в других изданиях

1. Базылева, Ю. С. «Осознав всю жизнь, как антитезу, я в ней играю заданную роль и для Баевского пишу поэзу»: письма А. Л. Жовтиса к В. С. Баевскому / Ю. С. Базылева // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XI Международной научно-практической конференции. – М.: МЦНО, 2017. – Вып. 9 (11). – С. 23–27 [Электронный ресурс]. – URL: https://nauchforum.ru/files/2017_12_18_fil/9%2811%29.pdf (дата обращения: 30.01.2018).
2. Базылева, Ю. С. «Однополчане стиховедения»: письма М. Л. Гаспарова к В. С. Баевскому / Ю. С. Базылева // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по материалам I Международной студенческой научно-практической конференции. – М.: МЦНО, 2017. – Вып. 1 (1). – С. 233–237 [Электронный ресурс]. – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/1\(1\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/1(1).pdf) (дата обращения: 30.01.2018).
3. Базылева, Ю. С. «Старые однополчане стиховедения»: из писем М. Л. Гаспарова к В. С. Баевскому / Ю. С. Базылева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета / сост. и ред.

- М. Л. Рogaцкина, Э. Л. Котова, А. А. Азаренков. – Смоленск: СмoлГУ, 2017. – Вып. 17. – С. 436–441.
4. Бaзылева, Ю. С. «Эпизод в моей жизни»: письма А. Л. Гришунина в архиве В. С. Баевского / Ю. С. Бaзылева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета / сост. и ред. И. В. Романова, А. В. Королькова. – Смоленск: Свиток, 2018. – Вып. 18. – С. 362–370.
 5. Бaзылева, Ю. С. Биографический очерк В. С. Баевского о Р. О. Якобсоне (на примере авторского цикла лекций «История науки в биографиях ученых») / Ю. С. Бaзылева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета / сост. и ред. И. В. Романова, А. В. Королькова. – Смоленск: Свиток, 2018. – Вып. 18. – С. 370–389.
 6. Бaзылева, Ю. С. «Я никогда не видел Якобсона, но...»: история науки в портретах (на примере цикла лекций В. С. Баевского об ученых) / Ю. С. Бaзылева // Современная наука: идеи, которые изменят мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции 22–23 ноября 2018 года. – Брянск: РИСО БГУ, 2018. – Ч. II. – С. 13–17.
 7. Бaзылева, Ю. С. «Table-talk» в контексте творчества В. С. Баевского / Ю. С. Бaзылева // Русский язык в современном мире: сборник статей по итогам научно-практической конференции (16–17 мая 2019 года) / под ред. В. Н. Селедцовой, Н. В. Бубновой. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2019. – С. 14–18.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

(справочное)

Географические реалии

Таблица 1.1 – Планетонимы. Инсулонимы. Гипертопонимы

Планетонимы (отдельное небесное тело, в том числе звезда, планета, комета, астероид)	Инсулонимы (названия островов и полуостровов)	Гипертопонимы (названия стран)
1. Венера 2. Земля 3. Луна 4. Марс	1. Крым	1. Англия 2. Армения 3. Афганистан 4. Белоруссия 5. Бельгия 6. Германия 7. Греция 8. Израиль 9. Иран 10. Испания 11. Казахстан 12. Латвия 13. Палестина 14. Польша 15. Россия 16. Русь 17. СССР 18. США 19. Туркмения 20. Украина 21. УССР 22. Финляндия 23. Франция 24. Чехословакия 25. Швейцария

Таблица 1.2 – Макротопонимы

Астионимы (названия городов)	Комонимы (названия любого сельского поселения)	Хоронимы (названия любой территории, области, района)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Алупка 2. Алушта 3. Андерлехт 4. Архангельск 5. Ашхабад 6. Бари 7. Бахчисарай 8. Берлин 9. Бобруйск 10. Борисов 11. Братислава 12. Брюгге 13. Брюссель 14. Валуйки 15. Варшава 16. Вашингтон 17. Венеция 18. Владимир-на-Клязьме 19. Волгоград 20. Воркута 21. Воронеж 22. Вятка 23. Демидов 24. Дерпт (н. Тарту) 25. Донбасс 26. Дрезден 27. Ереван 28. Житомир 29. Звартноц 30. Ижевск 31. Ирпень 32. Кельн 33. Кёнисберг (н. Калининград) 34. Киев 35. Коломна 36. Кострома 37. Краснодар 38. Красноярск 39. Красный 40. Кустанай 41. Ленинград (н. Санкт-Петербург) 42. Магадан 43. Манхэттен 44. Минск 45. Москва 46. Нагасаки 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ворзель 2. Гарни 3. д. Малеевка 4. д. Озерное 5. д. Сельцо 6. Ильичевка 7. Каменный Брод 8. Коктебель 9. Комарово 10. Переделкино 11. Пересыпь 12. пос. Красный Бор 13. пос. Чистяково 14. Починок 15. Пржевальское 16. с. Алексеевка (Харьков) 17. с. Алексино 18. с. Веркола 19. Слобода 20. Фирюза 21. Хутор Загорье 22. Эзерниеки 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бабий Яр (урочище) 2. Большой Фонтан (Одесса) 3. Бретань (регион) 4. Буживаль (пригород Парижа) 5. Бургундия 6. Конча-Заспа (Киев) 7. Мамонтовка (район) 8. Марьино Роща (район) 9. Молдаванка (район) 10. Нормандия (регион) 11. Пуца Водица (Киев) 12. Сибирь 13. Средняя Азия (регион) 14. Старый Крым 15. Чайна-Таун (район) 16. Шулявка (историч. район) <ol style="list-style-type: none"> 1) шт. Виргиния 2) шт. Висконсин 3) шт. Калифорния

Продолжение таблицы 1.2

Астионимы (названия городов)	Комонимы (названия любого сельского поселения)	Хоронимы (названия любой территории, области, района)
47. Нью-Йорк 48. Одесса 49. Оренбург 50. Павловск 51. Павлодар 52. Пало-Альто 53. Париж 54. Пекин 55. Пернов (н. Пярну) 56. Петроград (н. Санкт-Петербург) 57. Прага 58. Рига 59. Рим 60. Сан-Франциско 61. Смоленск 62. Солнечногорск 63. Сочи 64. Таруса 65. Ташкент 66. Тбилиси 67. Тихвин 68. Ужгород 69. Умань 70. Феодосия 71. Харбин 72. Харьков 73. Хиросима 74. Челябинск 75. Чернобыль 76. Чикаго 77. Чистополь 78. Эчмиадзин 79. Ялта 1) Гель-Гью (вым. из «Алые паруса) 2) Зурбаган (вым. из «Алые паруса) 3) Лисс (вым. из «Алые паруса)		

Таблица 1.3 – Гидронимы

Лимнонимы (названия озер и прудов)	Океанонимы (названия океанов)	Пелагонимы (названия морей)	Потамонимы (названия рек, ручьев, каналов и т. п.)	Названия водопадов
1. Салино	1. Тихий океан	1. Черное море	1. Волга 2. Днепр 3. Зимняя Канавка (канал в Санкт- Петербурге) 4. Каспля 5. Нара 6. Нева 7. Рейн 8. Рона 9. Сена 10. Сердоликовая бухта 11. Темза 12. Шпрее 13. Эльба	1. Джур-Джур 2. Голубой Каскад

Таблица 1.4 – Оронимы (названия рельефа – горы, холмы, пещеры)

<ol style="list-style-type: none"> 1. Владимирская Горка (возвышение) 2. Гряда Джимерджи 3. Кавказские горы 4. Кавказский хребет 5. Карадаг 6. Кара-Кум (пустыня) 7. Клухорский перевал 8. Крымские горы 9. Чертов Палец (гора)
--

Таблица 1.5 – Дромонимы

Сухопутные маршруты	Железнодорожные маршруты
1. Брест-Литовское шоссе	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ярославская ж/д 2. Станция Ковалевского 3. Станция Киев-Товарный 4. Дарница (узловая станция под Киевом)

Таблица 1.6 – Урбанонимы (названия внутригородских объектов)

Агоронимы (названия площадей и рынков)	Годонимы (названия улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий (один из типов улиц), шоссе (в черте города), тушиков)	Городской дримоним (парк, сквер)	Урбогефюронимы (названия мостов)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Исаакиевская площадь 2. Площадь Согласия 3. Светлановская площадь 4. Русский базар 5. Текинский базар (Ашхабад) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Арбат 2. Большой бульвар 3. Бульвар Араго 4. Елисейские Поля 5. Лаврушинский переулок 6. Латинский квартал 7. Ленинский проспект 8. Малая Бронная 9. Михайловский переулок 10. Музейная Миля (Нью- Йорк) 11. Приморский бульвар 12. Пушкинская аллея 13. Ул. Валанс 14. Ул. Грановского (бывш. Шереметьевский переулок) 15. Ул. Дерибасовская 16. Ул. Докучаева 17. Ул. Жаворонково Поле 18. Ул. Зодчего Росси 19. Ул. Кожевников 20. Ул. Миллионная 21. Ул. Паскаля 22. Ул. Полевая 23. Ул. Ришельевская 24. Ул. Самотечная 25. Университетская набережная 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Гайд-Парк 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мост Мирабо 2. Кузнецкий мост 3. Мост Золотых Ворот (Сан- Франциско)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

(справочное)

Реалии системы образования, религии и культуры

Таблица 2.1 – Экклезионимы (имя храма, часовни, священного камня, дерева)

<ol style="list-style-type: none"> 1. Владимирский собор (Киев) 2. Казанский собор 3. Никольский собор 4. Святогорский монастырь 5. Собор Парижской Богоматери 6. Троице-Сергиева лавра

Таблица 2.2 – Урбанонимы (названия внутригородских объектов)

Монументонимы (названия различных памятников, монументов и мемориальных комплексов и т. п.)	Названия музеев	Названия зданий, относящихся к памятникам архитектуры
<ol style="list-style-type: none"> 1. Александровская колонна 2. Арка Главного Штаба 3. Генуэзская крепость 4. Золотые Ворота (Киев) 5. Кремль 6. Медный всадник 7. Мемориал Рузвельта 8. Памятник А. С. Пушкину 9. Памятник Дюку де Ришелье 10. Памятник М. Горькому 11. Памятник М. Ю. Лермонтову 12. Памятник Петру I 13. Памятник Рузвельту в кресле 14. Петропавловская крепость 15. Шлиссельбургская крепость 16. Эйфелева Башня 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дом А. П. Чехова (Ялта) 2. Дом-музей А. Грина 3. Дом-музей И. С. Тургенева 4. Дом-музей М. Волошина 5. Дом-музей М. И. Цветаевой 6. Дом-музей Мориса Карема 7. Дом-музей С. Н. Сергеева- Ценского 8. Кунсткамера 9. Лувр 10. Музей им. Пушкина 11. Музей современного искусства 12. Музей современной французской живописи 13. Некрасовский музей (Некрасовский районный краеведческий музей) 14. Третьяковская галерея 15. Царское Село 16. Эрмитаж 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Версальский дворец 2. Дача Федорова (дом творчества писателей Одессы) 3. Дворец графа Воронцова 4. Екатерининский дворец 5. Замок Мон-Сен- Мишель 6. Имение Гагариных 7. Имение Раевских 8. Фонтанный дом (Шереметьевский дворец)

Таблица 2.3, а – Эргонимы

Учебные заведения	
Школы и гимназии	Институты и университеты, научные центры
1. Воронежская Мариинская гимназия 2. Показательная школа при Смоленском университете 3. Смоленская Мариинская гимназия	1. Авиатехнический институт 2. Академия Генерального штаба 3. Брестский педагогический институт 4. Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт 5. Государственный институт истории искусств 6. Институт литературы АН БССР 7. Институт мировой литературы АН СССР 8. Институт восточных языков 9. Институт славяноведения 10. ИМЛИ 11. ИФЛИ 12. Киевский университет Св. Владимира 13. Колумбийский университет 14. ЛГПИ им. А.И. Герцена 15. ЛГУ 16. Ленинградский институт культуры 17. Литературный институт 18. Марбургский университет 19. Матенадаран (Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца) 20. Московский педагогический институт им. Ленина 21. Московский университет 22. Мэдисон 23. Омский педагогический институт 24. Педагогический институт (Киев) 25. Петрозаводский университет 26. Пушкинский Дом (Институт русской литературы Российской академии наук) 27. РАН 28. Саратовский университет 29. Смоленский гуманитарный университет 30. Смоленский педагогический институт (он же Смоленский государственный педагогический университет) 31. Стенфордский университет (Стенфорд) 32. Тартуский университет 33. Театральный институт 34. Харьковский медицинский институт 35. Харьковский университет 36. Хельсинский университет

Таблица 2.3, б – Эргонимы

Библиотеки	Издательства и книжные серии	Архивы	Театры и филармонии
1. Библ. в Центре Помпиду 2. Библ. им Тургенева (Париж) 3. Библ. им. Ленина 4. Библиотека иностранной литературы 5. Библ. Конгресса 6. Библиотека Академии наук Украины 7. Библиотека АН 8. Национальная библиотека (Сорбонна) 9. Публичная библиотека	1. Библиотека поэта 2. Галлимар 3. Гиперион 4. Кубуч 5. Лирень 6. Литературные памятники. 7. Молодая гвардия 8. Наука 9. Советский писатель 10. Современник	1. Архив Hoover's Institution of War, Peace and revolution (США) 2. Архив управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области 3. Государственный архив Смоленской области 4. ЦГАЛИ	1. Киевская филармония 2. Кремлевский театр 3. Ла Скала 4. Малый театр 5. Московский художественный театр 6. Русский драматический театр 7. Таллинский театр русской драмы 8. Театр на Таганке 9. Театр оперы и балета 10. Украинский драматический театр 11. Художественный театр

Таблица 2.4, а – Идеонимы

Гемеронимы (названия органов периодической печати)		
Журналы	Газеты	Сборники, альманахи
1. Вестник Удмуртского ун-та 2. Вопросы литературы 3. Вопросы философии 4. Вопросы языкознания 5. Временник Пушкинской комиссии 6. Даугава (Рига) 7. Дружба народов 8. Западная область (Смоленск) 9. Звезда 10. Знамя 11. Известия Академии наук СССР 12. Известия АН (СЛЯ) 13. Красная новь 14. Крокодил 15. Ленинград 16. Литературная учеба 17. Литературное обозрение 18. Литературный критик 19. Наступление (Смоленск) 20. Нева	1. Вопль 2. Красная газета 3. Литература и жизнь 4. Литературная газета 5. Правда 6. Рабочий путь 7. Смена 8. Смоленская газета 9. Современник	1. Литературная Москва 2. Тарусские страницы

Продолжение таблицы 2.4, а

Гемеронимы (названия органов периодической печати)		
Журналы	Газеты	Сборники, альманахи
21. Новый мир 22. Огонек 23. Октябрь 24. Полезное увеселение 25. Русская филология 26. Сельская новь 27. Смена 28. Ученые записки 29. Юность		

Таблица 2.4, б – Идеонимы

Геортонимы (названия праздников)	Артионимы (названия произведений изобразительного искусства: живописи, графики, пластики)	Фильмонимы	Фалероним (имя любого ордена, медали, знака)
1. Новый год 2. Первое мая 3. Рождество Христово	1. «Тайная вечеря» (Леонардо да Винчи) 2. Автопортрет с Саскией на коленях (Рембрандт) 3. Золотая осень (Левитан)	1. Аэлита 2. Борьба гигантов 3. Гамлет 4. Два дня 5. Король Лир 6. Ордер на арест 7. Спектакль «Павшие и живые» 8. Цвет граната	1. Знак «Отличный разведчик»

Таблица 2.4.1 – Библионимы (названия любых письменных произведений)

Прозаические произведения (художественные)	Лирические произведения	Научные и философские труды	Песни
«Моление Даниила Заточника». «Повесть временных лет». <i>Ахматова А. А.:</i> «Листки из дневника». <i>Бабель И. Э.:</i> «Начало»; «В подвале»; «Пробуждение»; «Ди Грасо» <i>Басинский П.:</i> «Высокая болезнь». <i>Белый А.:</i> «Петербург». <i>Буслаев Ф. И.:</i> «Мои воспоминания».	«Песнь о вещем Олеге». «Слово о полку Игореве». <i>Белый А.:</i> «Друзьям»; «Стихотворения»; «Антропософия». <i>Блок А. А.:</i> «Двенадцать»; «Кармен»; «Равенна». <i>Грибоедов А. С.:</i> «Горе от ума». <i>Гумилев Н. С.:</i> «Огненный столп»; «Шатер».	Большая советская энциклопедия. <i>Бахтин М. М.:</i> «Вопросы литературы и эстетики». <i>Белый А.:</i> «Поэзия слова»; «Ритм как диалектика и “Медный всадник”». <i>Вернадский В. И.:</i> «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения»; «Размышления натуралиста».	«Сумасшедший шарманщик» «Запутанное родство» «Чужие города» «Монреаль»

Продолжение таблицы 2.4.1

Прозаические произведения (художественные)	Лирические произведения	Научные и философские труды	Песни
<p><i>Герцен А.:</i> «Былое и думы».</p> <p><i>Гинзбург Л. Я.:</i> «Человек за письменным столом».</p> <p><i>Гиппиус З.:</i> «Живые лица».</p> <p><i>Гоголь Н. В.:</i> «Ревизор»; «Женитьба»; «Шинель».</p> <p><i>Гончаров И. А.:</i> «Обломов».</p> <p><i>Горький М.:</i> «Мои университеты»</p> <p><i>Грин А.:</i> «Алые паруса».</p> <p><i>Гроссман В.:</i> «Жизнь и судьба»;</p> <p><i>Гроссман Л. П.:</i> «Записки д'Аршиака».</p> <p><i>Гудзий Н. К.:</i> «Воспоминания о Н. К. Гудзии».</p> <p><i>Дольд-Михайлик Ю. П.:</i> «И один в поле воин».</p> <p><i>Достоевский Ф. М.:</i> «Бедные люди»; «Братья Карамазовы»; «Записки из мертвого дома»; «Преступление и наказание»; «Униженные и оскорбленные».</p> <p><i>Каверин В.:</i> «Скандалист»; «Исполнение желаний»; «Освещенные окна».</p> <p><i>Кассиль Л. А.:</i> «Конduit и Швамбрания».</p> <p><i>Катаев В. П.:</i> «Алмазный мой венец».</p> <p><i>Кондратьев В.:</i> «Отпуск по ранению».</p>	<p><i>Лермонтов М. Ю.:</i> «Тамара».</p> <p><i>Маяковский В. В.:</i> «Тамара и демон».</p> <p><i>Некрасов Н. А.:</i> «Генерал Топтыгин»; «Памяти Добролюбова».</p> <p><i>Одоевцева И. В.:</i> «Двор чудес».</p> <p><i>Пастернак Б. Л.:</i> «Без названия»; «Близнец в тучах»; «Волны»; «Зимняя ночь»; «Когда разгуляется»; «Осень»; «Опять весна»; «Поверх барьеров»; «После грозы»; «Разлука»; «Сестра моя – жизнь»; «Стихотворения Юрия Живаго»; «Сказка»; «Хмель»; «Четырнадцать стихотворений».</p> <p><i>Пушкин А. С.:</i> «Руслан и Людмила»; «Евгений Онегин»; «Маленькие трагедии» («Моцарт и Сальери»), «Русалка»; «Полтава»; «Годунов»; «Подъезжая под Ижоры»; «Пророк»</p> <p><i>Рыленков Н. И.:</i> «Дорога уходит за околицу»; «Апрель»; «Мои герои».</p> <p><i>Самойлов Д. С.:</i> «Волна и камень»; «И ветра вольный горн»; «Цыгановы»; «Сон о Ганнибале»;</p>	<p><i>Веселовский А. Н.:</i> «Западное влияние в новой русской литературе»; «Историческая поэтика»; «Избранные статьи»; 3 дневника.</p> <p><i>Виноградов В. В.:</i> «Русский язык».</p> <p><i>Волошинов В. Н.:</i> «Марксизм и философия языка».</p> <p><i>Гаспаров М. Л.:</i> «Записи и выписки»; «Античная литературная басня (Федр и Бабрий)»; «Статьи о лингвистике стиха» (в соавторстве с Т. В. Скулачевой); «Метр и смысл»; «Русский стих начала XX века в комментариях»; многочисленные труды.</p> <p><i>Гинзбург Л. Я.:</i> «О лирике».</p> <p><i>Илькевич Н. Н.</i> «“Дело” Македонова».</p> <p><i>Карамзин Н. М.:</i> «История государства Российского».</p> <p><i>Ключевский В. О.:</i> «Курс русской истории».</p> <p><i>Крученых А. Е.:</i> «Сдвигология русского стиха».</p> <p><i>Лотман Ю. М.:</i> «Лекции по структурной поэтике».</p> <p><i>Макаренко А. С.:</i> «Книга для родителей».</p>	

Продолжение таблицы 2.4.1

Прозаические произведения (художественные)	Лирические произведения	Научные и философские труды	Песни
<p><i>Кузнецов А.:</i> «Продолжение легенды».</p> <p><i>Ланн Е.:</i> «Гвардия Мак Кумгала»; «Диккенс»; «Старая Англия»; «Джозеф Конрад».</p> <p><i>Лосская В.:</i> «М. Цветаева в жизни».</p> <p><i>Набоков В. В.:</i> «Защита Лужина».</p> <p><i>Одоевцева И.:</i> «На берегах Невы»; «На берегах Сены»</p> <p><i>Пастернак Б. Л.:</i> «Доктор Живаго»; «Люди и положения»; «Слепая красавица»; «Детство Люверс»; «Охранная грамота».</p> <p><i>Пушкин А. С.:</i> «Египетские ночи»; «Пиковая Дама».</p> <p><i>Полное собрание сочинений</i> Вяземского П. А.; Фета А. А.; Пескова В. М., Достоевского Ф. М.</p> <p><i>Салтыков-Щедрин М. Е.:</i> «Губернские очерки».</p> <p><i>Самойлов Д. С.:</i> «Юлий Кломпус».</p> <p><i>Солженицын А. И.:</i> «Один день Ивана Денисовича».</p> <p><i>Толстой А. К.:</i> «Василий Шибанов».</p> <p><i>Толстой Л. Н.:</i> «Детство. Отрочество. Юность»; «Война и мир»; «От ней все качества».</p> <p><i>Тургенев И. С.:</i> «Гамлет Щигровского уезда»;</p>	<p>«Чайная»; «Воскресение»; «Струфиан»; «Голоса за холмами»; «Второй перевал»; «Улица Тооминга»; «Двенадцатая ночь» (пер.), <i>Северянин И.:</i> «Квадрат квадратов».</p> <p><i>Твардовский А. Т.:</i> «Василий Теркин»; «Теркин на том свете»; «По праву памяти»; «Дом у дороги»; «Страна Муравия»; «За далью – даль»; стих. «На хуторе Загорье».</p> <p><i>Харджиев Н.:</i> «Прощание с Кармен».</p> <p><i>Хлебников В.:</i> «Перевертень».</p> <p><i>Стихотворения</i> Межирова, Ахматовой, Вознесенского, Добролюбова, Фета, Мандельштама</p> <p><i>Байрон Дж. Г.:</i> «Бэппо».</p> <p><i>Гете И.:</i> «Фауст».</p> <p><i>Эсхил:</i> «Семеро против Фив».</p>	<p><i>Македонов А. В.:</i> «Очерки советской поэзии»; «Творческий путь Твардовского: “Дом у дороги”»; «Свершения и кануны»; ст. «Трагические рабочие тетради Твардовского»; ст. «Эстетика Гегеля и современность»; «Эпохи Твардовского»</p> <p><i>Поварнин С. И.:</i> «Искусство спора»</p> <p><i>Самойлов Д. С.:</i> «Книга о русской рифме».</p> <p><i>Синяевский А. Д.:</i> «Один день с Пастернаком» (ст.).</p> <p><i>Соловьев С. М.:</i> «История России с древнейших времен»</p> <p><i>Тарле Е. В. (ред.):</i> «История дипломатии».</p> <p><i>Тойбин И. М.:</i> ст. «“Евгений Онегин”»: поэзия и история».</p> <p>Фризман Л. Г.: «Научное творчество С. А. Рейсера».</p> <p><i>Эйдельман Н. Я.:</i> «Обратное провидение».</p> <p>Lebenswerk <i>Аристотель:</i> «Аналитика»; «Поэтика»; «Метафизика».</p> <p><i>Бакри П.:</i> «Фигуры стиля».</p> <p><i>Вайнберг С.:</i> «Первые три минуты».</p>	

Продолжение таблицы 2.4.1

Прозаические произведения (художественные)	Лирические произведения	Научные и философские труды	Песни
<p>«Записки охотника». <i>Тынянов Ю. Н.:</i> «Подпоручик Кижж»; «Смерть Вазир-Мухтара». <i>Чехов А. П.:</i> «Тоска»; «Степь»; «Муж»; «На святках»; «Шуточка»; «Скучная история» <i>Шкловский В. Б.:</i> «Третья фабрика».</p> <p><i>Дюма А.:</i> «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». <i>Бэрроуз У. С.:</i> «Владыка Марса». <i>Гессе Г.:</i> «Игра в биссер» <i>Гитлер А.:</i> «Моя борьба». <i>Киплинг Р.:</i> «Маугли». <i>Кэрвуд Дж. О.:</i> «Золотая Петля». <i>Лэблан М.:</i> «Хрустальная пробка». <i>Ремарк Э. М.:</i> «Три товарища». <i>Синклер Л.:</i> «Эрроусмит». <i>Стендаль Ф.:</i> «Красное и черное». <i>Тальман П.:</i> «Езда в остров Любви». <i>Турнье М.:</i> «Лесной царь». <i>Шарль де Костер:</i> «Легенда об Уленшпигеле». <i>Фолкнер У.:</i> «Шум и ярость»</p>		<p><i>Ван дер Варден Б. Л.:</i> «Математическая статистика». <i>Виламовиц-Меллендорф У. фон:</i> Aischylos. Interpretationen (пер. «Эсхил. Интерпретации»).</p> <p><i>Витале С.:</i> «Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина» <i>Витале С., Старк В.:</i> «Черная речка: до и после». <i>Вулдридж Д.:</i> «Механизмы мозга» <i>Кант И.:</i> «Критика чистого разума». <i>Кречмер Э.:</i> «Медицинская психология»; «Об истерии»; «Строение тела и характер»; «Гениальные люди». <i>Лавджой А.:</i> «The Great Chain of Being» (пер. «Великая цепь бытия»).</p> <p><i>Лависс Э., Рамбо А.Н.:</i> «История XIX века». <i>Ласкер Э.:</i> «Учебник шахматной игры». <i>Леви-Стросс К.:</i> «Les mythologiques» (пер. «Мифологии»).</p> <p><i>Мизес Рихард фон:</i> «Вероятность и статистика». <i>Ницше Ф.:</i> «Also sprach Zarathustra» (пер. «Так говорил Заратустра»).</p>	

Продолжение таблицы 2.4.1

Прозаические произведения (художественные)	Лирические произведения	Научные и философские труды	Песни
		<i>Рейфилд Д.:</i> «Жизнь А. Чехова» <i>Тигем Ван:</i> «Le preromantisme» (пер. «Предромантизм») <i>Фейнман Р.:</i> «Характер физических законов». <i>Фрейд З.:</i> «Тотем и Табу». <i>Шредингер Э.:</i> «Что такое жизнь? С точки зрения физика». <i>Эйнштейн А.,</i> <i>Инфельд Л. М.:</i> «Эволюция физики»	

Таблица 2.5 – Прагматоним

Порейонимы (названия транспортных средств)		
Сухопутные	Воздушные	Водные
1. Волга 2. Жигули 3. Ландо (повозка) 4. Москвич 5. Чайка	1. Мессершмидт 2. Фаст 3. Фокке-Вульф 4. Хайнкель 5. Юнкерс-87	1. Корабль «Летучий голландец» 2. Парусник «Товарищ»

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

(справочное)

Реалии государственного строя и общественной жизни

Таблица 3.1 – Эргоним (название предприятий или организаций, осуществляющих деятельность в различных сферах жизни общества)

Органы власти	Промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения	Гостиницы и санатории	Общественные организации	Воинские подразделения
1. КПСС 2. НКПС 3. КГБ 4. НКВД 5. ГУЛАГ 6. ЧК 7. ЗАГС 8. Культпросвет	1. Станкостроительный завод 2. Сорок третий (автозавод) 3. Большевик (Киев) 4. Харьковский тракторный завод 5. Комбинат «Воркутауголь» 6. Киевская киностудия (Национальная киностудия художественных фильмов имени Александра Довженко) 7. Одесская киностудия 8. Ялтинская киностудия 9. Футбольный клуб «Динамо» 10. Райнметаль (немецкая компания) 11. Телефункен (немецкая компания) 12. Омега (швейцарская компания) 13. Борисполь (аэропорт)	1. Гостиница «Лондонская» 2. Гостиница «Парк» 3. Люстдорф (приморский курорт УССР) 4. Санаторий имени Н.М. Пржевальского 5. Турбаза Озерная	1. ВАК 2. Дом профсоюзов 3. Всесоюзный дом композиторов (ныне Московский дом композиторов) 4. Союз писателей 5. ЦДЛ (Центральный дом литераторов) 6. Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ) 7. Всесоюзная пионерская организация	1. Красная Армия 2. Армия Петра I 3. Армия «Центр» 4. Армия «Север» 5. Армия «Юг» 1) Берлинский фронт 2) Астраханский фронт

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

(справочное)

Ономастические реалии

Таблица 4.1 – Семьи. Семья Баевского

Семьи	Семья Баевского
1. Азадовские	1. Александр – погибший старший брат
2. Баевские	2. Аполлинария Дмитриевна – мать Галины Маркиановны
3. Бунины	3. Баевская В. – жена дяди Абрама
4. Бухштабы	4. Баевская В. М. – первая жена дедушки
5. Гагарины	5. Баевская Е. В. (Лозинская) – дочь Баевского
6. Гонкуры	6. Баевская Р. М. – тетя (родная сестра отца)
7. Журавлевы	7. Баевская Э. С. – вторая жена дедушки
8. Ланны	8. Баевский А. М. – дядя (взял другое имя – Артур Матвеевич)
9. Лилли	9. Баевский В. А. – двоюродный брат
10. Лотманы	10. Баевский Г. А. – двоюродный брат
11. Мамонтовы	11. Баевский Д. М. (дружочек) – внук-музыкант
12. Морозовы	12. Баевский М. Л. – дедушка
13. Ойстрахи	13. Береговская Э. М. – жена Баевского
14. Раевские	14. Береговский М. Я. – тесть, отец жены
15. Рейсеры	15. Кессель А. И. – дядя Баевского
16. Рудневы	16. Кессель Г. Р. – бабушка Баевского
17. Рыленковы	17. Кессель М. Р. – тетя Баевского
18. Самойловы	18. Кессель И. М. – дедушка Баевского
19. Слонимские	19. Кессель С. И. – мать Баевского
20. Суворины	20. Кессель Ф. И. – тетя Баевского
21. Твардовские	21. Кессель Я. И. – дядя Баевского
22. Томашевские	22. Лазурин-Баевский С. М. – отец Баевского
23. Третьяковы	23. Фенстер В. И. – дядя Баевского
24. Тронские	
25. Успенские	
26. Федоровы	
27. Цветаевы	
28. Чистовы	
29. Чудаковы	

Таблица 4.2 – Соседи. Эвакуированные. Друзья. Одноклассники и сокурсники

Соседи	Эвакуированные	Друзья, приятели (детские)	Одноклассники и сокурсники
1. Зильберштейн В.М. 2. Люция Юльевна 3. Николай Иванович 4. Николай Степанович	1. Левадарова В. 2. Мария Осиповна 3. Толик	1. Ванька 2. Волосов А. 3. Глазков В. В. 4. Грабовецкая Б. (Бэба) 5. Дорфман А.Л. 6. Зильберштейн В.	1. Аптекман 2. Афонин 3. Белов Л. 4. Белоцерковская М. 5. Бернштейн 6. Беспалова Л. 7. Болотова Н.

Продолжение таблицы 4.2

Соседи	Эвакуированные	Друзья, приятели (детские)	Одноклассники и сокурсники
		7. Инна 8. Кондра Б. 9. Левадарова Т. 10. Люсик 11. Лучин В. И. 12. Майя 13. Маша 14. Петька (Печа) 15. Полищук Г. 16. Ротманская Л. И. 17. Сгибарцев В. 18. Сирота Р. А. (в тексте – Радик) 19. Сусанна (Суслик) 20. Таравердова Б. (в тексте Бэла) 21. Филиппенко В. 22. Элла 23. Юзик	8. Боровский Н. 9. Бортник Н. 10. Бочковская 11. Бродская Е. 12. Варшавская 13. Винницкий Л. (Леня) 14. Высота 15. Галак П. 16. Голчак П. 17. Губенко Т. 18. Диброва 19. Дубровская Л. 20. Жанжерова М. 21. Зельдич С. 22. Зигенфельд И. 23. Караченцева 24. Кармазина Э. 25. Косухина М. 26. Лакштанов В. 27. Летичевская Л. 28. Лиссов И. 29. Луканцевер У. 30. Лысенко Ю. 31. Машинский 32. Мишура М. 33. Мороз 34. Новикова 35. Овсиенко А. М. 36. Озадовская В. 37. Ольховский Ю. 38. Полстянко И. 39. Прицкер Д. 40. Пхакадзе Т. 41. Рейзельман И. 42. Рейзельман М. 43. Ремизов Б. – студент Киевского ун-та 44. Ронинсон О. А. – студент Ю. М. Лотмана, для которого писал отзыв Баевский 45. Свердлик 46. Сергей 47. Сироченко И. 48. Табачук П. 49. Тазов С. 50. Фридман А. 51. Фукс В.

Продолжение таблицы 4.2

Соседи	Эвакуированные	Друзья, приятели (детские)	Одноклассники и сокурсники
			52. Цейтлин А. 53. Чернощеков Г. 54. Чугунова Ю. 55. Чудная Л. 56. Шапиро О. 57. Шаповалова В. – студентка, написавшая портрет Баевского 58. Шкробко В. 59. Шумов В. Н. 60. Эдельштейн 61. Юрка 62. Яхнис А. Л.

Таблица 4.3 – Ученики Баевского. Педагоги

Ученики Баевского (ученики, студенты, аспиранты)	Педагоги
1. Аторина О. Г. 2. Богданова Т. В. 3. Изотова Т. 4. Карпицкая Т. А. 5. Котова Э. Л. 6. Кузина Н. В. 7. Маллер Л. М. 8. Марусова И. В. 9. Некоз О. А. 10. Новик А. А. 11. Романова И. В. 12. Сафроненкова Н. А. 13. Старовойтова Л. А. 14. Таршина О. М. 15. Шалюкова Т. 16. Шамонин А. М.	1. Беляновская А. П. 2. Бойчук 3. Вальцев Н. К. 4. Войтушенко В. Д. 5. Даденков Н. Ф. 6. Доценко П. В. 7. Зинаида Владимировна 8. Иофанов Д. М. 9. Ираида Евгеньевна 10. Марья Кондратьевна 11. Нуштаев С. Н. 12. Нуштаева О. П. 13. Сахарный Н. Л. 14. Сергей Александрович 15. Сурова Н. В. 16. Туранская В. А. 17. Хинчук Ю. В. 18. Чалый Д. В. 19. Чамата П. Р. 20. Чирков Г. Т.

Таблица 4.4 – Гуманитарное направление

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
<ol style="list-style-type: none"> 1. Абрамович С. Л. – литературовед 2. Абызов Ю. И. – литературовед 3. Аверинцев С. С. – филолог 4. Адмони В. Г. – переводчик 5. Азадовский К. М. – литературовед 6. Азадовский М. К. – фольклорист 7. Аллилуева С. И. – переводчик 8. Андреев Ю. А. – литературовед 9. Андриевская А. А. – филолог 10. Аникст А. А. – литературовед 11. Асмус В. Ф. – философ 12. Балашов Н. И. – литературовед 13. Барсков Я. П. – историк литературы 14. Бахтин М. М. (Bakhtin M.) – философ и филолог 15. Белецкий А. И. – литературовед 16. Белоусов А. Ф. – литературовед 17. Бердяев Н. А. – философ 18. Благой Д. Д. – литературовед 19. Буслаев Ф. И. – филолог 20. Бухштаб Б. Я. – историк 21. Введенский А. И. – философ 22. Веселовский Александр Н. – историк литературы 23. Веселовский Алексей Н. – литературовед 24. Виноградов В. В. – лингвист 25. Вишневский К. Д. – литературовед 26. Войтехович Р. С. – литературовед 27. Волевич И. Я. – переводчик 28. Волосов В. М. – филолог 29. Волошинов В. Н. – лингвист 30. Выготский Л. С. – психолог 31. Гаспаров Б. М. – литературовед 32. Гаспаров М. Л. – литературовед 33. Гейро Л. С. – литературовед 34. Гинзбург Л. Я. – литературовед 35. Гончаров Б. П. – литературовед 36. Горелик Л. Л. – филолог 37. Горчаков Г. – литературовед 38. Грабарь-Пассек М. Е. – переводчик 39. Грановский Т. Н. – историк 40. Гречишкин С. С. – литературовед 41. Григорьев В. П. – лингвист 42. Гришунин А. Л. – текстолог 43. Гроссман Л. П. – историк литературы 44. Грузинский А. С. – литературовед 45. Гудзий Н. К. – литературовед 46. Гуковский Г. А. – литературовед 47. Динамов С. С. (наст. Оглодков) – литературовед 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Августин Аврелий Блаженный (древнерим.) – богослов 2. Аполлоний Тианский – философ (грец.) 3. Аристотель Стагирит – философ (грец.) 4. Бакри П. – филолог (франц.) 5. Бейли Дж. – литературовед (амер.) 6. Бергсон А. – философ (франц.) 7. Бэкон Р. – философ (англ.) 8. Бэкон Ф. – философ (англ.) 9. Виламовиц-Мёллендорф У. фон – филолог (нем.) 10. Гегель Г. В. Ф. – философ (нем.) 11. Гераклит Эфесский – философ (древнегреч.) 12. Геродот – историк (древнегреч.) 13. Гиро П. – историк (франц.) 14. Граммон М. – лингвист (франц.) 15. Диоген Лаэртский – историк философии (грец.) 16. Золян С. Т. – филолог (арм.) 17. Исаков С. Г. – литературовед (эстон.) 18. Кант И. – философ (нем.) 19. Кишра Л. (Quicherat L.) – филолог (франц.) 20. Кларк К. (Clark K.) – историк культуры (амер.) 21. Коген Г. – философ (нем.) 22. Кьеркегор С. – философ (дат.) 23. Лавджой А. О. – философ (амер.) 24. Лависс Э. – историк (франц.) 25. Лилли И. – литературовед 26. Лотман Ю. М. – литературовед (эстон.) 27. Майенова М. Р. – филолог (польск.) 28. Мартинон Ф. – литературовед (франц.) 29. Милль Д. С. – философ (англ.) 30. Ницше Ф. – философ (нем.) 31. Папаян Р. А. – филолог (армян.) 32. Пирс Ч. С. (Peirce Ch. S.) – философ (амер.) 33. Платон – философ (древнегреч.) 34. Пруаяр Ж. де – литературовед (франц.) 35. Пьльдмяэ Я. – литературовед (эстон.) 36. Рамбо А. – историк (франц.) 37. Рейфилд Д. – литературовед (англ.) 38. Риффатер М. – филолог (амер.) 39. Руссо Ж. Ж. – философ (швейц.) 40. Сенека Л. А. – философ (древнерим.) 41. Сократ – философ (древнегреч.) 42. Соссюр Ф. де – лингвист (швейц.) 43. Сэпир Э. – лингвист (амер.)

Продолжение таблицы 4.4

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
48. Дмитриев Л. А. – литературовед	44. Тарановский К. Ф. – филолог (югослав.)
49. Дубашинский И. А. – литературовед	45. Тейяр де Шарден П. – философ (франц.)
50. Егоров Б. Ф. – литературовед	46. Фукидид – историк (древнегреч.)
51. Елистратова А. А. – литературовед	47. Хайдеггер М. – философ (нем.)
52. Ермилов В. В. – литературовед	48. Хетсо Г. – славист (норвеж.)
53. Живов В. М. – филолог	49. Холквист М. (Holquist) – филолог
54. Жирмунский В. М. – лингвист, литературовед	(амер.)
55. Жовтис А. Л. – литературовед	50. Цец Иоанн – филолог (визант.)
56. Жолковский А. К. – лингвист, литературовед	51. Чернов И. А. – филолог (эстон.)
57. Зеленин С. А. – литературовед	52. Шахвердов С. А. – литературовед
58. Иванов В. В. – литературовед	(эстон.)
59. Ивашева В. В. – литературовед	53. Швейцер А. – философ (нем.)
60. Илькевич Н. Н. – краевед	54. Шеллинг Ф. В. И. – философ (нем.)
61. Кайсаров А. С. – филолог (публицист)	55. Эразм Роттердамский – философ
62. Карлов Л. Н. – литературовед	(нидерланд.)
63. Ключевский В. О. – историк	56. Mommsen Th. – историк (нем.)
64. Конрад Н. И. – филолог	
65. Корман Б. О. – литературовед	
66. Кошелев А. Д. – литературовед	
67. Красноперова М. А. – литературовед	
68. Кривцова А. В. – переводчик	
69. Кудрова И. В. – филолог	
70. Кузьмин Л. А. – переводчик	
71. Кумпан К. А. – литературовед	
72. Куприянов И. Т. – литературовед	
73. Лавров А. В. – литературовед	
74. Лаптева О. А. – лингвист	
75. Ларин Б. А. – лингвист	
76. Лебедев Ю. В. – литературовед	
77. Левинтон Г. А. – литературовед	
78. Лифшиц М. А. – философ	
79. Лихачев Д. С. – филолог	
80. Лойтер С. М. – литературовед	
81. Лопатин Л. А. – философ	
82. Лосев А. Ф. – философ	
83. Лотман Ю. М. – литературовед	
84. Лурье С. Я. – историк	
85. Лурье Ф. М. – историк	
86. Любимов Н. М. – переводчик	
87. Македонов А. В. – литературовед	
88. Максимов Д. Е. – филолог	
89. Мануйлов В. А. – литературовед	
90. Марр Н. Я. – филолог	
91. Медведев П. Н. – литературовед	
92. Медриш Д. Н. – литературовед	
93. Мейлах Б. С. – литературовед	
94. Мещанинов И. И. – лингвист	

Продолжение таблицы 4.4

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
<p>95. Минц З. Г. – литературовед 96. Нейман Б. В. – литературовед 97. Немзер А. С. – историк литературы 98. Николаев П. А. – литературовед 99. Никольская Л. И. – филолог 100. Нинов А. А. – литературовед 101. Новинская Л. П. – литературовед 102. Новиченко Л. Н. – литературовед 103. Обнорский С. П. – лингвист 104. Овчаренко А. И. – литературовед 105. Оксман Ю. Г. – литературовед 106. Пастернак Е. Б. – литературовед 107. Перетц В. Н. – филолог 108. Петровский Ф. А. – филолог 109. Поварнин С. И. – философ 110. Подгаецкая И. Ю. – филолог 111. Полонская К. П. – филолог 112. Пономарева Г. М. – литературовед 113. Поняева А. П. – литературовед 114. Пумпянский Л. В. – литературовед 115. Пуришев Б. И. – литературовед 116. Путилов Б. Н. – фольклорист 117. Рабинович Е. Г. – филолог 118. Радлов Э. Л. – философ 119. Рейсер С. А. – литературовед 120. Рейфман П. С. – литературовед 121. Романова Р. М. – филолог 122. Руднев В. П. – филолог 123. Руднев П. А. – литературовед 124. Саакянц А. А. – литературовед 125. Сапогов В. А. – литературовед 126. Скатов Н. Н. – литературовед 127. Скулачева Т. В. – лингвист 128. Слонимская Л. Л. (урожд. Павлищева) – переводчик 129. Слонимский А. Л. – литературовед 130. Соловьев В. С. – философ 131. Соловьев С. М. – историк 132. Старк В. П. – литературовед 133. Степанов Г. В. – лингвист 134. Степанов Н. Л. – литературовед 135. Столярова И. В. – литературовед 136. Тарле Е. В. – историк 137. Тарлинская М. Г. – лингвист 138. Тименчик Р. Д. – литературовед 139. Тимофеев Л. И. – литературовед 140. Тойбин И. М. – литературовед 141. Томашевский Б. В. – литературовед 142. Топоров В. Н. – филолог</p>	

Продолжение таблицы 4.4

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
143. Тренин В. В. – филолог 144. Гумаркин В. И. – литературовед 145. Тынянов Ю. Н. – литературовед 146. Успенский Б. А. – филолог 147. Успенский В. – литературовед 148. Федоров А. В. – филолог 149. Флейшман Л. – литературовед (советск., израил., америк.) 150. Фомичев С. А. – филолог 151. Фрейденберг О. М. – литературовед 152. Фридлиндер Г. М. – литературовед 153. Фризман Л. Г. – литературовед 154. Хмельницкая Т. Ю. – литературовед 155. Холшевников В. Е. – литературовед 156. Храпченко М. Б. – литературовед 157. Цейтлин А. Г. – литературовед 158. Чаадаев П. Я. – философ 159. Челпанов Г. И. – философ 160. Чистов К. В. – фольклорист 161. Чудаков (возможно, А. П.) – литературовед 162. Чудовская Н. И. – филолог 163. Чумаков Ю. Н. – литературовед 164. Шаповалова Г. Г. – фольклорист 165. Шахматов А. А. – филолог 166. Швейцер В. А. – литературовед 167. Шкловский В. Б. – литературовед 168. Штокмар М. П. – литературовед 169. Шумилова Е. П. – филолог 170. Шурыгина Л. В. – филолог 171. Щеглов Ю. К. – литературовед 172. Щеголев П. Е. – историк литературы 173. Эйдельман Н. Я. – историк 174. Эйхенбаум Б. М. – литературовед 175. Эльзон М. Д. – литературовед 176. Энгельгардт Б. М. – литературовед 177. Эткинд Е. Г. – филолог 178. Якобсон Р. О. – лингвист 179. Ямпольский Г. И. – литературовед	

Таблица 4.4.1 – Гуманитарное направление: журналисты, критики и редакторы, издатели

Журналисты	Критики, редакторы	Издатели
1. Березнев А. Д. – корреспондент газеты «Смоленские новости» 2. Левитан Ю. Б. – диктор	1. Авербах Л. Л. 2. Апресян [возможно – Ю. Д.] 3. Белинский В. Г. 4. Бялый Г. А. 5. Венгеров С. А. 6. Вольпе Ц. С. 7. Горбатенков В. Е. 8. Добролюбов Н. А. 9. Ивинская О. В. 10. Кожин В. В. 11. Копелев Л. З. 12. Лакшин В. Я. 13. Чупринин С. И.	1. Гржебин З. И. 2. Потанина О. А.

Таблица 4.5 – Формальные науки

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
1. Аргунов Б. И. – математик 2. Гальперин Г. А. – математик 3. Колмогоров А. Н. – математик 4. Пискунов Н. – математик 5. Прохоров А. В. – математик 6. Семенов-Тянь-Шанский М. А. – математик 7. Шапошников Н. А. – математик	1. Аккерман В. – математик, логик (нем.) 2. Ван дер Варден Б. Л. – математик (нидерл.) 3. Винер Н. – математик (амер.) 4. Гилберт Д. – математик (нем.) 5. Евклид – математик (древнегреч.) 6. Мизес Р. фон – математик (австр.) 7. Минто У. – логик (англ.) 8. Паскаль Б. – математик (франц.) 9. Тьюринг А. – математик (англ.)

Таблица 4.6 – Естественные науки

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
1. Асс М. Я. – биолог 2. Бронштейн М. П. – физик 3. Вернадский В. И. – геолог 4. Гамалея Н. Ф. – микробиолог 5. Докучаев В. В. – геолог 6. Лебедев А. А. – физик 7. Ломоносов М. В. – физик 8. Лысенко Т. Д. – биолог 9. Менделеев Д. И. – химик 10. Павлов И. П. – физиолог 11. Перевозчиков – астроном 12. Сахаров А. Д. – физик 13. Семенов-Тянь-Шанский А. П. – географ 14. Страхов Н. М. – геолог 15. Шендерович А. М. – физик 16. Кречмер Э. – психиатр 17. Склифосовский Н. В. – хирург	1. Араго Д. Ф. Ж. – физик (франц.) 2. Вайнберг С. – физик (амер.) 3. Бор Н. – физик (датск.) 4. Ван Тигем П. – биолог (франц.) 5. Инфельд Л. – физик (польск.) 6. Кюри П. – физик (франц.) 7. Мах Э. – физик (австр.) 8. Пастер Л. – химик (франц.) 9. Фейнман Р. – физик (амер.) 10. Цельсий А. – астроном (швед.) 11. Шредингер Э. – физик (австр.) 12. Эйнштейн А. – физик (нем.) 13. Эшби У. Р. – психиатр (англ.)

Таблица 4.7 – Социальные науки

Отечественные ученые	Зарубежные ученые
1. Строгович М. С. – правовед	1. Вулдридж Д. – психолог (амер.) 2. Леви-Стросс К. – социолог (франц.) 3. Фрейд З. – психолог (австр.) 4. Юнг К. Г. – психолог (нем.) 5. Коменский Я. А. – педагог (чешск.) 6. Песталоцци И. Г. – педагог (швейц.)

Таблица 4.8 – Сфера искусства. Литература

Писатели отечественные	Писатели зарубежные
1. Абрамов Ф. 2. Адалис А. Е. 3. Ажаев В. Н. 4. Алексеев М. Н. 5. Алтаузен Д. М. 6. Алымов С. А. 7. Андреев Л. 8. Анненский И. Ф. 9. Асеев Н. Н. 10. Ассиар (наст. Блох Р. Н.) 11. Ахматова А. А. 12. Бабель И. Э. 13. Багрицкий В. Э. (Сева) 14. Багрицкий Э. Г. 15. Бальмонт К. Д. 16. Баратынский Е. А. 17. Барбюс А. 18. Бек Т. А. 19. Белов В. И. 20. Белый А. (наст. Бугаев Б. Н.) 21. Берестов В. Д. 22. Блок А. А. 23. Бочаров С. Г. 24. Брик О. М. 25. Бродский И. А. 26. Брюсов В. Я. 27. Булгаков М. А. 28. Бунин И. А. 29. Ваксберг А. И. 30. Вересаев В. В. (наст. Смидович) 31. Винокуров Е. М. 32. Вознесенский А. А. 33. Волошин М. А. 34. Вольпин Н. Д. 35. Высоцкий В. С. 36. Вышеславский Л. Н. 37. Вяземский П. А. 38. Герцен А. И.	1. Аполлинер Г. (франц.) (наст. Костровицкий В. А.) 2. Арагон Л. (франц.) 3. Аристофан (древнегреч.) 4. Бабрий (древнегреч.) 5. Байрон Д. Н. Г. (англ.) 6. Бальзак О. де (франц.) 7. Белль Г. (нем.) 8. Бержерак С. де (франц.) 9. Бэрроуз У. (амер.) 10. Вакхилид (древнегреч.) 11. Верлен П. (франц.) 12. Виан Б. (франц.) 13. Вильдрак Ш. (франц.) 14. Витале С. (Vitale S.) (итал.) 15. Гейне Г. (нем.) 16. Гессе Г. (нем.) 17. Гете И. В. (нем.) 18. Голсуорси Дж. (англ.) 19. Грэм Грин (англ.) 20. Гюго В. М. (франц.) 21. Данте А. (итал.) 22. Диккенс Ч. (англ.) 23. Донн Дж. (англ.) 24. Дюма А. (франц.) 25. Золя Э. (франц.) 26. Ионеско Э. (франц.) 27. Кальдерон де ла Барка П. (испан.) 28. Карем М. (бельг.) 29. Катулл Гай Валерий (древнерим.) 30. Кафка Ф. (нем.) 31. Киплинг Р. (Kipling R.) (анг.) 32. Конрад Дж. (англ.) 33. Кэрвуд Д. О. (амер.) 34. Леблан М. (франц.) 35. Лукиан (древнегреч.) 36. Льюис С. (англ.) 37. Менандр (древнегреч.)

Продолжение таблицы 4.8

Писатели отечественные	Писатели зарубежные
39. Гишпиус З. Н. 40. Гитович А. И. 41. Гоголь Н. В. 42. Гончаров И. А. 43. Горбовский Г. Я. 44. Гордеев Б. П. (псевд. Божидар) 45. Горький М. (наст. Пешков А. М.) 46. Грибоедов А. С. 47. Грин А. С. 48. Грин Н. Н. 49. Гроссман В. С. 50. Гумилев Н. С. 51. Давыдов А.Д.(наст. Кауфман) 52. Даниил Заточник (древнерус.) 53. Дельви́г А. А. 54. Державин Г. Р. 55. Дольд-Михайлик Ю. П. 56. Достоевский Ф. М. 57. Дудинцев В. Д. 58. Евтушенко Е. А. 59. Есенин С. А. 60. Жаров А. А. 61. Жванецкий М. М. 62. Жига И. Ф. 63. Жигулин А. В. 64. Жуковский В. А. 65. Заболоцкий Н. А. 66. Зайцев Б. К. 67. Закруткин В. А. 68. Звездаева В.А. (Смол.) 69. Златовратский Н. Н. 70. Иванов А. А. 71. Иванов А. С. 72. Иванов В. И. 73. Иванов Г. В. 74. Ильина Н. И. 75. Ипатова Р. А. (Смол.) 76. Исаковский М. В. 77. Каверин В. А. 78. Казакевич Э. Г. 79. Казин В. В. 80. Каменский В. В. 81. Кантемир А. 82. Карамзин Н. М. 83. Катаев В. П. 84. Коган П. Д. 85. Кожевников В. М. 86. Козырь Л. И. 87. Кондратьев В. Л.	38. Мердок А. (анг.) 39. Мериме П. (франц.) 40. Мопассан Г. де (франц.) 41. Мусси́нак Л. (фр.) 42. Овидий (древнерим.) 43. Остин Дж. (англ.) 44. Пиндар (древнегреч.) 45. По Э. А. (амер.) 46. Продром Феодор (визант.) 47. Пруст М. (франц.) 48. Рабле Ф. (франц.) 49. Ремарк Э. М. (нем.) 50. Рильке Р. М. (нем.) 51. Ролан Р. (франц.) 52. Рубо Ж. (франц.) 53. Рыльский М. Ф. (укр.) 54. Свифт Дж. (анг.) 55. Сервантес М. С. де (исп.) 56. Сименон Ж. (бельг.) 57. Стайн Г. (амер.) 58. Стейнбек Дж. (амер.) 59. Стендаль (наст. Бель А. М.) (франц.) 60. Стерн Л. (ирл.) 61. Табидзе Т. Ю. (груз.) 62. Турнье М. (франц.) 63. Тычина П. (укр.) 64. Уайльд О. (ирл.) 65. Фаулз Дж. (брит.) 66. Федр (древнерим.) 67. Фейхтвангер Л. (нем.) 68. Флавий Филострат (древнегреч.) 69. Фолкнер У. (амер.) 70. Френсис Д. (наст. Ричард Стенли Френсис) (англ.) 71. Хемингуэй Э. М. (амер.) 72. Чиковани С. И. (груз.) 73. Шевченко Т. Г. (укр.) 74. Шекспир В. (анг.) 75. Эккерман И. П. (нем.) 76. Эсхил (он же Aischylos) (древнегреч.)

Продолжение таблицы 4.8

Писатели отечественные	Писатели зарубежные
88. Корнилов Б. П. 89. Короленко В. Г. 90. Коротич В. А. 91. Кочетов В. А. 92. Краснов Г. В. 93. Кривин Ф. Д. 94. Крученых А. Е. 95. Кудинов М. П. 96. Кузмин М. А. 97. Кузнецов А. В. 98. Кульчицкий М. В. 99. Курочкин В. С. 100. Кутепова Э. 101. Кушнер А. С. 102. Левитанский Ю. Д. 103. Лермонтов М. Ю. 104. Лесков Н. С. 105. Либединский Ю. Н. 106. Липкин С. И. 107. Лозинский М. Л. 108. Луговской В. А. 109. Мандельштам Н. Я. 110. Мандельштам О. Э. (Mandel'stam O.) 111. Мариенгоф А. Б. 112. Мартынов Л. Н. 113. Масс В. З. 114. Матвеева Н. Н. 115. Маяковский В. В. 116. Межиров А. П. 117. Мей Л. А. 118. Мережковский Д. С. 119. Михалков С. В. 120. Набоков В. В. 121. Нариньяни С. Д. 122. Наровчатов С. С. 123. Некрасов Н. А. 124. Огарев Н. П. 125. Одоевцева И. В. 126. Озеров Л. А. 127. Окуджава Б. Ш. 128. Олейников Н. М. 129. Олеша Ю. К. 130. Орлов В. Н. 131. Орлова Р. Д. 132. Осоргин М. А. (наст. Ильин) 133. Оцуп Н. А. 134. Пастернак Б. Л. (Pasternak B.) 135. Паустовский К. Г. 136. Первенцев А. А.	

Продолжение таблицы 4.8

Писатели отечественные	Писатели зарубежные
<p>137. Петников Г. И. 138. Петровых М. С. 139. Пильняк Б. А. (наст. Вогау) 140. Платонов А. П. 141. Полежаев А. И. 142. Полоцкий С. 143. Поляков Н. В. (в тексте – П. Н.) 144. Прокофьев А. А. 145. Проскурин П. Л. 146. Пругков К. 147. Пушкин А. С. (Puskin A.) 148. Радищев А. Н. 149. Ремизов А. М. 150. Розанов В. В. 151. Розанов В. В. 152. Рыбаков А. Н. 153. Рылеев К. Ф. 154. Рыленков Н. И. 155. Салтыков-Щедрин М. Е. 156. Самойлов Д. С. (наст. Кауфман) 157. Санников Г. А. 158. Светлов М. А. 159. Северянин И. (наст. Лотарев И. В.) 160. Селин Л. Ф. (наст. Детуш) 161. Сельвинский И. Л. (наст. имя Карл) 162. Семенов Л. Д. 163. Сергеев-Ценский С. Н. (наст. Сергеев) 164. Синявский А. Д. (псевд. Терц А.) 165. Слуцкий Б. А. 166. Случевский К. К. 167. Солженицын А. И. 168. Сологуб Ф. К. (наст. Тетерников) 169. Сумароков А. П. 170. Сулова А. П. 171. Твардовский А. Т. 172. Твардовский И. Т. 173. Толстой А. К. 174. Толстой А. Н. 175. Толстой Л. Н. 176. Третьяковской В. К. 177. Трифонов Ю. В. 178. Тургенев И. С. 179. Тхоржевский И. И. 180. Тютчев Ф. И. 181. Успенский Г. И. 182. Успенский Л. 183. Фадеев А. А. 184. Федин К. А. 185. Федоров А. М.</p>	

Продолжение таблицы 4.8

Писатели отечественные	Писатели зарубежные
186. Фет А. А. 187. Харджиев Н. И. 188. Харджиев Н. И. 189. Херасков М. М. 190. Хлебников В. В. 191. Хлебников О. Н. 192. Ходасевич В. Ф. 193. Цветаева А. И. 194. Цветаева М. И. (Cvetaeva M.) 195. Чернышевский Н. Г. 196. Чехов А. П. 197. Чивилихин В. А. 198. Чичибабин Б. А. 199. Чуковская Л. К. 200. Чуковский К. И. (наст. – Корнейчуков Н. В.) 201. Чуковский Н. К. (в тексте – Коля) 202. Чухонцев О. Г. 203. Шварц Е. Л. 204. Шепеленко Д. И. 205. Шервинский С. В. 206. Шолохов М. А. 207. Эрдман Н. Р. 208. Эренбург И.Г. 209. Эфрон А. С. 210. Эфрон Г. С. 211. Яковлев В. 212. Яковлев Л. 213. Яшин А. Я. (наст. Попов)	

Таблица 4.9 – Литературный антропоним

Отечественная литература	Зарубежная литература
<ol style="list-style-type: none"> 1. Аксинья («Тихий Дон» М. А. Шолохов) 2. Анна (стихотворение Д. С. Самойлова) 3. Антонина Александровна («Доктор Живаго» Б. Л. Пастернак) 4. Д'Аришак (роман Л. П. Гросмана) 5. Афанасий Иванович 6. Аэлита («Аэлита» А. Н. Толстой) 7. Беппо (Джузеппе) («Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстой) 8. Букашкин («Антимиры» А. А. Вознесенский) 9. Вазир-Мухтар («Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Н. Тынянов) 10. Волх Всеславьевич (из былин) 11. Ди Грасо («Одесские рассказы» И. Бабель) 12. Диана («Диана» А. А. Фет) 13. Дубровский В. А. («Дубровский» А. С. Пушкин) 14. Ева («Ева» Б. Л. Пастернак) 15. Живаго Ю. А. («Доктор Живаго» Б. Л. Пастернак) 16. Захар («Обломов» И. А. Гончаров) 17. Зина (из стих. Ю. Левитанского) 18. Иван Денисович («Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицын) 19. Карамазовы («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский) 20. Каренина А.А. («Анна Каренина» Л. Н. Толстой) 21. Кижэ («Подпоручик Кижэ» Ю. Н. Тынянов) 22. Кломпус Ю. («Юлий Кломпус» Д. С. Самойлов) 23. Лара («Доктор Живаго» Б. Пастернак) 24. Ленский В. («Евгений Онегин» А. С. Пушкин) 25. Лужин А.И. («Защита Лужина» В. В. Набоков) 26. Люверс Е. («Детство Люверс» Б. Л. Пастернак) 27. Людмила («Руслан и Людмила» А. С. Пушкин) 28. Мак-Кумгал Ф. («Гвардия Мак Кумгала» Е. Ланн) 29. Мелихов Г. («Тихий Дон» М. А. Шолохов) 30. Молчалин А. С. («Горе от ума» А. С. Грибоедов) 31. Мороз, Красный Нос («Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасов) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Д'Артаньян («Три мушкетера» А. Дюма) 2. Атос (он же граф де ля Фер) («Три мушкетера» А. Дюма) 3. Виконт де Бражелон («Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» А. Дюма) 4. Ватсон (из рассказов о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла) 5. Гамлет («Гамлет» У. Шекспир) 6. Горацио («Гамлет» У. Шекспир) 7. Готлиб («Эроусмит» С. Льюис) 8. Гулливер («Путешествия Гулливера» Дж. Свифт) 9. Арчи Гудвин (из серии детективных романов Р. Стаута) 10. Дон Кихот («Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» М. де Сервантес) 11. Дульцинея (Дульсинея) («Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» М. де Сервантес) 12. Жорж Дюруа («Милый друг» Ги де Мопассан) 13. Кармен («Кармен» П. Мериме) 14. Лир («Король Лир» У. Шекспир) 15. Люпен А. («Хрустальная пробка» М. Леблан) 16. Маргарита («Фауст» И. Гете) 17. Маугли («Книга джунглей» Р. Киплинг) 18. Мегрэ Ж. (герой детективных романов Жоржа Сименона) 19. Офелия («Гамлет» У. Шекспир) 20. Панса С. («Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» М. де Сервантес) 21. Растиньяк Э. («Отец Горио» О. де Бальзак) 22. Уленшпигель Т. (персонаж средневековых легенд; «Легенда об Уленшпигеле» Шарль де Костер) 23. Сэр Джон Фальстаф (появляется в трех пьесах У. Шекспира) 24. Фауст («Фауст» И. Гете) 25. Фортинбрас («Гамлет» У. Шекспир) 26. Эроусмит М. («Эроусмит» С. Льюис)

Продолжение таблицы 4.9

Отечественная литература	Зарубежная литература
<p>32. Мэри (персонаж английского анекдота Е. Ланна)</p> <p>33. Обломов И. И. («Обломов» И. А. Гончаров)</p> <p>34. Олег («Песнь о Вещем Олеге»)</p> <p>35. Онегин Е. («Евгений Онегин» А. С. Пушкин)</p> <p>36. Опискин Ф. Ф. («Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевский)</p> <p>37. Поликушка («Поликушка» Л. Н. Толстой)</p> <p>38. Пульхерия Ивановна («Старосветские помещики» Н. В. Гоголь)</p> <p>39. Руслан («Руслан и Людмила» А. С. Пушкин)</p> <p>40. Саня (из стих. «Реанимация» Д. С. Самойлова)</p> <p>41. Саша («Время и место» Ю. В. Трифонов)</p> <p>42. Тамара («Тамара» М. Ю. Лермонтов)</p> <p>43. Таня («Доктор Живаго» Б. Л. Пастернак)</p> <p>44. Тарас («От ней все качества» Л. Н. Толстой)</p> <p>45. Татьяна («Евгений Онегин» А. С. Пушкин)</p> <p>46. Твердохлебов И. («Юлий Кломпус» Д. С. Самойлова)</p> <p>47. Теркин В. («Василий Теркин» А. Т. Твардовский)</p> <p>48. Тимофеев (из стих. «Итак, покончив с рифмою...»)</p> <p>49. Генерал Топтыгин (медведь) («Генерал Топтыгин» Н.А. Некрасов)</p> <p>50. Федор Кузьмич («Благое намерение»)</p> <p>51. Цыганов («Цыгановы» Д. С. Самойлова)</p> <p>52. Цыгановы («Цыгановы» Д. С. Самойлов)</p> <p>53. Чацкий А. А. («Горе от ума» А. С. Грибоедов)</p> <p>54. Швабрин А. И. («Капитанская дочка» А. С. Пушкин)</p> <p>55. Шибанов В. («Василий Шибанов» А. К. Толстой)</p> <p>56. Иван Иванович – вымышленный персонаж</p> <p>57. Марья Петровна – вымышленный персонаж у Л. Н. Толстого</p> <p>58. Магдалина (стихотворение Б. Л. Пастернака)</p>	

Таблица 4.9.1 – Святые. Персонажи из мифологии. Библейские персонажи

Святые	Персонажи из мифологии	Библейские персонажи
1. Георгий Победоносец 2. Матфей 3. Петр Муромский 4. Феврония Муромская 5. Франциск Ассизский (кат.)	1. Андромаха 2. Антигона 3. Атлант 4. Ахиллес 5. Баба Яга 6. Бавкида («Филемон и Бавкида») 7. Гермий (Гермес) 8. Лорелея 9. Пегас 10. Прометей 11. Филемон («Филемон и Бавкида») 12. Харон 13. Эдип	1. Ассур (индуизм) 2. Екклезиаст 3. Иаков 4. Иисус Христос 5. Иоанн Креститель 6. Иов 7. Кришна (индуизм) 8. Лаван 9. Магомет (ислам) 10. Zarathoustra (зороастризм)

Таблица 4.10 – Сфера искусства. Изобразительное искусство

Архитекторы	Скульпторы	Художники
1. Росси К. И.	1. Антокольский М. М. 2. Буонаротти М. 3. Коненков С. Т.	1. Аргунов И. П. 2. Гольбейн Г. 3. Кортон П. да 4. Левитан И. И. 5. Пастернак Е. В. (первая жена Б. Л. Пастернака) 6. Пастернак П. Е. (внук Б. Л. Пастернака) 7. Пикассо П. 8. Пирсменишвили Н. А. 9. Рембрандт Х. ван Р. 10. Ренуар П. О. 11. Томпсон М. (Thompson M.) 12. Тончи С. 13. Утрилло М. 14. Школяренко Е. К.

Таблица 4.11 – Сфера искусства. Кино- и театральное искусство

Актеры	Режиссеры	Сотрудники киностудии
1. Бельмондо Ж. П. 2. Вертинский А. Н. 3. Гердт З. Е. 4. Делон Аллен 5. Журавлев Д. Н. 6. Заманский В.П. 7. Ливанов Б.Н. 8. Райх З.Н. 9. Рыжова В.Н. 10. Саксаганский П. К. 11. Сандерс Д. Ж. 12. Солнцева Ю. И. 13. Турчанинова Е. Д. 14. Яблочкина А. А.	1. Брук П. 2. Гричер Г. З. 3. Донской М. С. 4. Козинцев Г. М. 5. Любимов Ю. П. 6. Мейерхольд В. Э. 7. Параджанов С. И. 8. Сантис Дж. де 9. Станиславский К. С. 10. Тарковский А. А. 11. Эфрон Е. Я.	1. Лучин И. Д. – начальник планового отдела киностудии 2. Нечес П. – директор киностудии

Таблица 4.12 – Сфера искусства. Музыкальное искусство

Композиторы	Музыканты и дирижеры	Певцы	Артисты
1. Бах И. С. 2. Бетховен Л. ван 3. Бортнянский Д. С. 4. Гнесин М. Ф. 5. Моцарт В. А. 6. Сальери А. 7. Чайковский П. И. 8. Шопен Ф. 9. Шуберт Ф. 10. Шуман Р. 11. Яворский Б. Л. 12. Яковлев М.	1. Ауэр Л. С. 2. Галкин Н. В. 3. Есипова А. Н. 4. Коган Л. Б. 5. Кондрашин К. П. 6. Нейгауз Г. Г. 7. Ойстрах Д. Ф. 8. Паганини Н. 9. Рихтер С. Т. 10. Ростропович М. Л. 11. Стерн И. 12. Юдина М. В.	1. Виардо П. 2. Дельмас Л. А. 3. Шаляпин Ф. И.	1. Каминка Э. И. 2. Кочарян С. А. 3. Шварц А. И. 4. Яхонтов В. Н.

Таблица 4.13 – Спортсмены

Футболисты	Шахматисты
1. Идзковский А. Л. – футбольный вратарь 2. Трусевич Н. А. – футбольный вратарь	1. Алехин А. А. 2. Боголюбов Е. Д. 3. Карпов А. Е. 4. Корчной В. Л. 5. Ласкер Э. 6. Мароци Г. 7. Ненароков В. И.

Таблица 4.14 – Деятели и участники общественной жизни

Исторические правители	Политические и государственные деятели	Революционеры и партизаны, предводители движений	Военные и военные деятели
<ol style="list-style-type: none"> 1. Ноовер Н. К. (пер.: Г. К. Гувер) 2. Александр II 3. Александр III 4. Александр Македонский 5. Ассаргадон 6. Ассурбанипал 7. Брежнев Л.И. 8. Вл. Мономах 9. Гитлер А. (наст. Шикльгруббер) 10. Годунов Б. 11. Екатерина II 12. Карл Лысый 13. Карл XII 14. Картер Дж. – президент 15. Наполеон 16. Николай I 17. Николай II 18. Павел I 19. Петр I 20. Петр III 21. Пипин Короткий 22. Рейган Р. 23. Рузвельт Ф. Д. 24. Св. Владимир 25. Сталин И. В. (наст. Джугашвили) 26. Хрущев Н. С. 1. Романов Н. М. – князь 	<ol style="list-style-type: none"> 2. Безбородко А. А. 3. Бейлис М. М. 4. Бенкендорф А. Х. 5. Берия Л. П. 6. Блюмкин Я. Г. 7. Бухарин Н. И. 8. Витте С. Ю. (Witte) 9. Воронцов М. С. 10. Вышинский А. Я. 11. Геккерен Л. Б. де Б. 12. Ежов Н. И. 13. Жданов А. А. 14. Зубатов С. В. 15. Каганович Л. М. 16. Канкрин Е. Ф. 17. Киров С. М. 18. Ковалевский М. М. 19. Лопатин 20. Маркс К. 21. Молотов В. М. 22. Нарышкин Д. Л. 23. Помпиду Ж. 24. Ришелье А. Э. С. – С. дю П. (в тексте – Дюк) 25. Руденко Р. А. 26. Салтыков С. В. 27. Тенишева М. К. 28. Энгельс Ф. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Барон Кыш 2. Мирабо О. Г. Р. (Mirabeau O. G. R.) – деятель Великой Французской революции 3. Морозов Н. А. – народник, революционер 4. Пугачев Е. – предводитель Крестьянской войны 5. Тельман Э. – лидер немец. коммунистов 6. Фельдман – революционер 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ганнибал А. П. 2. Деникин А. И. 3. Жуков Г. К. 4. Конев И. С. 5. Курбский А. М. 6. Пестель П. И. 7. Рокоссовский К. К. 8. Франко Ф. 9. Щорс Н. А.

Таблица 4.15 – Люди, связанные с известной персоной

1. Алексеев Ю. – однокурсник Д. С. Самойлова
2. Альтберг В. К. – приемный отец А. В. Македонова
3. Беатриче – возлюбленная Д. Алигьери
4. Бугаева К. Н. – жена А. Белого
5. Волошина М. С. – жена М. А. Волошина
6. Гольдфельд М. Б. – жена К. И. Чуковского
7. Гриша – поздравил Володю и Розу с праздником Великого октября
8. Гурвич Р. А. – жена А. В. Македонова
9. Дантес Ж. Ш. – убил А. С. Пушкина на дуэли
10. Дольд-Михайлик Г. М. – жена Ю. П. Дольд-Михайлика
11. Дольд-Михайлик Д. Ю. (Дорик) – сын Ю. П. Дольд-Михайлика
12. Дольд-Михайлик Я. Ю. (Ярик) – сын Ю. П. Дольд-Михайлика
13. Дорфман И. А. – сын А. Л. Дорфмана
14. Дунаева Е.И. – жена А. Д. Дунаева
15. Жирмунская Н. А. – жена В. М. Жирмунского
16. Журавлева В. П. – жена Д. Н. Журавлева
17. Журавская Н. Л. – учительница, у которой в Коктебеле остановился В. С. Баевский
18. Катакази – шофер В. Э. Мейерхольда
19. Кауфман С. А. – отец Д. С. Самойлова
20. Кривина Е. Ф. – дочь Ф. Д. Кривина
21. Кривина Н. С. – жена Ф. Д. Кривина
22. Кювилье М. П. – жена Р. Ролланна
23. Лавальер Л. де – фаворитка Людовика XIV
24. Лесков А. Н. – сын Н. С. Лескова
25. Лиза – поздравила Володю и Розу с праздником Великого октября
26. Лилли Дж. – жена И. Лилли
27. Македонова М. Н. – бабушка А. В. Македонова со стороны матери
28. Македонова-Альтберг Е. Л. – мать А. В. Македонова
29. Мартынов Н. С. – майор, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова
30. Медведева Г. И. (Галина Ивановна, Галя) – жена Д. С. Самойлова
31. Мельгунова Е. А. – девушка с портрета И. П. Аргунова
32. Назаревский – муж Н. В. Суровой
33. Олеша О. Г. (в девич. Суок) – жена Ю. К. Олеша
34. Пастернак З. Н. (в девич. Нейгауз) – вторая жена Б. Л. Пастернака
35. Пастернак Л. Б. – второй сын Б. Л. Пастернака
36. Пелагея Ульяновна – соседка Н. Н. (вдовы А. Грина)
37. Переверзева С. П. – сотрудница Смоленской областной библиотеки им. А. Т. Твардовского
38. Перевозчикова – дочь Перевозчикова
39. Петровский А. Г. – отец Ф. А. Петровского, главный санитарный врач Москвы
40. Пушкина Н. Н. (в девич. Гончарова) – жена А. С. Пушкина
41. Пушкина О. С. (в зам. Павлицева) – сестра А. С. Пушкина
42. Руднева Е. П. – дочка П. А. Руднева
43. Рыленкова Е. А. – жена Н. И. Рыленкова
44. Рыленкова И. Н. – дочь Н. И. Рыленкова
45. Салтыкова П. Ю. – дочь действительного тайного советника князя Ю. Трубецкого
46. Самойлов П. Д. – сын Д. С. Самойлова
47. Самойлова В. Д. – дочь Д. С. Самойлова
48. Селезнев П. И. – сын И. П. Селезнева
49. Скоробогатова М. А. – жена А. Л. Дорфмана

Продолжение таблицы 4.15

50. Слуцкая А. (в тексте – Алла, Аллочка) – жена А. М. Шендерович
51. Сниткина А. Г. (в зам. Достоевская) – вторая жена Ф. М. Достоевского
52. Сурова А. В. – старшая сестра Н. В. Суровой
53. Табидзе Н. – жена Т. Ю. Табидзе
54. Табидзе Т. Т. – дочь Т. Ю. Табидзе
55. Тарановская В. Л. – жена К. Ф. Тарановского
56. Татьяна Ивановна – подруга Л. И. Ротманской
57. Твардовская А.Т. – сестра А. Т. Твардовского
58. Твардовская В.А. – дочь А. Т. Твардовского
59. Твардовская М. В. – жена И. Т. Твардовского
60. Твардовская М. И. – жена А. Т. Твардовского
61. Твардовская М. Т. – сестра А. Т. Твардовского
62. Твардовский К. Т. – старший брат А. Т. Твардовского
63. Твардовский Т. Г. – отец А. Т. Твардовского
64. Федорова Л. К. – жена А. М. Федорова
65. Флесс А. Э. – отец А.В. Македонова
66. Фрося – домработница Ланнов
67. Хваня – знакомая Б. Я. Бухштаба
68. Чиркова-Маринина О. С. – жена Г. Т. Чиркова
69. Чистова Б. Е. – жена К. В. Чистова
70. Чуковский Б. К. (в тексте – Боб) – сын К. И. Чуковского
71. Шендерович Е. А. – сын друга Баевского А. М. Шендеровича
72. Штерн М. М. – жена С. А. Рейсера
73. Эйленбург С. ван – жена Рембрандта
74. Эйхенбаум О. Б. – дочь Б. М. Эйхенбаума
75. Эфрон С. Я. – муж М. И. Цветаевой

Таблица 4.16, а – Люди разных профессий и категорий

Советские люди	Основали свое дело	Сотрудники вузов	Люди разных профессий
1. Демченко М. С. – советская колхозница 2. Стаханов А. Г. – советский шахтер, новатор угольной промышленности 3. Петька – ординарец	1. Бюрни Ж. – основательница музея М. Карема 2. Пинкертон А. – сыщик и разведчик, основатель «Национального детективного агентства Пинкертона» 3. Понсардэн Н. Б. (вдова Клико) – основатель винодельческого торгового дома «Вдова Клино – Понсардэн»	1. Державин – ректор 2. Дунаев А. Д. – ректор 3. Звирбул – секретарша диссовета 4. Казанский Б. В. – секретарь литературного отдела Института истории искусств 5. Литвинов С. А. – заместитель директора педагогического института 6. Логинова Л. – лаборантка Тартуского университета, кафедра Лотмана 7. Маароос И. – ученый секретарь Тартуского государственного университета 8. Науменко И. Я. – директор института Литературы БССР 9. Прокопенко – секретарь парткома университета	1. Ботвинник – собиратель фотоиконографии 2. Владыченко – секретарь райкома партии (Донбасс) 3. Власенко – секретарь райкома партии 4. Иванов – первый секретарь Старокрымского горкома 5. Кабаков – секретарь Свердловского обкома 6. Марцинкевич З. (в тексте Зойка, Зока) – дочь начальника гаража 7. Селезнев И. П. – слесарь 7-го разряда 8. Сорос Дж. – американский финансист 9. Щербак – дворник

Таблица 4.16, б – Люди разных профессий и категорий

Приняли участие в издании «Романа...»
1. Демидова И. Н. – фото, переданные Баевскому 2. Козлова М. С. – составила указатель имен и книг 3. Скасси А. – фото Скасси, переданные Баевскому.

Таблица 4.17 – Псевдонимы. Прозвища. Имя неодушевленное предмета

Псевдонимы	Прозвище	Имя неодуш. предмета
1. Глыба (Вилен и Ржавый) 2. Лев Данилкин (статья о Лотмане) 3. Макар Свирепый (наст. Н. М. Олейников) 4. Кравцов С. (наст. Н. М. Олейников)	1. Ржавый 2. Рыжий 3. Тыняня (Ю. Н. Тынянов) 4. Граф Киев-Киевлянский (Лазурин-Баевский)	1. Алиса 2. Джек

Таблица 4.18 – Зоонимы

1. Атос 2. Буран – сын пес 3. Буря – мать 4. Уран – отец 5. Джерри 6. Жулька 7. Леди 8. Найда 9. Россинант (лошадь) 10. Титун 11. Тобик
